

Реклама

То, что вы сейчас читаете, не проза. Оно может быть припилено к доске, но оно еще живо и извивается. Оно не имеет намерения соблазнить вас, если только вы не крайне молоды и не хороши собой (пришлите недавнюю фотографию).

Хаким Бей живет в зачуханной китайской гостинице, владелец которой клюет носом на газетой и убогими афишками Пекинской оперы. Вентилятор под потолком крутится, как ленивый дервиш – пот капает на страницу – кафтан поэты покрыт ржавчиной, с его сигареты без фильтра на коврик сыплется пепел – его монологи кажутся бессвязными и слегка зловещими – за окном с задернутыми шторами дворик, который переходит в пальмы, в наивную голубизну океана, в философию тропикализма.

На шоссе где-то к востоку от Балтимора вы проезжаете мимо фургона, а рядом на газоне большой плакат с надписью «Духовное чтение» и изображение грубой черной ладони на красном фоне. Внутри вы замечаете целую выставку слоников, книг о магии чисел, брошюр о Вуду и сантерии, пыльные старые нудистские журналы, стопку «Жизни мальчишки», трактаты о петушиных боях... и эту книжку, «Хаос». Будто слова, произнесенные во сне, эфемерные, исчезающие, превращающиеся в ароматы, птиц, краски, забытую музыку.

Эта книга как бы отдалена от всего непроницаемостью своей поверхности, почти как стекло. Она не виляет хвостом и не рычит, но кусается и опрокидывает мебель. На ней нет номера ISBN, она не вербует вас в адепты, но может похитить ваших детей.

Это книга нервная, как кофе или малярия – она раскидывает целую сеть коротких дорожек и безопасных местечек между собой и читателем – но она так прямолинейна и буквальна, что фактически зашифровывает сам себя – укуривается до ступора.

Маска, автомифология, карта без названий и мест – неподвижная, как египетская фреска, она, однако, тянется, чтобы погладить кого-то по щеке – и вдруг оказывается на улице, во плоти, воплощенной в свете, идущей, бодрствующей, почти довольной.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Amour fou (AF)

Amour fou – не социал-демократия, не парламент двоих. Мгновения ее тайных встреч исполнены смыслов слишком грандиозных, но слишком прозрачных для прозы. Не это, не то – ее Книга эмблем дрожит в твоей руке.

Ясное дело, ей начхать на школьных учителей и полицию, но она так же издевается и над либертарианцами, и над идеологами: это не место, где чисто и светло. Шарлатан-трополог проложил ее коридоры и заброшенные парки, декорировал ее тайные засады блестящим черным и маниакальным красным.

У каждого из нас половина карты – словно два ренессансных княжества, мы создаем новую культуру нашим подвергаемым анафеме слиянием тел, смешением гуморов – воображаемые швы нашего города-государства проступают сквозь наш пот.

Онтологический анархизм так и не вернулся со своей последней рыбалки. Пока никто не стучит в ФБР, ХАОС плевать хотел на будущие цивилизации. Amour fou рождается лишь по недоразумению: ее первостепенная цель – поглотить галактику. Заговор трансмутации.

Все, что ее заботит в отношении Семьи – это возможность инцеста («Расти своих! Каждый – фараон!») – о искренней читатель, мой ближний, мой брат/сестра! – и в детской мастурбации она обнаруживает (как таблетку в японском бумажном цветке) образ крушения государства.

Слова принадлежат тому, кто их произносит, лишь до того момента, как кто-то их украдет. Сюрреалисты опозорили себя, продав Amour fou призрачной машине абстракции – в своем бессознательном они искали лишь власти над другими, и в этом были последователями де Сада, который желал дать «свободу» лишь взрослым белым мужчинам – потрошить женщин и детей.

Amour fou сыта собственной эстетикой, она до краев наполняет сама себя траекторией собственных жестов, она живет по ангельским часам, она не годится в жизненные пути комиссаров и лавочников. Ее «эго» испаряется в изменчивости желания, ее общественный дух вянет в эгоизме одержимости.

Amour fou требует неординарной сексуальности, равно как колдовство требует неординарного сознания. Англосаксонский постпротестантский мир направляет всю свою подавленную чувственность в рекламу и разбивается на враждующие толпы: истерические ханжи против промискуитетных клонов и бывших экс-одиночек. AF не желает вступить в чью-либо армию, она не принимает участия в войне полов, ей скучно от равных прав при приеме на работу (собственно, она вообще отказывается работать ради пропитания), она не жалуется, не объясняет, никогда не голосует и никогда не платит налогов.

AF желает, чтобы каждый незаконнорожденный («дитя любви») был доношен и рожден; AF живет

антиэнтропическими приемами – АФ любит, когда к ней пристают дети – АФ лучше молитвы, лучше марихуаны – АФ берет с собой собственные пальмы и луну, куда бы она ни отправлялась. АФ обожает тропикализм, брейкданс, саботаж, Лейли и Меджуна, запах пороха и спермы.

АФ всегда незаконна, в какие бы одежды ни рядилась – законного брака или отряда бойскаутов; всегда пьяна – то ли вином собственных выделений, то ли дымом собственных полиморфных добродетелей. Это не помрачение чувств, а скорее, ее предварительное условие. *Lux et voluptas*.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Искусство саботажа (ИС)

Искусство саботажа стремится быть образцово-назидательным, но в то же время сохранять долю непроницаемости – не пропаганда, а эстетический шок, безобразно прямолинейный, но в то же время под небольшим углом – действие-как-метафора.

Искусство саботажа – темная сторона Поэтического терроризма – созидание-через-разрушение – но он не может служить какой-либо партии, нигилизму, даже самому искусству. Так же, как уничтожение иллюзий умножает знания, уничтожение эстетического оскорбления действием услаждает воздух в мире дискурса, в мире Другого. Искусство саботажа служит только сознанию, вниманию, бодрствованию.

ИС выходит за пределы паранойи, за пределы деконструкции: высшая форма критики – физическая атака на негодное искусство – эстетический джихад. Самый легкий намек на мелочное я-чество, и даже на личный вкус, нарушает его чистоту и лишает его силы. ИС никогда не ищет мощи – только выпускает её.

Индивидуальные произведения искусства (даже самые плохие) в большой степени нелепы: ИС стремится разрушить все институты, использующие искусство для замутнения сознания и извлекающие выгоду из заблуждения. Того или иного поэта или художника нельзя винить за отсутствие прозрений – но с вредными идеями можно бороться с помощью порожденных ими артефактов. МУЗАК предназначен для того, чтобы гипнотизировать и контролировать – но его механизм можно разбить.

Публичное сожжение книг – почему фашисты и таможенные чиновники монополизировали это оружие? Книжки о детях, одержимых демонами; список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс»; феминистские трактаты против порнографии; школьные учебники (особенно по обществознанию, граждановедению, здравоохранению); подшивки «Нью-Йорк пост», «Виллидж войс» и прочих газетенок, валяющихся в супермаркетах; некоторые гляцевые обложки фантастических книжек; несколько романов из серии «Арлекин»: праздничная атмосфера, бутылки вина и сигареты с марихуаной, передаваемые по кругу ясным осенним днем.

Швырять деньги на пол в здании биржи – вполне достойный поэтический терроризм, но уничтожение денег – это уже Искусство саботажа. Ворваться в телестудию и в течении нескольких пиратский минут показывать произведения взрывоопасного хаотического искусства – праздник ПТ; но попросту взорвать телебашню – это уже тянет на вполне адекватное Искусство саботажа. Если некоторые галереи и музей заслуживают того, чтобы им бросили камень-другой в витрину – не в порядке разрушения, а в порядке вразумления – то что вы скажете о БАНКАХ? Галереи превращают красоту в товар, но банки перерабатывают воображение в дерьмо и долги. Разве мир не станет обретать хотя бы толику красоты с каждым банком, повергнутым в дрожь... или разрушенным? Но как? Искусство саботажа не лезет в политику (ведь это так скучно), но банки – совсем другое дело.

Будьте не пикетчиками - но вандалами. Не протестуйте – низвергайте. Когда вам силой навязывают уродство, убогий дизайн и дурацкие траты, станьте луддитом, швырните сапог в механизм, взбунтуйтесь. Разбивайте символы Империи во имя ничего и с гармонией в сердце.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Стиль и перевод отредактировал Т. Денисов.

Хаос

Хаос не умирает. Извечная необтесанная глыба, одинокое чудовище-идолище, недвижимое и непредсказуемое, непроницаемое, чем любая мифология (словно тени, предшествовавшие Вавилону), первозданное недифференцированное единство бытия по-прежнему безмятежно мерцает, подобно знаменам ассасинов, рассредоточенных и всегда одурманенных.

Хаос предшествует всем принципам порядка и энтропии, он не бог и не личинка, его идиотические порывы

вмещают и определяют любую возможную хореографию, все лишённые смысла эфиры и флогистоны его маски – как облака: кристаллизация его собственной безликости.

Все в природе абсолютно реально, включая сознание, беспокоиться совершенно не о чем. Цепи закона не просто разбиты: их никогда не существовало: демоны никогда не охраняли звезд. Империя никогда не зарождалась, Эрос никогда не отращивал бороды.

Нет, слушайте, все было так: вам лгали, продавали ваши понятия о добре и зле, вам внушили недоверие к плоти, стыд за провозвестие хаоса; изобрели слова отвращения для вашей молекулярной любви; вас загнипотизировали небрежением, вогнали в уныние цивилизации и всех ее ростовщических эмоций.

И вот уже нет ни становления, ни революции, ни борьбы, ни пути: вы уже монарх в собственной шкуре, и вашей неприкосновенной свободе недостает лишь, любви других монархов: политика грез, назойливая, как синь небес. Чтобы отряхнуть от себя все иллюзорные права и колебания истории, потребна экономика легендарного каменного века: не священники, а шаманы, не лорды, а барды, не полицейские, а охотники, собиратели палеонтологической лени, нежные, как кровь, обнаженные из принципа или раскрашенные как птицы, вознесенные на волну эксплицитного присутствия, без тиканья часов, без вчера, без завтра.

Взгляды агентов хаоса опаляют все и всех способных свидетельствовать о своем состоянии, о горячем жаре *lux et voluptas*. Я бодрствую лишь в любви и желании на грани ужаса; остальное – лишь зачехленная рухлядь, повседневная анестезия, дерьмо в мозгах, дорептильная скука тоталитарных режимов, полая цензура и бессмысленная боль.

Аватары хаоса ведут себя как преступники, саботажники, шпионы *among fou*: не герои и не себялюбцы, доверчивые, как дети, с обходительностью варваров, одержимые маниями, безработные, неуравновешенные, полуволки-полуангелы, зеркала созерцания, с глазами, словно цветы: пираты всех знаков и значений.

Мы пробираемся по трещинам в стенах огромных монолитов: церковно-государственной школы и фабрики. Отрезанные от своего племени железной ностальгией, мы прокладываем свой путь вслед за утерянными словами, воображаемыми бомбами.

Последний возможный поступок - тот, в котором явлено восприятие как таковое, невидимая золотая нить, связывающая нас: беззаконная пляска в коридорах полицейского участка. Если я поцелую тебя здесь, это примут за террористический акт; так прихватим же пистолеты с собой в постель и разбудим город в полночь, словно пьяные бандиты, отмечающие праздник пальбой, посланием вкуса хаоса.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Стиль отредактировал Т. Денисов.

Мифы хаоса

Незримый Хаос (по-те-ктеа)

Непреходящий, ничей,

Хаос последней тьмы,

Нетронутый и неприкосновенный.

Маорийская песня

Хаос угнездился на небесной горе: огромная птица, словно желтый мешок или алый огненный шар, с шестью ногами и четырьмя крылами – он не имеет лица, но пляшет и поет.

Или: Хаос – черный длинношерстный пес, слепой и глухой, лишённый пяти внутренних органов.

Хаос-бездна был вначале; следом Гея-Земля, следом Вожделение-Эрос. От этих троих произошли две пары – Эреб и старуха-Ночь, Эфир и Дневной свет. Ни бытие, ни небытие,

Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;

Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.

Что в движении было? Где? Под чьим покрывалом?

Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было

Различия между ночью и днем.

Без дуновения само собой дышало Единое,

И ничего, кроме него, не было.

Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразлично, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
И началось [тогда] с желания – оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскали, воспримля в сердце,
Прозорливые мудрецы.
Вервь их простерта поперек. Было ли
Внизу [что], было ли вверху?
Носители семени были, силы были. Вождение –
Внизу, усилия – вверху.
Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,
Откуда возникло это мироздание?

«Ригведа»

Тиамат – Хаос-Океан – медленно извергает из чрева или и слизь, горизонты, небо и водянистую мудрость. Это ее потомство становится шумным и неуправляемым: она подумывает, не уничтожить ли его.

Но Мардук, вавилонский бог войны, восстает против старой ведьмы и ее чудищ – порождений Хаоса, хтонических тотемов: Червя, Женщины-гиганта, Великого Льва, Безумного Пса, Человека-Скорпиона, Воющей Бури – драконов, идущих во славе, будто боги – и против самой Тиамат, великой морской змеи.

Мардук обвиняет ее в том, что она заставляет сыновей бунтовать против отцов – она любит Тумана и Тучу, начала беспорядка. Мардук первым правил, первым изобрел правительство. В битве он убивает Тиамат и из ее тела формирует упорядоченный материальный мир. Он вдохновитель Вавилонской империи – затем из ошметков и кровавых внутренностей кровосмесителя – сына Тиамат он создает человеческий род, чтобы он вечно служил удобному существованию богов – а еще их первосвященникам и помазанникам-царям.

Отец Зевс и олимпийцы ведут войну против матери Геи и титанов – этих поборников хаоса, древних путей охоты и собирательства, бесцельного бродяжничества, андрогинности и свободы животных.

Амон-Ра (сущий) сидит в одиночестве в первобытном Океане-Хаосе, выныривая и создавая прочих богов, - но Хаос проявляет себя и в виде змея Апоп, которого Ра должен уничтожить (вместе с его славой, его тенью и его магией), чтобы фараоны могли безопасно править – победа, каждый день ритуально воссоздаваемая в царских храмах, чтобы запугать и проклясть врагов государства, космического порядка.

Хаос – Хунь Дун, властитель Срединного царства. Однажды Северное море, император Шу, и Южное море, император Ху (шу ху = молния), явились навестить Хунь Дуна, который всегда относился к ним хорошо. Желая отплатить ему за доброту, они сказали: «У каждого существа есть семь отверстий, чтобы видеть, слышать, есть, испражняться и т. д., - а у бедного старого Хунь Дуна нет! Давай просверлим их ему!» Так они и сделали – сверлили по отверстию в день, пока на седьмой день Хунь Дун не умер.

Но... Хаос – это к тому же огромное куриное яйцо. В нем родился Паньгу и растет 18 тысяч лет – наконец яйцо раскалывается, распадается на небо и землю, янь и инь. А Паньгу вырастает в столп, который держит всю вселенную – точнее, он становится вселенной (дыхание – ветер, глаза – солнце и луна, кровь и гуморы – реки и моря, волосы и ресницы – звезды и планеты, сперма – жемчуг, костный мозг – нефрит, блохи на нем – люди и т. д.).

Или же становится человеком-чудовищем – Желтым Императором, или же становится он Лао-цзы, пророком Дао. Собственно, бедный старый Хунь Дун и есть Дао собственной персоной.

«Музыка природы не существует вне вещей. Различные отверстия, трубы, флейты, все живые существа, вместе взятые, составляют природу. «Я» не может произвести вещи, а вещи не могут произвести «Я», которое существует само по себе. Вещи- то, чем они являются спонтанно, они не имеют причины вне себя самих. Все в мире естественно и не знает, почему это так. 10 тысяч вещей имеют 10 тысяч различных состояний, и все находятся в движении, как будто есть истинный повелитель, движущий их, - но если мы начнем искать доказательства существования этого повелителя, мы их не найдем» (Куо Сиань).

Любое реализованное сознание есть «император» чья форма правления сама по себе состоит в том, чтобы ничем не нарушить естественность природы, Дао. «Мудрец» это не сам Хаос, но скорее верное дитя Хаоса, одна из блох Паньгу, кусочек плоти чудовищного сына Тиамат. «Небо и земля, говорит Чжуан-цзы, - родились в тот же миг, что и я, и 10 тысяч вещей едины со мной».

Онтологический анархизм не склонен соглашаться лишь с тотальным квиетизмом даосистов. В нашем мире Хаос низвергнут младшими богами, моралистами, фаллократами, банкирами-жрецами, готовыми повелителями слуг. Если бунт окажется невозможным, в крайнем случае можно начать тайный духовный джихад. Так вперед же, за боевыми знаменами анархистского черного дракона, Тиамат, Хунь Дуна. Хаос никогда не умирал.

Коммюнике #1

Весна 1986

Лозунги и девизы для граффити в метро и для прочих целей:

Безродный космополитизм
Поэтический терроризм (царапать или ставить резиновые штампы на рекламных щитах)
Этого вы хотите на самом деле
Марксизм-штирнеризм
Бастуйте за праздность и красоту духа
У маленьких деток прекрасные ножки
Цепи закона разбиты
Тантрическая порнография
Радикальный аристократизм
Партизаны города за свободу детей
Боло-боло
Гей-сионизм (Содом для содомитов)
Пиратские утопии
Хаос бессмертен

Некоторые из вышеперечисленных – «искренние» лозунги Ассоциации онтологического анархизма (АОА), другие предназначены для того, чтобы вызвать в публике враждебность и непонимание, - но мы точно не знаем, какие из них какие. Благодарим Сталина, Неизвестного автора, Боба Блэка, Пира Хасана (мир ему), Ф. Ницше, Хэнка Перселла-младшего, П. М. и брата Абу Джахад аль-Салаха из мавританского храма Дагон.

Некоторые идеи поэтического терроризма по-прежнему уныло прозябают в мире концептуального искусства.

1. Войти в компьютерный зал для клиентов «Ситибанка» или «Химбанка» при большом скоплении народа, насрать на пол и убежать.

2. Чикаго, 1 мая 86: организовать религиозную процессию мучеников Хеймаркета: огромные знамена с сентиментальными портретами, в гирляндах цветов, фольге и лентах; пусть их несет покаянная процессия в черных рясах с капюшонами в КККатолическом стиле.

Походно-полевые телеслужки курят ладан, брызгают в толпу святой водой – анархисты с вымазанными пеплом лицами хлещут себя маленькими плетками и бичами – «Папа» в черных одеждах благословляет крохотные жестяные гробики, которые плачущие паки благочестиво несут на кладбище. Такой спектакль должен оскорбить почти всех.

3. Расклеить на стенах в общественных местах ксерокопии листовки: фотография голого двенадцатилетнего мастурбирующего мальчика; к ней четка подпись: «Лик божий».

4. Анонимно посылать по почте тщательно исполненные изящные магические благословения людям или группам людей, которыми вы восхищаетесь, например, за их политические убеждения, духовную и физическую красоту, успешную преступную деятельность и т. п. В общем и целом, следуйте процедуре, описанной ниже, в пункте 5, но пользуйтесь эстетикой удачи, восторга и любви – в зависимости от того, что больше подходит.

5. Навлечь страшное проклятие на какое-нибудь вредное учреждение, например, нью-йоркскую почту или компанию МУЗАК. Техника малайских колдунов: пошлите компании пакет, содержащий бутылку, закрытую пробкой и запечатанную черным воском. Внутри: дохлые насекомые, скорпионы, ящерицы и тому подобное; мешок с кладбищенской глиной («гри-гри» в терминологии американских вуду) и другими ядовитыми веществами; яйцо, пронзенное железными иголками и булавками; свиток, на котором изображена янтра (эта янтра, или «веве», вызывает Черного Джина, темную сторону «я»). Подробности можно узнать в АОА). В сопроводительной записке объясните, что злые чары обращены на учреждение, а не на людей – но если учреждение это само по себе не перестанет быть вредным, проклятие (словно зеркало) начнет заражать его территорию злосчастьем, миазмами негативности. Подготовьте «выпуск новостей», в котором разъясните проклятье и берете на себя за него ответственность от имени Американского поэтического общества. Пошлите экземпляры этого текста всем служащим компании и в некоторые средства массовой информации. В ночь перед тем, как эти письма дойдут до адресатов, заклейте стены учреждения ксероксными эмблемами Черного Джина,

так чтобы все служащие увидели их, придя на работу следующим утром.

(Еще раз спасибо Абу Джехаду, а также Шро Анаманеде – мавританскому кастеляну Бельвереской башни погоды – и другим друзьям из Автономной зоны Центрального парка – и Бруклин-Темпл №1.)
Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #2

Памятное боло калликака и ашрам хаоса: предложение

ИСПЫТЫВАЯ ОДРЕЖИМОСТЬ трейлерами «Эрстрим» - этим классическим миниатюрным дирижаблям на колесах – равно как и основными пустошами Нью-Джерси, огромными затерянными в пространстве задворками, состоящими из песчаных лощин и смолистых сосен, клюквенных болот и призрачных городов, где население 14 человек на квадратную милю, грунтовые дороги, заросли папоротников, провалившие лачуги и отдельно встречающиеся ржавые бытовки со сгоревшими автомобилями в двориках

Земля мифических калликаков – сосновых семеек, которых исследовали евгеники в 1920-е годы на предмет оправдания стерилизации бедняков. Некоторые калликаки выгодно женились, преуспели и стали буржуа благодаря хорошим генам – другие никогда по-настоящему не работали, а жили в лесу – инцест, содомия, умственная отсталость цвели пышно цветом – фото подретушированы, чтобы лица выглядели пустыми и тупыми – произошли от мошенников-индейцев, гессийских торговцев, контрабандистов рома, дезертиров – лавкрафтовские дегенераты

А ведь если подумать, калликаки вполне могли произвести на свет тайных хаотов, секс-радикалов, пророков Нуля. Как и другие монотонные пейзажи (пустыня, море, болото), пустоши, похоже, пронизанные некой эротической мощью – это не столько врил, или оргон, сколько тягучий беспорядок, почти похотливость природы, как будто води и суша сотканы из сексуальной плоти, мембран, пещеристых эрекционных тел. Мы хотим разбить здесь бивак – может быть, заброшенный охотничий или рыбачий домик с плитой и сортиром – или разваливающийся кемпинг у деревенской дороги, по которой никто не ездит – или просто гуща деревьев, где мы припаркуем два-три «Эрстрима» - среди сосен, у ручья или пруда. Были ли калликаки способны на что-нибудь путное? Посмотрим

Где-то мальчики мечтают, что придут инопланетяне и вызволят их из семей, возможно, при этом испепелив родителей каким-нибудь космическим лучом. Разоблачение Заговора космических пиратов о похищении детей – Инопланетянин под маской оказался фанатическим диким шиитом-поэтом – НЛО над Сосновой пустошью – Пропавшие мальчики покинут Землю – утверждает так называемый пророк Хаоса Хаким Бей

Мальчики-беглецы, грязь и беспорядок, экстаз и похоть, детство как постоянный бунт, коллекции – лягушек, улиток, листьев – хождение пописать при луне – 11, 12, 13 – достаточно взрослые, чтобы отобрать бразды правления своей собственной историей у родителей, школы, социальных служб, телевидения – приходите жить с нами в Пустоши – мы выращиваем местный сорт бессемянной травы, чтобы финансировать свои прихоти и созерцание летней алхимии – и больше ничего не производить, кроме артефактов Поэтического Терроризма и памяток о наших радостях

Ездить на бесцельные прогулки в старом пикапе, ловить рыбу и собирать ягоды, валяться в тенечке, читая комиксы и поедая виноград – вот наша экономика. Полнота вещей, не скованных законом, каждая молекула – орхидея, каждый атом – жемчужина для внимательного сознания – вот наш культ. «Эрстрим» задрапирован персидскими коврами, газон ломится от довольных жизнью трав

Дом в деревьях становится деревянным космическим кораблем в обнаженности июля и полночи, полуоткрытый звездам, теплый от эпикурейского пота, то взлетая и затихая в дыхании сосен. (Дорогой Боло Лог: ты просил меня о практической и доступной утопии – вот она, не протая фантастика после катастрофы, никаких замков на Луне и на Юпитере – схема, к исполнению которой мы можем приступить завтра – не считая того, что каждый ее аспект нарушает какой-нибудь закон, разоблачает какое-нибудь абсолютное табу в американском обществе, угрожает самому обществу и т.д., и т.п.) Это наше истинное желание, и чтобы достичь его, мы должны размышлять о жизни, состоящей не только из чистого искусства, но и из чистого преступления, чистого бунта. Аминь.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #3

Хеймаркетский выпуск

«Я должен только походя отметить странное возрождение рыбной традиции в цикле фильмов о Годзилле, появившемся после того, как ядерный хаос обрушился на Японию. Собственно, символические детали в эволюции киношного поп-фольклора Годзиллы образуют удивительную параллель с традиционными для мифологии и фольклора Китая и Японии темами сражения с амбивалентными существами из хаоса (причем некоторые фильмы, например «Мотра», непосредственно содержат древние мотивы космического яйца (кокона), которое обычно укрощается после неудачной попытки упорядочить цивилизацию с помощью особых косвенных детей)».

Жирардо, «Миф и смысл в раннем даосизме: Тема хаоса (Хунь-Дунь)»

В одном из Храмов мвританской науки (в Чикаго или Балтиморе) один мой знакомый утверждал, что видел тайный алтарь, где покоился комплект из 6 арбалетов (в бархатном футляре) и черной фески. Возможно, инициация во внутренний круг требовала, чтобы неофит убил, по меньшей мере, одного полицейского. /// А как же Луис Линг? Был ли он предшественником онтологического анархизма? «Я презираю вас» - нельзя ли восхищаться подобными эмоциями. Но человек взорвал себя динамитом в возрасте 22 лет, чтобы избежать виселицы... это не совсем тот путь, который выбрали мы. /// Само ПОНЯТИЕ «Полиция», словно гидра, отращивает сто новых голов вместо одной отрубленной – и все эти головы – живые копы. Отрубая головы, мы ничего не выигрываем – это будет только увеличивать силу чудовища, пока оно нас всех не пожрет. /// Сначала убейте ИДЕЮ – взорвите монумент, существующий внутри нас – а потом, может быть... баланс сил сдвинется. Когда последний коп в нашем мозгу будет застрелен насмерть последним неисполненным желанием – тогда, может быть, даже пейзаж вокруг нас начнет меняться... /// Поэтический терроризм предлагает это саботирование архетипов как единственно верную революционную тактику на данный момент. Но, подобно шиитам-экстремистам, жаждущим разделаться любимыми средствами со всеми полицейскими, аятоллами, банкирами, плачами, священниками и т. п., мы оставляем за собой выбор – с почтением относится даже к «неудачам» радикальных эксцессов. /// Несколько дней свободы от Империи лжи могут стоить значительной жертвы; миг возвышенного свершения может перевесить целую жизнь, заполненную микроцефальной скукой и работой. Но этот миг должен принадлежать нам - и наше владение им может быть сильно скомпрометировано, если мы должны совершить самоубийство, чтобы сохранить его целостность. Поэтому к нашему почтению примешивается ирония – мы провозглашаем не мученичество как таковое, а отвагу динамитчика, самообладание чудовища из хаоса, достижения незаконных, криминальных радостей. Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #4

Конец света

АОА официально объявляет, что ей осточертел Конец Света. Каноническая версия используется с 1945 года, чтобы заставить нас дрожать в страхе перед неизбежным всеобщим уничтожением и в раболепном служении нашим супергероям-политикам (единственным, кто может справиться со смертельным зеленым криптонитом...). Что означает тот факт, что мы изобрели способ уничтожить все живое на Земле? Да ничего особенного. Мы мечтали об этом как об избавлении от раздумий о нашей личной смерти. Мы создали эмблему, которая может служить зеркальным отражением отброшенной идеи бессмертия. Как безумные диктаторы, мы падаем в обморок от мысли о том, чтобы взять все это с собой в бездну.

Неофициальная версия Апокалипсиса связана со сладострастным стремлением к Концу, к раю, который наступит после светопреставления, где выжившие (или 144 тысячи избранных из «Откровения») смогут предаваться оргиям дуалистической истерии, бесконечным последним сражениям с соблазнительным злом... Мы видели призрак Рене Генона, иссохший как труп, с феской на макушке (как Борис Карлов в роли Ардис-бея в «Мумии»), во главе кладбищенского рок-ансамбля. Никакой «индастриал», громко жужжащей навозно-мушинные песни о смерти культуры и космоса; элитарный фетишизм патетических нигилистов, гностическое отвращение к самим себе «постсексуальных» интеллектоидов.

Разве эти унылые баллады – не простые зеркальные отражения всех тех лживых и плоских слов о Прогрессе и будущем, несущихся из каждого громкоговорителя, струящихся, как параноидальные мозговые волны, из всех школьных учебников и телевизоров мира Консенсуса? Танатос хипов-миллениаристов сочится, как гной, из-под фильшивого здоровья рая рабочих и потребителей.

Каждый, кто читает историю обоими полушариями мозга знает, что мир кончается каждый миг – волны воспоминания о закрытом и окаменевшем прошлом – несовершенную память, которая и сама переживает осеннее умирание. И каждый миг в то же время дает рождение миру – несмотря на завывания философов и ученых с окостеневшими членами – рождает настоящее, в котором все невозможности обновляются, где сожаления и

дурные предчувствия сходят на нет в едином голограмматическом психомантрическом жесте бытия. «Нормативное» прошлое или грядущая тепловая смерть Вселенной означают для нас так же мало, как прошлогодний ВВП или как отмирание государства. Все идеалы преходящи, всякое будущее, которые еще не прошло, просто скрывает от наших глаз всеобщее живое настоящее.

Некоторые секты верят, что Конец Света (или этого света) уже наступил. Для Свидетелей Иеговы это случилось в 1914 году (да, ребята, мы уже живем в «Книге Откровения»). Для некоторых восточных оккультистов это случилось во время великого парада планет в 1962. Иоахим Флорский объявил Третье царство, то есть царство Святого Духа, которое сменило царства Отца и Сына. Хасан II Аламутский провозгласил великое воскресение, имманентизацию эсхатона, рай на земле. Профанное время пришло к концу примерно в конце Средневековья. С тех пор мы живем в ангелическом времени – только большинство из нас об этом не знает.

А можно принять еще более радикальную монистическую точку зрения: время вообще никогда не начиналось. Хаос никогда не умирал. Империя никогда не была основана. Мы не являемся и никогда не рабами прошлого или заложниками будущего.

Мы предлагаем, чтобы Конец Света был объявлен свершившимся фактом; точная дата неважна. Рантеры в 1650 году знали, что миллениум входит в каждую душу, которая осознала себя самое, свою центральность и божественность. «Радуйся, тварь живая, - приветствовали они друг друга. – Все принадлежит нам!»

Я не хочу никакого другого Конца Света. Мальчик улыбается мне на улице. Черная ворона сидит на розовом дереве магнолии, разевая рот, в то время как оргон накапливается и взрывается над городов в долю секунды... начинается лето. Я могу быть вашим любовником... но я плюю на ваш миллениум.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #5

«Интеллектуальный садомазохизм – это фашизм 80-х – авангард жрет дерьмо и ему это нравится!»

Товарищи!

Недавние волнения, связанные с «Хаосом», вытеснили АОА с некоторых реваншистских позиций, что заставило нас, презирающих полемику, по крайней мере, открыть пленарное заседание, посвященное обличениям ex cathedra, веским, как черт знает что; наши лица покраснели от риторики, рты брызжут слюной, вены на шее вздуваются от проповеднического пыла. Мы должны наконец опуститься до развевающихся знамен с оскорбительными лозунгами (как в 1930-е годы), провозглашающими, чем не является онтологический анархизм. Вспомните, только в классической физике хаос ассоциируется с энтропией, теплотой, смертью или разложением. В нашей физике (теории хаоса) хаос идентифицируется с Дао, он существует вне инь-энтропии и ян-энергии; он в большей степени – основа континуального мира, чем любое ничто, он пуст как потенциал, а не как исчерпанность (хаос как «сумма всех порядков»).

Из этой алхимии мы извлекаем квинтэссенцию эстетической теории. Хаотическое искусство может действовать устрашающе, оно может действовать как grand guignol, но никогда не позволит себе утонуть в гнилой негативности, танатосе, shadenfreude (наслаждениями страданиями других), кудахчущим над памятью о нацизме и серийными убийствами. Онтологический анархизм не собирает сопливых фильмов, а доминатрисы, брызжащие французской философией, нагоняют на него смертельную скуку. («Все безнадежно, и я знал это раньше тебя, жопа!»)

Вильгельма Райха довели до безумия и убили возбудители эмоциональной чумы. Может быть, половина его трудов продиктована чистой паранойей (заговоры НЛО, человекобоязнь, даже его теория оргазма); но в одном пункте мы сходимся безоговорочно: сексуальное подавление ведет к одержимости смертью, а она, в свою очередь – к бурной политике. Значительная часть авангардистского искусства насыщена смертельными лучами оргона (DOR). Онтологический анархизм направлен на создание эстетических пушек, разгоняющих тучи (Organs), чтобы развеять миазмы мозгового садо-мазохизма, который сейчас сходит за нечто изящное, хипповое, новое, модное. Членовредительствующие художники «перформанса» кажутся нам пошлыми и глупыми – от их искусства всем только хуже. Что за преступное бинарное лошадиное дерьмо... что за рептилии от искусства с тараканьими мозгами сварили эту апокалипсическую похлебку?

Конечно, авангард кажется «умным» - такими же казались и Маринетти, и футуристы, такими же казались Паунд и Сулин. Такому уму мы предпочитаем откровенную глупость, буколическую, восторженную безмятежность Новой Эры – лучше мы будем болванами, чем некрофилами.

Но к счастью, нам не нужно выковыривать собственные мозги, чтобы достичь нашей странной формы сатори. Все способности, все органы чувств принадлежат нам как собственность – сердце и голова, интеллект и дух, тело и душа. Нише искусство – это искусство не увечья, а избытка, избытия, удивления. Переносчики беспричинной тоски – это батальоны смерти современной эстетики, а мы – вымирающий вид. Их показушный банальный зал с

окультным хламом Третьего Рейха и детоубийства привлекает манипуляторов спектаклем – смерть по телевидению выглядит лучше, чем в жизни – а нас, хаотов, проповедников радостей бунта, вытесняют на обочину немоты.

Излишне говорить, что мы отвергаем любую цензуру со стороны Церкви и государства – но «после революции» мы лично проследим за тем, чтобы сопливые порождения искусства батальонов смерти были сожжены, а их авторы вывезены из города товарным поездом. (В анархистском контексте критика становится непосредственным действием). В моем пространстве нет места ни для Иисуса с его повелителями мух, ни для Чарльза Мэнсона и его литературных почитателей. Я не хочу мирской полиции – но я не желаю и космических палачей с секирой; ни массовых телевизионных убийств циркулярной пилой, ни чувствительных постструктуралистских романов о некрофилии.

В настоящее время АОА едва ли может надеяться на саботирование утешающих механизмов государства и его призрачных схем – но вполне возможно, что мы сумеем что-то сделать хотя бы для того, чтобы зараза DOR, вроде пожирателей трупов с Нижнего Ист-Сайда, и прочая накипь искусства проявляла себя не столь агрессивно. Мы поддерживаем художников, которые используют ужасающий материал в целях «вышей правды» - тех, кто использует материал любви и секса, пусть шокирующий и незаконный – кто использует собственные гнев и отвращение и собственные истинные желания в порыве к самореализации, красоте и приключению. «Социальный нигилизм», да – но не мертвый нигилизм гностического омерзения к себе самим. Пусть оно будет буйным и ранящим: любой человек, обладающий рудиментарным третьим глазом, отличит революционное искусство, прославляющее жизнь, от реакционного, прославляющего смерть. DOR смердит, и нос хаота чувствует это зловоние – точно так же, как способен унюхать аромат духовного/сексуального наслаждения, даже заглушаемого и отбиваемого другими, более мрачными запахами. Даже радикальное право, несмотря на его ужас перед плотью и чувствами, временами переживает моменты обостренного восприятия и сознания – но батальоны смерти, несмотря на их провозглашаемое служение модным революционным абстракциям, предлагают нам столь же освободительной энергии, сколько ФБР, ФДА или баптисты-перекрещены.

Мы живем в обществе, которое рекламирует свои самые дорогие товары с помощью образов смерти и увечья, проецируя их прямо в рептильный мозжечок миллионов масс с помощью генерирующих волны, канцерогенных, искажающих реальность приборов – в то время как некоторые картины жизни (в том числе наша любимая детская мастурбация) запрещены и наказываются с невероятной свирепостью. Совсем не надо обладать мужеством, чтобы быть садистом от искусства, потому что распутная смерть составляет эстетический центр нашей парадигмы консенсуса. «Леваки», которые любят рядиться в маскарадные одежды и играть в «полицейского и жертву», люди, которые так и кидаются на фотографии катастроф, люди, которые любят размышлять и разглагольствовать о хаотическом искусстве, о пафосной безнадежности, о прекрасной мерзости, о несчастьях других людей, - такие «художники» не что иное, как полиция без власти (определение, прекрасно подходящее и ко многим революционерам). У нас есть черная бомба для этих фашистов эстетики; она взрывается спермой и хлопущими, сорняками и пиратством, безумными шиитскими ересями и пузырящимися фонтанами рая, сложными ритмами, пульсирующей жизни – и все это бесформенно и изысканно.

Проснитесь! Дышите! Ощутите дыхание мира на своей коже! Ловите момент! Дышите! Дышите!

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #6

I. Салон «Апокалипсис»: Тайный театр

Поскольку никакой Сталин не дышит нам в затылок, почему бы не сотворить несколько произведений искусства во имя... бунта?

Не расстраивайтесь, если это «невозможно». Чего еще мы должны стремиться достичь, если не «невозможного»? Неужели мы должны ждать, чтобы кто-то открыл нам наши истинные желания? Если искусство умерло и публика исчезла, можем считать, что мы сбросили с себя двойной мертвый груз. Сегодня каждый своего рода потенциальный художник – а любая публика потенциально вновь обрела невинность, способность стать тем искусством, которое она переживает.

В случае если мы сможем избавиться от музеев, которые носим в себе, если перестанем продавать себе билеты в галереи, живущие в наших черепах, мы сумеем созерцать искусство, которое воссоздает цель волшебника: изменение структуры реальности с помощью манипуляции живыми символами (в данном случае образы, которыми нас «наделили» организаторы этого слона – убийство, война, голод и жадность).

Теперь мы можем созерцать эстетические акции, которые несут в себе резонанс терроризма (или «жестокости», как говорил Арто), направленного на разрушение абстракций скорее чем людей, на освобождение скорее чем на власть, на удовольствие скорее чем на выгоду, на радость скорее чем на страх. Выбранные нам образы «Поэтического терроризма» имеют темный потенциал; но все образы – это маски, а за масками лежит энергия,

которую мы можем обратить в свет и наслаждение.

Например, изобретателем айкидо был самурай, который стал пацифистом и отказался сражаться за японский империализм. Он стал отшельником, поселился в горах и провел жизнь, сидя под деревом.

Однажды бывший офицер-однополчанин явился к нему и обвинил его в измене, трусости и т. п. Отшельник ничего не сказал, а продолжал сидеть; офицер впал в ярость, выхватил меч и нанес удар. Безоружный мастер мгновенно разоружил офицера и вернул ему меч. Снова и снова офицер пытался совершить убийство, пользуясь всеми тончайшими катами, которые он знал, - но отшельник каждый раз находил способ разоружить его, пользуясь лишь собственным пустым сознанием.

Офицер, конечно же, стал его первым учеником. Позже они научились увертываться от пуль. Мы можем созерцать некую мета драму, передающую вкус этого представления, которое породило совершенно новое искусство, ненасильственный способ сражаться, войну без убийства, «меч жизни», а не смерти.

Заговор художников, анонимных, как всяки безумные бомбисты, но имеющие своей целью акт бескорыстного великодушия, а не насилия – миллениум, а не апокалипсис – или, точнее всего, момент эстетического шока, переживаемый во имя реализации и освобождения.

Искусство – источник роскошной лжи, которая становится правдой.

Возможно ли создать ТАЙНЫЙ ТЕАТР, в котором и актер, и зритель бесследно исчезли – лишь для того, чтобы вновь появиться на новом уровне, где жизнь и искусство стали едины – чистое дарение даров?

[Примечание: салон «Апокалипсис» был организован Шэрон Гэннон в июле 1986.]

II. Убийство – Война – Голод – Жадность

Манихеи и катары верили, что тело может быть одухотворено – или, скорее, что тело попросту оскверняет чистый дух и его надо полностью отвергнуть. Гностики, стремившиеся к совершенству (радикальные дуалисты) морили себя голодом до смерти, чтобы отринуть тело и вернуться в плерому чистого света. Итак: избежать зла, заложенного в плоти – убийства, войны, голода, жадности – как это ни парадоксально, можно только одним способом: убийством собственного тела, войной с плотью, голодом, ведущим к гибели, жадностью до спасения. Однако радикальные монисты (исмаилиты, рантеры, антиномисты) считают, что тело и дух едины, что тот же дух, который содержится в черном камне, пронизывает своим светом и плоть; что, все живет, все – жизнь.

«Вещи есть то, что он есть... все естественно... все находится в движении, как будто существует истинный Господь, который движет мир – но если мы станем искать доказательств существования этого Господа, мы не найдем их».

Как ни парадоксально, чтобы следовать монистическим путем, тоже необходимы своего рода «убийство», война, голод, алчность»: превращение смерти в жизнь (пища, негэнтропия) – война против Империи лжи – «пост души», или отказ ото лжи, от всего, что не является жизнью, - и алчность до самой жизни, до абсолютной власти желания.

Более того: без познания тьмы («плотского знания») не существует знания света («гносиса»). Оба знания не просто дополняют друг друга: они скорее идентичны, как одни и та же нота разных октав. Гераклит утверждал, что реальность пребывает в состоянии «войны». Только столкновение нот может породить гармонию. («Хаос как сумма всех порядков».) Наденьте на каждое из этих четырех понятий новую словесную маску (называть фурий «добрыми духами» - не просто использование эвфемизма, но и способ раскрытия более глубинного смысла). Прикрытые масками и ритуалом, реализованные как искусство, эти понятия обретают темную красоту, «Черный свет».

Вместо «убийство» достаточно сказать «охота»; чистая палеолитическая экономика всех архаических и неавторитарных обществ – «культ» (venery), убийство и поедание плоти и одновременно культ Венеры, желания. Вместо «война» скажем «восстание» - не революция, связанная с классами и властью, но вечный бунт темной силы, открывающей свет. Вместо «алчность» - «влечение», непобедимое желание, безумная любовь. А вместо «голода», который сам по себе разновидность увечья, можно говорить о целостности, полноте, избытии, щедрости «я», которое по спирали движется вовне – по направлению к другому. Без этой пляски масок ничто не может быть создано. Древнейшая мифология считает Эрос первенцем Хаоса. Эрос, дикарь-укротитель – это ворота, сквозь которые художник возвращается к Хаосу, к Единству, а потом возвращается обратно, неся с собой один из образцов красоты. Художник, охотник-воин? Самый страстный и самый уравновешенный, одновременно жадный и великодушный до крайности. Мы должны спасти себя от всех видов спасения, которые спасают нас от самих себя, от нашей животной сути, которая в то же время наша анима, жизненная сила, или наш анимус – одухотворяющая внутренняя сила, которая может проявляться даже как гнев и алчность. ВАВИЛОН научил нас, что наша плоть мерзка – с помощью этой уловки он поработил нас, посулив спасение. Но если плоть уже «спасена», уже является светом, если даже само сознание – это разновидность плоти, осязаемый и единовременный живой эфир – то нам не нужна сила, которая стала бы для нас посредником. Пустыня, как говорил Омар, рай уже сейчас.

На самом деле убийство – это принадлежность Империи, ибо единственная свобода – полная жизнь. Война также принадлежит Вавилону – ни один живой человек не захотел бы умирать, чтобы возвеличить кого-то. Голод

появляется лишь вместе с цивилизацией спасителей, жрецов-царей – не Иосиф ли научил фараона спекулировать будущим урожаем? Алчность – погоня за землей, за символическим богатством, за властью позволяющей деформировать души и тела других во имя их же спасения – алчность тоже вырастает не из «природствования природы», а из плотин, воздвигнутых на пути всех форм энергии, чтобы направить на славу Империи. Против всего этого у художника есть одно оружие: танец масок, полная радикализация языка, изобретение «Поэтического терроризма», который бьет не по живым существам, а по зловредным идеям – мертвому грузу на крышке гроба наших желаний. Архитектура удущья и паралича должна быть взорвана лишь безоговорочным прославлением всего живого – даже тьмы.

Летнее солнцестояние,

1986

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #7

Духовный палеолитизм и высокие технологии: изложение позиций

Лишь потому, что АОА то и дело говорит о «палеолитизме», не надо думать, что мы собираемся отшвырнуть себя назад, в каменный век.

Мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы «вернуться к земле», если имеется в виду унылая жизнь копающегося в навозе крестьянина, - так же как не желаем «племенного строя», если он связан с табу, фетишизмом и недоеданием. Мы не в конфликте с концепцией культуры – включая технологии, для нас проблема возникает с цивилизацией.

То, что нам нравится в палеолитической жизни, было изложено антропологической школой «Народы-без-власти»: эlegantная лень общества охотников и собирателей, двухчасовой рабочий день, одержимость искусством, танцем, поэзией, любвеобильностью, «демократизация шаманизма», культивирование чувственного восприятия – словом, культурой.

То, что нам не нравится в цивилизации, можно вывести из следующей прогрессии: «сельскохозяйственная революция»; возникновение каст; город с его культом иератического правления (Вавилон); рабство; догма; империализм («Рим»). Подавление сексуальности «работой» под эгидой «авторитета». «Империя никогда не прекращала существовать».

Духовный палеолитизм, основанный на высоких технологиях – сельскохозяйственный, постиндустриальный, номадический (или «безродно-космополитический») – общество совершенной парадигмы – вот как представляется идеал будущего в соответствии с теорией хаоса, равно как и с «футурологией» (в том смысле, в каком употребляют это слово Роберт Антон Уилсон и Т. Лири).

Что до настоящего: мы отвергаем любое сотрудничество с цивилизацией анорексии и булимии, с людьми, которые так стыдятся того, что никогда не страдали, что изобретают власяницы для себя и других, - с теми, кто жрет без зазрения совести, а потом разбрызгивает блевотину своей вытесненной вины в долгих мазохистских приступах диеты и бега трусцой. Все наши удовольствия и формы самодисциплины принадлежат нам от природы – мы никогда не отрицаем самих себя, мы никогда ни от чего не отказываемся; но некоторые вещи отказались от нас и покинули нас, потому что мы слишком велики для них. Я одновременно пещерный человек и межпланетный мутант, каторжник и свободный принц. Одного индейского вождя как-то пригласили на банкет в Белый дом. Когда разносили блюда, вождь наполнял свою тарелку с верхом, и не один раз, а целых три. Наконец сидящий рядом с ним тип сказал: «Вождь, хе-хе, вам не кажется, что это многовато?» - «Угу, - ответил вождь, - многовато – это как раз достаточно для вождя!»

Тем не менее, некоторые доктрины «футурологии» остаются проблематичными. Например, если мы принимаем освободительный потенциал таких новых технических средств, как телевидение, компьютеры, робототехника, космические полеты и т. п., мы все же видим зазор между потенциальными и реальностью. Опошление телевидения, «яппификация» компьютеров и милитаризация космонавтики показывают, что эти технологии сами по себе не дают «решающей» гарантии, что их будут использовать в целях освобождения.

Даже если мы отвергаем ядерную катастрофу как очередной зрелищный спектакль, призванный отвлечь наше внимание от реальных проблем, мы все же признаем, что «гарантированное взаимное уничтожение» и «чистая война» несколько охлаждают наш энтузиазм относительно некоторых аспектов высоких технологий.

Онтологический анархизм хранит верность луддизму как тактике: если данное техническое изобретение, какие бы замечательные возможности ни были в нем заложены на будущее, сегодня используется для того, чтобы меня угнетать, значит, я должен либо выковать оружие для саботажа, либо захватить средства производства (или, что важнее, средства коммуникации). Без технэ нет человечности – но никакое технэ не стоит больше, чем моя человечность.

Мы отвергаем вихляющий коленками, выступающий против техники анархизм – по крайней мере для себя (ведь

есть люди, которые любят заниматься фермерством, во всяком случае, так говорят) – и в то же время для нас все формы детерминизма одинаково отвратительны – мы не хотим быть рабами ни собственных генов, ни машин. Все естественное – это то, что мы представляем себе и создаем. «У природы нет законов – только привычки».

Для нас жизнь не принадлежит ни прошлому – этой стране знаменитых призраков, чахнувших над своей оскверненной могилой – товарам – ни будущему, населенному яйцеголовыми мутантами, ревниво хранящими тайны бессмертия, сверхсветовых полетов, генной инженерии и отмирания государства. Aut nunc, aut nihil. Каждый миг содержит в себе вечность, в которую можно проникнуть; а мы вместо этого теряем себя, глядя на мир глазами трупов или тоскуя по нерожденному совершенству.

Достижения моих предков и потомков для меня ничуть не важнее, чем поучительная или забавная сказка я никогда не скажу, что они лучше меня, даже в целях оправдания собственного ничтожества. Я выдал сам себе лицензию – красть у них все, что мне нужно: духовный палеолитизм или высокие технологии, секреты тайных магистров, удовольствия фривольного дворянства и жизнь богемы.

Вопреки тому, что говорил Ницше, декаданс играет в онтологическом анархизме такую же важную роль, как здоровье, – мы берем то, что нам нужно, у всех. Декадентские аскеты не ведут глупых войн и не топят свое сознание в микроцефальной алчности и ненависти. Они ищут приключений в художественном новаторстве и неординарной сексуальности, а не в страданиях других. АОО восхищается и берет на вооружение их лень, их презрение к глупости и обыденности, их экспроприацию аристократической рассудительности. Для нас эти качества парадоксальным образом гармонируют со свойствами, присущими каменному веку с его бьющим через край здоровьем, неведением иерархии, почитанием добродетели, а не закона. Мы желаем декаданса без болезненности и здоровья без скуки!

Поэтому АОО всецело поддерживает как все туземные и первобытные народы в их борьбе за полную автономию – так и саамы дикие, из ряда вон выходящие фантазии и чаяния футурологов. Палеолитизм будущего (которое для нас, мутантов, уже наступило) может быть повсеместно достигнуто только лишь с помощью массового развития технологии Воображения, научной парадигмы, которая выходит за пределы совершенной механики в мир теории хаоса и галлюцинаций спекулятивного вымысла.

Как безродные космополиты мы претендуем на все красоты прошлого, Востока, племенных обществ – все это может и должно принадлежать нам, даже сокровища Империи: мы должны владеть этим, чтобы делиться. В то же время мы требуем техники, которая превосходит сельское хозяйство, промышленность, даже всеобщность электричества; техники, которая пересекается с природой сознания, включает в себя силу кварков, частиц,двигающихся назад во времени, квазаров и параллельных вселенных.

Враждующие друг с другом идеологии анархизма и либертарианства предписывают каждая собственную утопию, соответствующую их ограниченному видению – от крестьянской коммуны до космического города. Мы же говорим: пусть расцветают тысячи цветов, только без садовника, выпальвающего сорняки, и без упражнений, соответствующих какой-либо морализаторской или евгенической схеме. Единственный истинный конфликт – это конфликт между авторитетом тирана и авторитетом реализованного «я», все остальное – иллюзия, психологическая проекция, слова, выброшенные на ветер.

В определенном смысле сыновья и дочери Геи так и не покинули палеолита, в то же время – все совершенство будущего уже принадлежит нам. Лишь бунт может «разрешить» этот парадокс; лишь восстание против ложного сознания, как нашего собственного, так и чужого, сметет технику подавления и убожество Спектакля. В этом сражении разрисованная маска или бубен шамана могут оказаться так же жизненно необходимыми, как захват спутника связи или засекреченной компьютерной сети.

Единственный наш критерий выбора оружия или орудия – это его красота. Средства уже в некотором смысле являются целью; бунт уже стал нашим приключением. Становление есть бытие. Прошлое и будущее существуют в нас и для нас, альфа и омега. Ни до нас, ни после нас нет других богов. Мы все свободны во времени – и станем свободными также и в пространстве.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #8

Теория хаоса и нуклеарная семья

Воскресенье в парке на берегу реки: папаши удерживают сыновей на месте, пригвождая их к траве злобными заколдованными взглядами молочных уз и заставляя часами бросать туда-сюда бейсбольные мячи. Мальчики похожи на маленьких святых Себастьянов, пронзенных стрелами скуки.

Самодовольные ритуалы семейных радостей превращают любую летнюю влажную лужайку в тематический парк, где каждый сын, сам того не ведая превращается в аллегория папашиного богатства, бледное отражение, в два или три раза меньше натуральной величины: ребенок как метафора того-или-иного.

И едва наступают сумерки, прихожу я, зависаю на грибной пыли, наполовину уверенный, что все эти сотни

светлячков – порождение моего собственного сознания: где они были все эти годы? Откуда их сразу столько? – каждый вспыхивает и взлетает, описывая быстрые полукружия, словно абстрактные графики энергии спермы. «Семьи! Скупцы любви! Как я их ненавижу!» Бейбольные мячи бесцельно летают в сумеречном свете, их не удастся поймать, голоса звучат громче в обреченной усталости. Дети ощущают корку заката, покрывающую последние часы отпущенной им свободы, но папаши упорствую, продлевая тепловатую постлюдию своей патриархальной жертвы до самого ужина, пока тени не съедят траву.

Один из этих детей «среднего класса» на миг скрещивает со мной взгляд – я телепатически передаю образ сладкой вседозволенности, запаха времени, освобожденного от всех оков школы, уроков музыки, летних лагерей, вечеров в кругу семьи, воскресений-в-парке-с-папой – истинного времени, хаотического времени.

Вот семья покидает парк – маленький взвод недовольства. Но этот оборачивается, заговорщически улыбается мне: «Сообщение получено» - и упархивает вслед за светлячком, окрыленный моим желанием. Отец рывкает мантру, уничтожающую мою власть.

Момент упущен. Мальчик поглощен недельным распорядком, он исчезает, как голоногий пират или индеец, взятый в плен миссионерами. Парк знает, кто я такой, он ворочается подо мной, как гигантский ягуар, готовый проснуться и приступить к ночной медитации. Печаль еще сковывает его, но в своей глубинной сути он остается неприрученным: изысканный беспорядок в сердце ночи.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #9

Двойное порицание

I. Х-стианство

Снова и снова мы надеемся, что этот мировоззренческий труп испустил последний мстительный вздох и отплыл по направлению к окончательному превращению в тыкву. Снова и снова мы воображаем, что это непристойное пугало на пути в смерть, пришипленное к стенам всех гостиных, потерпело полное поражение и никогда больше не завоюет нам о наших грехах... но снова и снова оно воскресает и приползает назад, чтобы преследовать нас, словно маньяк третьесортного сопливого порнофильма – тысячного римейка «Ночи живых мертвецов» - оставляя за собой, словно улитка, слизистый след хнычущего смирения... едва вы подумали, что он надежно упрятан в подсознании... «Челюсти» вместо Иисуса. Берегитесь! Циркулярная пила – закоренелые баптисты! ... а леваки, испытывая тоску по пункту Омега своего диалектического рая, приветствуют любую гальванизацию прогнившей веры криками восторга: станцуем танго со всеми этими марксистскими епископами из Латинской Америки – пропоем балладу в честь благочестивых польских докеров – заголосим спиричуэлс по поводу последнего афро-методистского кандидата в президенты в надежде на библейский пояс.

АОА отвергает теологию освобождения как заговор монашек-сталинисток – алая тайна Вавилонской блудницы в тропиках напрямую связаны с красным фашизмом. «Солидарность»? Личный профсоюз Папы, поддерживаемый АФТ-КПП, Ватиканским банком, франкмасонской ложей пропаганды и мафией. И если бы мы когда-нибудь голосовали, мы бы никогда не израсходовали этот пустой жест на какого-нибудь христианского пса, неважно, какой породы и масти.

Что до настоящих христиан, этих унылых святош, которые сами себе произвели лоботомию, этих мормонов-детоубийц, этих звездных воинов рабской морали, телеевангелистов-чернорубашечников, отрядов зомби Святой Девы Марии (которая парит в розовом облаке над Бронксом, плюясь ненавистью, анафемой, розами блевотины на детскую сексуальность, малолетних беременных и гомосексуалистов...)

Что до настоящих приверженцев культа смерти, ритуальных каннибалов, выроdkов Армагеддона – христианского права – мы можем только молиться, чтобы Снизошла Радость и выхватила их всех из-за рулей их автомобилей, с их тепленьких стадионов, из их целомудренных постелей, унесла их на небо и дала нам возможность жить по-человечески.

II. Сторонники и противники абoртов

Головорезы, бомбардирующие клиники абoртов, принадлежат к той же ужасной породе зловредных глупцов, что и епископы, которые болтают о мире и в то же время осуждают все разновидности человеческой сексуальности. У природы нет законов («есть только привычки»), и любой закон неестествен. Все относится к сфере личной/воображаемой морали – даже убийство.

Однако согласно теории хаоса из этого не следует, что мы должны одобрять и оправдывать убийство – или аборт. Хаос был бы рад видеть каждое зачатое вне брака «дитя любви» выношенным и рожденным; сперма и яйцеклетки сами по себе – лишь симпатическая внутренняя секреция, но соединенные в спирали ДНК, они

становятся потенциальным сознанием, негэнтропией, радостью.

Если «мясо – это убийство», как любят провозглашать вегетарианцы, то что такое аборт? Тотемисты, исполнявшие ритуальные танцы для животных, которых они убивали, медитировавшие с целью стать единственным целым со своей живой пищей и разделить ее трагедию, демонстрировали ценности гораздо более гуманистические, чем среднестатистическая клака феминоидных либералов, провозглашающих свободу выбора. Какой ни взять «пункт повестки дня», состряпанный для «дебатов» в сценарии Спектакля, обе спорящие стороны неизменно полны дерьма. «Проблема абортотворения» - не исключение...
Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #10

Вопросы пленарного заседания – новые обличения: ожидаются чистки

Вот что мы должны заявить, чтобы отвязаться от любой липкой кармы, которую мы, возможно, навлекли на себя своими огнедышащими проповедями против христианства и прочих ужасиков про Конец Света и восстановить свое доброе имя: АОА так же обличает всех заново рожденных, вихляющих коленками атеистов с их потрепанным багажом вульгарного материализма, который они таскают с собой с конца викторианской эпохи. Мы, конечно, приветствуем всяческие антихристианские чувства и все нападки на все организованные религии. Но... если послушать некоторых анархистов, можно подумать, что 60-х годов никогда не было, и никто не избавился от привычки к ЛСД. Что до самих ученых, то напоминающее Алису в Стране Чудес безумие Теории полноты и хаоса привело лучших их представителей к даосизму и веданте (не говоря уже о дада) – и все-таки, когда читаешь «Спичку» и «Свободу», кажется, будто наука законсервировалась где-то на уровне князя Кропоткина, а «религия» - на уровне епископа Эшера. Конечно мы презираем чернорубашечников эры Водолея, тех своеобразных гуру, которых недавно восхваляла «Нью-Йорк таймс» за их вклад в Большой Бизнес, зомбированных яппи с их культом гарантированной франшизы, анорексическую метафизику банальностей, свойственную Новому времени... но нашему эзотеризму никогда не бросят вызов все эти менялы-посредственности и их клеветы с высохшими мозгами.

Еретики и антиномические мистики Востока и Запада разработали системы, основанные на внутреннем освобождении. Некоторые из этих систем имеют налет религиозного мистицизма и даже социальной реакционности; другие кажутся более или менее радикальными или «психологическими», а некоторые даже кристаллизуются в революционные движения (уравнители-милленаристы, ассасины, движение «желтых повязок» в даосизме и т. п.). Несмотря на все свои недостатки они обладают определенным магическим оружием, которого попросту нет в анархизме: 1) чувство мета-рационального (метанойя), умение проникнуть за пределы ламинированного мышления в область чистого (или номадического, или хаотического) мышления и восприятия; 2) правильное определение самореализованного ли освобожденного сознания, позитивное описание его структуры и техники его достижения; 3) последовательный архетипический взгляд на эпистемологию – то есть путь к познанию (например истории), который использует герметическую феноменологию, чтобы раскрыть модели значений (нечто вроде сюрреалистической «параноидальной критики»); 4) учение о сексуальности (в «тантрических» аспектах разных Путей), в котором ценностью обладает наслаждение, а не самоотречение, не только наслаждение само по себе, но и как орудие усиленного осознания освобождения; 5) отношение к миру как к празднеству, то что можно назвать «концепцией Праздника», упразднение духовного долга благодаря внутренней щедрости, имманентной самой реальности; 6) язык (включая жесты, ритуал, интенциональность), с помощью которого можно оживить эти пять аспектов сознания и вступить с ними в диалог; и 7) молчание.

Нет ничего удивительного в том, что огромное количество анархистов – это экс-католики, попы-расстриги или монахини, бывшие церковные служки, баптисты, отошедшие от веры, и даже бывшие фанатики-шииты. Анархизм предлагает черной (и красной) массе деритуализировать все мозги, осаждаемые призраками – совершить светский экзорцизм; но потом выдает себя тем, что возводит собственную Высокую церковь, всю в паутине этического гуманизма, свободной мысли, атеизма с кулаками и грубой фундаменталистской картезианской логики.

Два десятилетия назад вы начали претворять в жизнь проект по превращению себя в безродных космополитов, намеренных разбить оковы всяческих племен, культур и цивилизаций (включая свою собственную) на жизнеспособные фрагменты и из этой кучи обломков создать собственную живую систему, если только (как предостерегал Блейк) мы не станем рабами кого-нибудь еще. Если какой-нибудь яванский шаман или коренной житель Америки обладает драгоценным фрагментом, который нужен мне для моей «аптечки», неужели я должен хихикать и, перефразируя Бакунина, требовать «удавить последнего попа кишкой последнего банкира»? Или же я должен помнить, что анархия не знает догм, что хаос нельзя нанести на карту, - и пользоваться всем, что плохо лежит, что еще не пришили к странице гербария.

Самые ранние определения анархии можно найти в «Чжуан-цзы» и других даосских текстах; «мистический»

анархизм» хвастается более развесистой родословной, чем его греческо-рационалистический вариант. Когда Ницше говорил о «гиперборейцах», думаю, он предвосхитил нас, тех, кто пережил смерть Бога – и возрождение Богини, – и перешел в мир, где дух и материя едины. Каждое проявление этой иерогамии, каждый материальный предмет и каждая жизнь становятся не просто «священными» сами по себе, но символами своей собственной «божественной сущности».

Атеизм – не что иное, как опиум для народа (или скорее для его «элиты», которая сама себя таковой назначила); но это не очень-то яркий или сексуальный наркотик. Если уж следовать совету Бодлера и быть всегда в опьянении, то АОА предпочтет что-нибудь вроде грибов, так что спасибо большое, Хаос – самый старый из всех богов; хаос никогда не умирал.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. – Москва: Гилея, 2002

Коммюнике #11

Инвектива по поводу приправ: час от часу не легче!

АОА призывает к бойкоту всех продуктов, продаваемых под шибболетом LITE, то есть «легкий»: пива, мяса, шоколада, местного производства, косметики, музыки, расфасованных «образов жизни» и т. п.

Концепция «легкости» содержит в себе целый комплекс символов, с помощью которых Спектакль надеется компенсировать всякое отвращение к превращению желаний в товар. «Естественный», «органичный», «здоровый» продукт предназначен для того сектора рынка, которым пользуется умеренно неудовлетворенный потребитель с умеренными проявлениями «футуршока» и умеренным стремлением к тепловатой аутентичности. Для нас приготовлена ниша, мягко освещенная иллюзиями простоты, чистоплотности, худобы, налета эстетизма и самоотречения. Конечно, это стоит несколько дороже... в конце концов, «легкость» не предназначена для бедных голодных примитивов, которые все еще считают пищу питанием, а не украшением. Оно и должно стоить дорого – иначе вы этого не купите.

Американский «средний класс» (не спорьте – вы прекрасно знаете, что я имею в виду) естественным образом распадается на две противоположные, но дополняющие друг друга половины: армию анорексии и армию булимии. Клинические случаи этих заболеваний представляют собой лишь психосоматическую пену на волне культурной патологии, глубокой, рассеянной (как склероз) и во многом неосознаваемой. Булимией страдает выбившаяся в яппи деревенщина, которая с удовольствием пожирает пищу «Маргарита» и гамбургеры, потом очищает организм «легкой» пищей, бегом трусцой или аэробическими конвульсиями. Аноректики – это бунтари «образа жизни», ненавистники пищи, пожиратели водорослей, безрадостные, бездуховные и унылые – но самодовольные в своем пуританском рвении и в своих власняницах от лучших Кутюрье. Жуткая пища-труха просто представляет собой «утонченную» разновидность дьявольской «здоровой пищи»: у всего вкус либо опилок, либо пищевых добавок; все это либо скучно, либо канцерогенно – и, в любом случае, все нестерпимо глупо.

Пище сырой или вареной, никуда не деться от символизма. Она существует и в то же время символизирует то, чем она является. Вся пища – это пища души; относиться к ней по-другому значит культивировать понос – как хронический, так и метафизический.

Но в безвоздушном склепе нашей цивилизации, где почти любое переживание опосредовано, где реальность процеживают сквозь смертельные ячейки восприятия-как-консенсуса, мы теряем представление о пище как о питании: мы начинаем конструировать для себя личины, исходя из того, что мы потребляем, и относиться к продуктам как к проекции нашего стремления к аутентичности.

АОА иногда рассматривает хаос как рог изобилия непрерывного созидания, как некий гейзер космической щедрости; поэтому мы воздерживаемся от того, чтобы превозносить какую-либо диету, чтобы не идти против священного многообразия и божественной субъективности. Мы не собираемся навязывать вам очередное новомодное предписание, как стать совершенно здоровым (совершенно здоровы только мертвые): нас интересует жизнь, а не образ жизни.

Истинной легкостью мы восхищаемся, но тучная тяжесть радует нас в свое время. Избыток нас полностью устраивает, умеренность нам приятна, и мы знаем, что голод может быть самой тонкой из приправ. Легкость присутствует во всем, и самая густая зелень растут вокруг отхожего места. Мы мечтаем о столах-фаланстерах и кафе «боло-боло», где каждая развеселая компания едоков сможет разделить личную гениальность Брийя-Саварена (этого святого от вкуса).

Шейх Абу Саид никогда не копил денег и даже не оставлял их до следующего утра – так что если какой-нибудь покровитель жертвовал тугой кошелек его приюту, дервиши отмечали это события обильным пиром; зато все остальные дни они ходили голодные. Смысл был в том, чтобы наслаждаться обоими состояниями: пустого и полного брюха...

LITE пародирует духовную легкость и просветленность, так же как «Макдональдс» – это карикатура на образы

сытости и пира. Человеческий дух (не говоря уже о голоде) способен преодолеть и возвыситься над всем этим фетишизмом – радость способна жить даже в кинбургере, и даже бутылка «легкого» пива может скрывать в себе частичку Диониса. Но почему мы должны бороться с этой мусорной волной дешевой дряни, когда могли бы пить вино рая уже сейчас, в наших собственных виноградниках, под своим фиговым деревом?

Пища принадлежит к сфере повседневной жизни – главной арене любого бунтарского самоутверждения, любого духовного самосовершенствования, любой борьбы за удовольствие, любого восстания против планетарной машины труда и ее псевдожеланий. Мы вовсе не склонны к догматизму: охотник-индеец может подпитывать свою радость жареной белкой, анархо-даосист – горсткой сушеных абрикосов. Тибетец Миларепа, после того как десять лет питался супом из крапивы, съел бисквит и достиг просветления. Зануда не видит эротизма в хорошем шампанском; волшебник же может опьянеть от стакана воды.

Наша культура, задыхаясь от собственных миазмов, кричит: «Эй вы, полегче!» - как будто эти полиненасыщенные отбросы могут хоть как-то облегчить наши страдания, как будто их тупая, безвкусная и невесомая безликость способна защитить нас от наступающей тьмы.

Нет! Эта последняя иллюзия слишком уж жестока. Несмотря на нашу склонность к лени, мы просто вынуждены выступить с протестом. Бойкот! Бойкот! Turn off the LITE!

Приложение: меню для анархистского черного банкета (для вегетарианцев и мясоедов):

Блины с икрой; яйца столетней давности; кальмары и рис, тушенные в чернилах; баклажаны в кожуре с маринованным черным чесноком; дикий рис черными каштанами и черным груздями; трюфели в черном масле; обугленная оленина, маринованная в портвейне, подавать на ломтях черного хлеба с гарниром из жареных каштанов. Черный кофе, черный виноград, сливы, вишни и т. п.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Преступление

Справедливость невозможно достичь никакими законами – действие в согласии со спонтанной природой, действие поистине справедливое не определяется никакими догмами. Преступления, которые я защищаю в этих заметках, не могут быть совершены против себя или других – а лишь против разъедающей кристаллизации идей в ядовитые структуры тронов и власти.

То есть не преступления против природы или человечества, но преступления, совершенные во имя правосудия. Рано или поздно раскрытие и обнажение себя и природы превращает человека в разбойника – как если бы он вышел в другой мир, а потом вернулся и обнаружил, что его объявили изменником, еретиком, изгнанником. Закон только и ждет, чтоб ты споткнулся на образе жизни, почувствовал себя душой, отличающейся от прошедшего проверку санитарной инспекции стандартного куска мертвой плоти с фиолетовой печатью – и как только ты начинаешь действовать в гармонии с природой, Закон надевает на тебя гарроту и душит – так что не надо играть в блаженного либерального мученика «среднего класса»: смиришься с фактом, что ты преступник и действуй соответственно.

Парадокс: объять хаос не значит скользить по направлению к энтропии, наоборот, это вспышка энергии, словно у звезд, мгновенное озарение благодатью, спонтанной органичный порядок, не имеющий совершенно ничего общего с разлагающимися мертвыми пирамидами из султанов, муфтиев, кади и ухмыляющихся полачей.

Вслед за Хаосом приходит Эрос – принцип порядка, заключенный в небытии непознанной самости. Любовь – это структура, система, единственный код, незапятнанный рабством и наркотическим сном. Мы должны стать мошенниками и бандитами, чтобы уберечь ее духовную красоту под покровом тайны, в скрытом саду шпионажа.

Не довольствуйся простым выживанием, пока кто-нибудь не устроит революцию, чтобы прочистить тебе мозги, не записывайся в армии анорексии или булимии – действуй так, словно ты уже свободен, подстачтай остаток, выйди вперед, вспомни Code Duello: кури табак/ешь курицу/пей чай. У каждого своя лоза и своя смоковница (Круг седьмой Корана, Благородный Дрю Али), с гордостью носи свой паспорт мавра, не попадай под перекрестный огонь, прикрывай спину, но рискуй, танцуй, пока не обызвестковел.

Естественная социальная модель онтологического анархизма – это банда подростков или шайка грабителей банка. Деньги – это ложь: наше приключение должно быть возможным и без них – потратим зелень, пока она вновь не обратилась в пыль. Сегодня день воскресения – деньги, потраченные на красоту, пройдут алхимическую трансмутацию и превратятся в эликсир. Как говорил мой дядюшка Мелвин, краденый арбуз слаще. Мир уже создан заново по велению сердца – но цивилизации принадлежат все арендные договора и все пушки. Наши железные ангелы требуют, чтобы мы вошли в чужие владения, потому что проявляют себя только на запретной территории. Человек с Большой Дороги. Йога воровства, налет молнии, наслаждение кровосмешением.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Дурной глаз

Дурной глаз - *mal occhio* - действительно существует. Современная западная культура приложила столько сил, чтобы вытеснить знания о нем, что мы стали принимать это явление за то, чем оно совсем не является. В результате Дурной глаз действует незаметно, вызывая в обществе приступы зависти. Зависть - активное проявление пассивной обиды. Она проецируется наружу через взгляд, через мимику и язык жестов, к которому большинство современных людей глухо или просто не осознает, что слышит его.

Магия такого рода действует лучше всего, когда мы не осознаем ее действия. Более того, известно, что обладатель Дурного глаза почти никогда об этом не знает. Он не является настоящим черным магом. Скорее это жертва, именно жертва, которая избегает порчи, передавая ее другим, как бы отражая ее.

Я заметил, что в традиционных обществах (по определению Бенжамина - в обществах "символического порядка", в отличие от "исторических" обществ), люди гораздо восприимчивей к языку жестов. Там, где нет телевидения и "ничего не происходит", люди наблюдают за людьми, люди "читают" людей. Прохожие на улице улавливают ваше настроение и по своему темпераменту вступают с ним в конфликт, находят равновесие или используют его. Я не знал об этом, пока не пожил в Азии. Здесь, в Америке, люди чаще всего воспринимают тебя через "идею", которую ты проецируешь - через одежду, работу, должность, речь. На Востоке к своему удивлению ты часто обнаруживаешь, что собеседник реагирует на твое внутреннее состояние, даже если ты сам не отдаешь себе в нем отчета. Этот эффект похож на телепатию. В большинстве случаев это - действие языка тела.

Я знаю, что в Средиземноморье и на Ближнем Востоке сформировалась сложная феноменология *mal occhio*. Жители этих регионов подвержены зависти больше, чем их северные соседи. Однако Дурной глаз - концепция всемирная, он существует везде (в том числе и на холодном рациональном Севере), но не всегда. Исключение составляет исторический период, период доминанции холодного Разума. Разум защищается от магии, не веря в нее, вытесняя ее из царства разумного дискурса. Азия защищается от магии еще большей магией - в случае *mal occhio* в ход идет синий камень (распространен от Ливана до Индии, и, возможно, даже восточнее). В Средиземноморье, нашей собственной Азии, используют направленную в землю "козу" (пальцы сложены в форме рогов) и фаллические амулеты.

Однако и Разум, и Магия являются предрассудками - "остаточными верованиями". Я считаю, что *mal occhio* "действует", но мой анализ этого феномена ни рационален, ни иррационален. Кто может объяснить сложнейшую сеть знаков, символов, сил и влияний, которые, переплетаясь, протекают между столь энигматичными монадами, которыми мы являемся? Мы не можем объяснить, как мы общаемся и, тем более что сообщаем. Если на смену "символическому порядку" пришла "история", если теперь и сама история "исчезает", мы можем, наконец, вздохнуть свободно от туманов магии и разума. Мы можем признать, что "тайны" вроде Дурного глаза (или даже "телепатии") встречаются в нашем мире. Или делают вид, что встречаются. Или нам кажется, что они встречаются, а это означает, что они просто-напросто встречаются.

Органом для восприятия такого рода знания является наше тело.

Сегодня зависть встречается везде. Одни общества пытаются ее контролировать, в других она выпущена на свободу и даже возведена в социальный принцип. Мы беззащитны перед Дурным глазом, потому что вся наша социальная этика основана на зависти. У невежественных азиатов, по крайней мере, есть амулеты и защитные жесты. Эти слабые средства защиты запретил не Разум, а христианство. Как говорили английские школьники "Verb. sap."

Обе постхристианские идеологии - Капитализм и Коммунизм - питаются завистью. В обеих системах зависть является средством выживания, даже свойством самой экономики. "Ойкономика" (*Oeconomy*) - старое слово, обозначающее совокупность всех социальных договоренностей. Движущей силой восьмидесятых была не алчность. Восьмидесятые были десятилетием зависти. Меньшинство завидовало большинству, бедные - богатым, наркоманы - здоровым, женщины - мужчинам, черные - белым... При этом богатые завидовали бедным (их праздности), здоровые завидовали наркоманам (их удовольствиям), мужчины завидовали женщинам (как всегда), белые завидовали черным (их живой культуре, их страданиям) и т.д.

Расхожая антропология (обратите внимание на это "антропо") утверждает, что в "примитивном сознании" зависть ассоциируется с "женским принципом" - отсюда фаллическая защита от Дурного глаза. Это очень узкая точка зрения. Зависть может относиться к жадности как Инь относится к Ян. Но в то же время Дурной глаз, будучи следствием зависти, колет. Он пронзает, словно кинжал, словно фаллос, несущий смерть. Ему противостоит фаллос, несущий жизнь, пенис из плоти и крови. Один итальянский знахарь рассказывал мне, что самый ужасный *mal occhio* он видел у иссохшей старухи с волосатым лицом. Целитель, бывший в то же время католическим мистиком-харизматиком, взялся за лечение несчастной ведьмы и обнаружил, что на самом деле она была мужчиной, даже сама не подозревая об этом (его гениталии так и не опустились).

Анализ феномена Дурного глаза с точки зрения пола ничего нам не даст. По всей видимости *Mal occhio* ассоциируется с женщинами потому, что они обладают большей, по сравнению с мужчинами, восприимчивостью к языку тела и владеют специфическими видами магии, которые исчезают по мере наступления исторического периода (а история, как известно, дело рук скорее мужчин, нежели женщин).

Нуэры считают колдовство причиной всех несчастий, болезней и смерти. Большинство нуэрских ведьм не догадываются о том, что они ведьмы. Они страдают от зависти. Согласно верованиям нашего "цивилизованного" племени, все несчастные случаи случайны - винить в них некого. Мы тоже страдаем от зависти, однако мы "невиновны". Если честно, я не верю ни нуэрским охотникам на ведьм, ни ученым мужам нашего механистического мировоззрения. Обе системы убеждений так или иначе исчезают - зачем мне покупать билет на тонущие корабли? Мир гораздо сложнее, чем представляют эти мировоззрения, и одновременно мир куда проще, чем они нам внушают.

Я считаю, воздействие людей друг на друга столь многомерно, что однобокие концепции "колдовства" или "несчастливого случая" просто не могут их описать. Адепт "колдовства" видит мир более неясным и запутанным, чем он есть на самом деле. В свою очередь сторонники "механистичности" видят его гораздо более жестоким и автоматизированным, чем он есть на самом деле. Тело знает многое, не нуждаясь в знаниях. Воображение видит многое, что не требует понимания. Тело и воображение стоят выше простого понимания и жалких абстракций.

Синий цвет - цвет неба и счастья, воздуха и света в отличие от земли и сумрака зависти. Но еще синий цвет - цвет смерти. Старая бедуинка сказала Лоуренсу Аравийскому, что его голубые глаза напомнили ей небо, которое видно через глазницы выбеленного солнцем черепа. Йезиды, "дьяволопоклонники" из Иракского Курдистана, не носят синие бусы или синюю одежду, потому что это цвет их бога - сатаны, ангела-павлина. Ношение синего может глубоко его оскорбить. Поэтому синий камешек - это гомеопатические противоядие, немного зла для защиты от зла. Быть может, это частица самого рогатого, заряженная его козлиной вирильностью. Она противостоит хтонической отрицательной энергии Инь, которая проявляется в зависти. Но в то же время синий камень символизирует прозрачность лазури, бирюзу, бесконечность, Женский принцип, женское, женственность - частицу мозаики из матрицы неба и воды.

Точно также знак "козы", направленный вперед и в лицо, несомненно, является символом Ян. Однако "коза", направленная вниз или увиденная с тыльной стороны (так ее видит обладатель Дурного глаза, даже если жест делают украдкой), становятся образом женщины Каменного века - ноги и вульва. Поэтому защищают от Дурного глаза именно "рога", направленные вниз, выражающие мужское начало. В то же время мы видим, что этот символ воплощает силу богини.

Даже фаллический амулет, который, на первый взгляд, кажется чисто мужским, на самом деле является не пенисом зооморфного бога, а пенисом Приапа, покровителя растений. Это пенис плода и цветка, в некотором смысле - женский пенис.

Таким образом, апотропный комплекс не следует считать мужским, женским или даже андрогинным. Символы вращаются не вокруг пола, но вокруг самой жизни и энергии, это ценности, противопоставленные отрицанию, вакууму, смертельному холоду зависти.

Взгляду любви противостоит не взгляд ненависти, но пассивный, безжизненный взгляд зависти, вампирически тянущейся к жизни других людей. Когда бесплодная женщина видит хорошенького новорожденного, она готова превозносить его до небес, но смысл ее слов прямо противоположен тому, что она говорит; и хотя она об этом даже не догадывается, ее взгляд впивается в самое сердце ребенка. Откуда наша уверенность, что язык жестов бессилён, что это своего рода эволюционный аппендикс нашего вида, который скоро исчезнет? Разве мы не видим, что у него достаточно сил, чтобы вызывать любовь, болезнь и даже смерть?

В мире со всех сторон, словно в паноптикуме Бенгама, на нас направлены смертоносные взгляды. Нам говорят, что мы жертвы, пациенты, бессильные комочки отчаянья; нам показывают нас же самих, больше всего нуждающихся в удобствах, товарах, правах, которых мы лишены. Разве не в это хотят заставить нас поверить богачи, власть имущие, политики, корпорации? Что есть у нас такое, чему они так завидуют, от чего ненасытно блестят их дурные глаза? Может быть, дело в том, о чем не догадываемся мы или не догадываются они, - в том, что мы живы, а они мертвы? Возможно, экран телевизора - это самый совершенный Дурной глаз, ибо он мертв, а мертвые (если верить Гомеру) - самые завистливые из всех существ. Все опосредованное, все медийное умерло, мертвы даже эти строки, а мертвые всегда жаждут жизни. Я постарался защитить этот текст от действия Дурного глаза, постарался предотвратить его превращение в Дурной глаз - для этого я включил в него особые магические имена. Но печатное слово само по себе не может ни спасти, ни защитить. Нужна настоящая магия, песня, которая изменит наше восприятие реальности. А еще лучше - синие дыхание безоблачного неба, жаркое движение проникающего члена.

Зависть абстрактна, потому что она хочет "отобрать". Дурной глаз - это оружие в психическом/физическом мире. Значит, ему нужно противопоставить не другую абстракцию (например, мораль), а самую что ни на есть плотскую реальность, неутолимое могущество рождения, совокупления, лазурного бриза. Амулетом от "Общества Дурного глаза" может стать наша собственная жизнь - несокрушимая как камень или рог, податливая как небо.

Перевод с английского: АБ

Редакция: ИП

Текст заимствован с сайта <http://resist.gothic.ru>

Воображение

Бывает время, подходящее для театра. Когда воображение народа слабеет, он склонен к тому, чтобы видеть свои легенды представленными на сцене — теперь он способен вытерпеть эту грубую замену воображения. Но для времен, к которым принадлежат эпические рапсоды, театр и актер, одетый героем, скорее служит помехой воображению, чем средством придать ему крылья: слишком близко, слишком определенно, слишком мало в этом мечты и птичьего полета.

Ф. Ницше

Но, конечно, рапсод, который здесь лишь на одну ступень отдален от шамана («...мечта и птичий полет») должен фигурировать как своего рода медиум или мостик между «народом» и его воображением. [Примечание: Мы будем употреблять слово «воображение» иногда в том смысле, который придавал ему Уильям Блейк, а иногда в башлярском смысле, не делая выбора в пользу «эстетической» или «духовной» детерминанты и не прибегая к метафизике.] Мост — это то, что обеспечивает переход («перевод», «метафора»), но это не сам оригинал. А переводчик — предатель. Даже рапсод подпитывает воображение толикой яда.

Этнография, однако, позволяет нам утверждать, что существуют общества, где шаманы не являются специалистами по воображению, но где каждый по-своему шаман. Каждый член такого общества (кроме психически больных) выступает как шаман и бард и сам для себя, и для всего народа. Например, некоторые племена американских индейцев на Великих Равнинах сформировали наиболее сложные общества охотников и собирателей на поздних этапах своего развития (может быть, отчасти благодаря ружью и лошади — предметам, воспринятым от европейской цивилизации). Каждая личность полностью реализовывалась и становилась полноправным членом общества в погоне за видением и его артистичным исполнением перед племенем. Таким образом, каждый становился «эпическим рапсодом», деля индивидуальное с коллективным.

Пигмеи, одна из самых «примитивных культур», не производят и не потребляют музыку, а все вместе становятся «музыкой леса». На другом конце этой шкалы, в сложных сельскохозяйственных обществах, таких как бали на пороге XX века, «каждый — художник» (а в 1980 году один яванский мистик сказал мне: «Каждый должен быть художником!»).

Цели импедимента находятся где-то на траектории, приблизительно очерченной этими тремя точками (пигмеи, равнинные индейцы, балийцы), каждая из которых связана с антропологическим понятием «демократического шаманизма». Творческий акт, сам по себе являющийся внешним результатом внутренней работы воображения, не опосредован и не отчужден (в нашем смысле этих слов), если он выполняется всеми для всех; если он производится, но не воспроизводится; если он разделен с другими, но не фетишизирован. Конечно, такие акты, как и все прочие акты, осуществляются при определенном виде и определенной степени посредничества — но они еще не стали силами крайнего отчуждения между некими экспертами-жрецами-производителями, с одной стороны, и незадачливыми «простецами» или потребителями — с другой.

Таким образом, разные средства коммуникации несут в себе разную степень посредничества — может быть, их даже можно расставить по ранжиру, исходя из этого свойства. Здесь все зависит от взаимности, от более или менее равного обмена тем, что можно назвать «квантами воображения». В случае эпического рапсода, который является посредником, передающим свое видение племени, значительная часть работы — а именно активное воображение — все-таки лежит на слушателях. Они должны принимать воображаемое участие в акте рассказа-слушания и вызывать образы из собственных творческих запасов, чтобы завершить акт рапсода. В случае музыки пигмеев взаимность наблюдается почти абсолютная, так как все племя передает видения исключительно для всего племени; что же касается балийцев, взаимность приобретает более сложный, почти экономический характер, где специализация ярко выражена, где не «художник — особый вид человека», а «человек — особый вид художника».

В ритуальном театре вуду и сантерии все присутствующие должны принимать участие в действе, представляя себе лоя или ориши (воображаемые архетипы) и призывая их (особыми заклинаниями и ритмами) появиться. Любой присутствующий может стать «лошадью», или медиумом, для одного из тех «святых», чьи слова и действия в конце концов сигнализируют всем участникам о присутствии вызываемого духа (то есть одержимый представляет, а не воспроизводит). Эта структура, лежащая также в основе индонезийского ритуального театра, может служить образцом творчества при «демократическом шаманизме». Чтобы выстроить шкалу воображения для всех средств коммуникации, мы можем начать со сравнения этого «театра вуду» с европейским театром XVIII века, описанным Ницше. В последнем случае оригинальное видение (или «дух») отсутствует полностью. Актеры просто воспроизводят нечто, на них личины. При этом никто не ждет, что какой-либо член труппы или зритель вдруг оказался «одержим» (или даже сильно вдохновлен) образами, созданными драматургом. Актеры — специалисты или эксперты по части воспроизведения, а публика — «простецы», которым передаются различные образы. Публика пассивна, слишком много делается для публики, которая просто сидит на месте в

темноте и молчании, обездвиженная деньгами, которые заплатила за это вторичное переживание.

Арто, понимавший это, попытался возродить ритуальный театр вуду (изгнанный из западной культуры Аристотелем) — но он проводил свои эксперименты в рамках самой структуры аристотелевского театра «актеры — зрители»; он пытался уничтожить или видоизменить ее изнутри. Арто потерпел поражение и превратился в безумца, проводя целый ряд экспериментов, кульминацией которых стала атака живого театра на театр актера и зрителя — атака в буквальном смысле, попытка силой заставить зрителей участвовать в ритуале. Из этих экспериментов родились некоторые великие театральные постановки, но с точки зрения глубинной цели из них ничего не вышло. Никому не удалось преодолеть отчуждение, которое критиковали Ницше и Арто.

И все равно театр занимает гораздо более высокое место на шкале воображаемого, чем другие, более поздние средства коммуникации, например, кино. По крайней мере, в театре актеры и зрители физически присутствуют в одном и том же пространстве, способствуя созданию того, что Питер Брук называл «невидимой золотой цепью» внимания и сопереживания между труппой и публикой: это и есть общеизвестная «магия театра». В кино, однако, эта цепь рвется. Здесь публика сидит в темноте сама по себе и ничего не делает, а отсутствующих актеров заменяют гигантские изображения. Всегда одинаковый, сколько его ни показывай, воспроизводимый механически, лишенный какой-либо ауры, фильм просто запрещает зрителям соучаствовать — фильм не нуждается в воображении публики. Конечно, фильму нужны деньги публики, а деньги, в конце концов — это некий конкретизированный осадок воображения.

Эйзенштейн заметил бы, что монтаж придает фильму диалектическое напряжение, которое занимает сознание зрителя, его интеллект и воображение, а Дисней мог бы добавить (если бы был способен на идеологию), что анимация усиливает этот эффект, поскольку она, собственно, целиком состоит из монтажа. У фильма тоже есть своя «магия». Безусловно. Но с точки зрения структуры мы прошли долгий путь от театра вуду и демократического шаманизма: теперь мы находимся в опасной близости от превращения воображения в товар и отчуждения товарных отношений. Мы почти отказались от своей способности летать, пусть хотя бы во сне.

Книги? Книги как средство коммуникации передают только слова — но не звуки, виды, запахи или ощущения; все это отдается на откуп воображению читателей. Прекрасно... Но в книгах нет ничего «демократического». Автор с издателем производят, вы потребляете. Книги, возможно, обращены к людям «с воображением», но вся активность воображения, в конце концов, сводится к пассивности: сидеть в одиночестве с книгой, позволяя кому-то рассказывать тебе историю. В магии книг есть что-то зловещее, как в Библиотеке Борхеса. В идее церковников составить список «проклятых» книг что-то есть — так как в некотором смысле все книги прокляты. Эрос текста — это извращение, хотя, тем не менее, такое, к которому мы привыкли и не спешим с ним бороться.

Что касается радио — это явное средство передачи отсутствия, как и книга, но в большей степени: с книгой ты один на свету, с радио — один во мраке. Еще большая пассивность радиослушателя подтверждается тем, что рекламодатели, как правило, платят за время в радиопередаче, а не за место в книге.

Тем не менее, радио дает слушателю гораздо больше работы для воображения, чем, скажем, телевидение зрителю. Магия радио: можно использовать его, чтобы слушать солнечную радиацию, бури на Юпитере, свист комет. Радио старомодно; в этом его соблазнительность. Радиопроповедники говорят: «Протяните руууку к радио, братья и сестры, и почувствуйте исцеля-ааающую силу слова!» Радио вуду?

[Примечание: Можно так же проанализировать музыкальные записи: в том смысле, что они отчуждают, но еще не отчуждены. Записи заменили домашнее самодеятельное музицирование. Музыкальная запись слишком вездесуща, слишком доступна — если ее и нет, то найти ее все равно нетрудно. И все-таки можно было бы многое сказать о старых, поцарапанных пластинках на 78 оборотов, которые слушаешь поздно вечером по дальним радиостанциям — как вспышка света, которая, кажется, бросает отблески на все уровни опосредования и создает эффект парадоксального присутствия.]

Именно в этом смысле мы можем хоть отчасти согласиться с сомнительным во всех прочих смыслах утверждением: «Радио — добро, телевидение — зло!». Потому что телевидение стоит на нижней отметке шкалы средств коммуникации. Нет, не совсем так. «Виртуальная реальность» еще ниже. Но TV — как раз то средство, которое имеют в виду ситуационисты, говоря о Спектакле. Телевидение — то самое средство, которое иммедиатизм больше всего стремится преодолеть. Книги, театр, кино и радио сохраняют в себе то, что Бенямин называл утопическим следом (хотя бы потенциально) — последние проявления порыва, направленного против отчуждения, последний аромат воображения. Телевидение, однако, начало разведать и этот след.

Неудивительно, что первыми стали показывать видео нацисты. TV для воображения — то же, что вирус для ДНК. Конец. Ниже телевидения стоит только инфрамедийный мир вне времени и пространства, мгновенность и экстаз Комтека, чистая скорость, загрузка сознания в машину, в программу — иными словами, ад.

Означает ли это, что иммедиатизм желает уничтожить TV? Конечно же, нет; иммедиатизм хочет оставаться игрой, а не политическим движением и, ясное дело, не революцией, во власти которой отменить любое средство коммуникации. Цели иммедиатизма должны быть позитивными, а не негативными. Мы не чувствуем в себе призвания отменять любые средства производства (и даже воспроизводства), которые могут когда-нибудь оказаться в руках «народа».

Мы анализировали средства коммуникации, исходя из содержащейся в них доли воображения и взаимности,

исключительно для того, чтобы использовать для себя самые эффективные средства решения проблемы, которую очертил Ницше и так болезненно чувствовал Арто, — проблемы отчуждения. Для этого нам нужна приблизительная иерархия средств коммуникации, шкала, измеряющая необходимый нам потенциал. Итак, грубо говоря, чем больше воображения высвобождается и делится с другими, тем полезнее средство.

Пусть мы больше не можем вызывать духов, чтобы они вселялись в нас, или посещать их сферы, как шаманы. Может быть, таких духов и не существует, а может быть, мы слишком цивилизованны, чтобы узнавать их. А может быть и нет. Творческое воображение, однако, в полной степени остается нашей реальностью — тем, что мы должны исследовать, даже в тщетной надежде на спасение.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Имmediатизм против капитализма

Много чудовищ стоит между нами и реализацией наших имmediатистских целей. Например, наша собственная бессознательная отчужденность может по ошибке слишком легко быть принята за добродетель, особенно по контрасту со скрыто авторитарным понятием «общественность» или с разнообразными «великосветскими» версиями «досуга». Разве не естественно принять черный дендизм отшельников за некий героический индивидуализм, когда единственная альтернатива — это рыночный социализм «Клуба Мед» или уютный мазохизм жертвенных культов? Обреченность и холодность естественным образом ближе благородным душам, чем безопасность и уют.

Смысл имmediатизма в том, чтобы способствовать росту индивидуумов, предлагая им матрицу дружбы, а не умалять их, заставляя приносить в жертву свою «самость» групповому мышлению, лево-радикальному самоотрицанию или клонированным ценностям новой эпохи. Преодолевать нужно не индивидуальность саму по себе, а скорее приверженность к озлобленному одиночеству, которая характеризует сознание XX века (которое во многом повторяет сознание века XIX-го).

Однако гораздо опаснее любого внутреннего чудовища, которое можно назвать «отрицательным эгоизмом», будет внешнее, очень реальное и совершенно объективное чудовище слишком позднего капитализма. Марксисты (да будет им земля пухом) придумали собственную версию того, как он действовал, но нас сейчас не интересует абстрактно-диалектический анализ стоимости труда или классовой структуры (хотя им, возможно, еще требуется анализ, тем более, после смерти или исчезновения коммунизма). Вместо этого мы хотели бы отметить конкретные тактические угрозы имmediатистскому проекту.

1. Капитализм способствует сохранению лишь некоторых видов групп, например «нуклеарной семьи» или «тех, кого я знаю по работе», потому что такие группы уже являются самоотчужденной и неотъемлемой частью структуры «работа — потребление — смерть». Существование других групп позволяет, но не встречает никакой поддержки со стороны общественного порядка, и поэтому перед ними встают ужасные трудности и опасности, возникающие под видом «неудач».

Первое и с виду самое невинное препятствие любому имmediатистскому проекту — это «занятость» или «необходимость зарабатывать на жизнь», с которым сталкивается каждый его участник. Однако ничего невинного в этом нет — есть только полное незнание того, как организован сам капитализм и как он препятствует любому виду истинной совместной жизни. Едва группа друзей начинает видеть непосредственные цели, которые можно реализовать только с помощью солидарности и сотрудничества, как одному из них предлагают хорошую работу в Цинциннати или место учителя английского на Тайване, или же он вынужден ехать в Калифорнию, чтобы ухаживать за умирающим отцом или матерью, или теряет «хорошую» работу, которая у него уже имеется, и впадает в бедность, которая убивает удовольствие от группового проекта или реализации групповых целей (то есть человек «впадает в депрессию»). На уровне самой поверхностной обыденности случается и такое, группа никак не может договориться о дне встречи, потому что все «заняты». Но это вовсе не поверхностно. Это настоящее космическое зло. Мы впадаем в ярость и возмущение против «угнетения» и «несправедливых законов», в то время как на самом деле эти абстракции не очень-то влияют на нашу повседневную жизнь, — а того, что действительно делает нас несчастными, мы не замечаем, это списывается на занятость, «депрессию» или даже на природу самой действительности («Но я же не могу жить без работы!»).

Да, возможно, это так, и мы не можем жить без работы — хотя я надеюсь, мы достаточно взрослые люди, чтобы видеть разницу между жизнью и приобретением кучи дурацких машинок. Тем не менее, мы должны постоянно напоминать себе (поскольку наша культура не сделает этого за нас), что именно на это чудовище по имени РАБОТА обращен наш бунтарский гнев, ибо это и есть единственная угнетающая нас реальность (нам следует также научиться распознавать «работу», когда она маскируется под досуг).

Быть «слишком занятым» для имmediатистского проекта означает упустить самую сущность имmediатизма. Борьба за то, чтобы встречаться вечером каждый понедельник (или в другое время), находясь в пасти таких чудовищ, как занятость, семья, приглашения на идиотские вечеринки, такая борьба — уже сама по себе имmediатизм. Добейтесь просто того, чтобы по-настоящему, физически встречаться с группой, не являющейся

вашей женой и детьми, сослуживцами или партнерами по 12-ступенчатой программе — и вы достигнете уже фактически всего, к чему призывает империализм. Собственно проект возникнет сам по себе из этой удачной пощечины социальным нормам отчужденной скуки. Внешне, конечно, будет казаться, что проект и есть цель группы, мотив для того, чтобы собираться, — но на самом деле все наоборот. Мы не шутим и не преувеличиваем, настаивая на том, что такие встречи уже сами по себе — революция. Достигните этого, и творческая часть придет сама собой; она прибавится, «как царствие небесное». Конечно, это будет ужасно трудно: иначе почему мы потратили последнее десятилетие на то, чтобы попытаться создать свою «почтовую богему», если бы было так легко организовать ее в каком-нибудь Латинском квартале или сельской коммуне? Эта капиталистическая накипь, эти крысы-недоноски, которые велят вам «протянуть руку и коснуться кого-нибудь» по телефону или «оставаться здесь!» (где? один на один с проклятым телевизором?) — эти лавкрафтовские вампиры пытаются превратить вас в скрюченный, обескровленный, жалкий, искалеченный винтик в механизме смерти человеческой души (и не будем вдаваться в теологические перепалки по поводу того, что есть душа!). Боритесь с ними — встречаясь с друзьями не для того, чтобы производить и потреблять, а чтобы наслаждаться дружбой — и вы одержите победу (пусть только на миг) над самым зловредным заговором сегодняшнего евро-американского общества — заговором, направленным на то, чтобы сделать из вас живой труп, гальванизируемый простатитом и страхом перед нищетой, превратить вас в привидение, живущее в вашем собственном мозгу. Это не мелочь! Это вопрос победы или поражения!

2. Если занятость и рассредоточенность — это первые потенциальные провалы империализма, мы не можем сказать, что его триумф может измеряться «успехом» Вторая важная угроза нашему проекту может быть определена очень просто — как трагический успех самого проекта. Допустим, мы преодолели физическое отчуждение, начали встречаться, разработали свой проект и что-то создали (пуховое одеяло, банкет, пьесу, акт экосаботажа и т.п.). Если мы не будем держать это в абсолютной тайне — что, наверное, невозможно и в любом случае отравит нас эгоизмом — об этом услышат другие люди (другие из ада, перефразируя экзистенциалистов) — а среди этих других окажутся агенты (сознательные или бессознательные, неважно) слишком позднего капитализма. Спектакль — или то, что пришло ему на смену после 1968-го — в первую очередь пустопорожен. Он подпитывает себя, словно Молох, постоянным заглатыванием чьих-то творческих сил и идей. И он гораздо страшнее для вашей «радикальной субъективности», чем любой вампир или коп для вашей крови. Ему нужна ваша креативность даже сильнее, чем вам самим. Он умрет, если вы не будете его хотеть, а вы его захотите лишь в том случае, если вам кажется, что он предлагает вам то самое, о чем вы мечтали как одинокий гений — только уже продаваемое в виде товара. О метафизические обертки вещей! (Или предназначенные для этого слова — Маркс, которого цитирует Беньямин.)

Внезапно вам покажется (как будто демон нашептал на ухо), что империалистское произведение искусства, созданное вами, так прекрасно, так свежо, так оригинально, так мощно по сравнению с той дрянью, что идет «на рынок», так чисто, что его можно обнародовать и продать, и жить за его счет, так что вы сможете бросить РАБОТУ, купить ферму в деревне и впредь заниматься одним лишь искусством. И, может быть, так оно и есть. Вы могли бы... в конце концов, вы гений. Но лучше отправиться на Гавайи и броситься в кратер действующего вулкана. Тогда вы точно добьетесь успеха, может быть, вас даже будут в течение 15 секунд показывать в вечерних новостях или снимут документальный фильм о вашей жизни. Да-да, так-то.

3. Но вот появляется третье чудовище, проламывает стену гостиницы и обнюхивает вас (если, конечно, успех еще вас не испортил).

Потому что для того, чтобы пользоваться успехом, нужно, чтобы вас видели. А если вас увидят, то воспримут как нечто неправильное, незаконное, аморальное — в общем, иное. Все главные источники творческих сил Спектакля находятся в тюрьме. Если вы — не нуклеарная семья и не группа поддержки Республиканской партии, то почему вы встречаетесь по вечерам каждый понедельник? Что у вас там — наркотики? Тайный секс? Соккрытие налогов? Сатанизм?

И конечно, вероятность, что ваша империалистская группа занимается чем-то нелегальным, весьма велика — ведь все, что приносит наслаждение, на самом деле незаконно. Вавилон ненавидит тех, кто по-настоящему наслаждается жизнью, а не просто тратит деньги в тщетной попытке купить себе иллюзию наслаждения. Разврат, обжорство, булимическое сверхпотребление — это все не просто законно, но и обязательно. Если вы не тратите себя на пустоту товаров, вы явно ведете себя странно и, по определению, должны каким-то образом нарушать закон. Истинное удовольствие в нашем обществе гораздо опаснее, чем ограбление банка. В конце концов, грабители разделяют уважение мистера к деньгам мистера. Но вы, вы — извращенцы и заслуживаете того, чтобы вас сожгли на костре, — и вот идут крестьяне со своими факелами, чтобы выполнить задание государства, даже если их об этом не просили. И вот вы — чудовища, а ваш маленький готический замок империализма охвачен пламенем. Внезапно из леса появляется целая толпа полицейских. Ваши документы? А вид на существование у вас есть?

Империализм — это пикник, но трудный. Империализм — самый естественный путь к свободе человека, какой только можно представить, — и поэтому самая ненатуральная ересь в глазах капитализма. Империализм победит, но только за счет самоорганизации сил, секретности и революционности. Империализм — наша отрада, империализм опасен.

Иммедиатизм

1. Весь опыт опосредован механизмами чувственного восприятия, мыслительных процессов, языка и т. п. — и, конечно, все искусство состоит из дальнейшего опосредования искусства.
2. Однако опосредование происходит постепенно. Некоторые виды опыта (запах, вкус, сексуальное наслаждение и т.п.) менее опосредованы, чем другие (чтение книг, наблюдение в телескоп, слушание записи). Некоторые средства коммуникации, такие как танец, театр, музыкальные и бардовские представления, менее опосредованы, чем TV, CD, виртуальная реальность. Даже в числе средств, называемых обычно средствами массовой коммуникации, одни более, а другие менее опосредованы — в зависимости от интенсивности воображаемого соучастия, которого они требуют. Печать и радио требуют больше воображения, кино — меньше, телевидение — еще меньше, а виртуальная реальность — пока меньше всего.
3. Для искусства вмешательство Капитала всегда означает большую степень опосредованности. Сказать, что искусство превращается в товар, значит констатировать, что произошло опосредование, или вступление третьего, и что это вступление способствует расколу, а раскол, в свою очередь — отчуждению. Импровизированная музыка, которую исполняют дома в дружеском кругу, менее «отчуждена», нежели та, которую играют в «Метрополитен» или же с помощью средств массовой коммуникации (будь это PBS, MTV или walkman). В общем-то, можно привести аргумент, что музыка, распространяемая бесплатно или за плату на кассетах по почте, МЕНЕЕ отчуждена, чем живая музыка, которую играют на каком-нибудь грандиозном спектакле «Мы — это мир» или в ночном клубе Лас-Вегаса, несмотря на то, что последняя — это живая музыка, исполняемая для живой аудитории (по крайней мере, так представляется), в то время как первая — это записи, потребляемые далеким и даже анонимным слушателем.
4. Тенденция хай-тек и тенденция позднего капитализма гонят искусство все дальше и дальше, к крайним формам опосредованности. Обе они углубляют пропасть между производством и потреблением искусства и, соответственно, отчуждение.
5. С исчезновением «мейнстрима» и, в связи с этим, авангарда в искусстве было отмечено, что все более или менее продвинутое и насыщенное виды опыта в искусстве почти немедленно были компенсированы средствами массовой коммуникации и, следовательно, обращены в такую же труху, как и прочая труха в прозрачном мире товаров.
«Труха» в том значении термина, которое было придано ему, скажем, в Балтиморе в 70-е годы, может доставлять удовольствие, обусловленное ироническим приятием непреднамеренной фольк-культуры, которая окружает и пронизывает самые бессознательные сферы поп-разума — в свою очередь, являющегося продуктом Спектакля. «Труха» когда то была свежей идеей с радикальным потенциалом. Теперь, однако, на развалинах постмодернизма, она наконец начала смердеть. Ироническая фривольность в конце концов становится омерзительной. Можно ли сейчас быть серьезным, но не трезвым? [Примечание: Новая трезвость — это, конечно же, обратная сторона Новой фривольности. Пижонское неопуританство несет в себе оттенок реакции точно так же, как постмодернистская философская ирония и отчаяние, которые к этой реакции привели. Общество очищения — это то же самое, что общество кутежа. После «12 ступеней» тенденциозного отрицания 90-х, все, что остается на 13-й ступени, — это виселица. Ирония, может быть, стала скучна, но уродование самих себя всегда было ничем иным, как пропастью. Долой фривольность — долой трезвость!]
Все тонкое и прекрасное, от сюрреализма до брейк-данса, в конце концов становится пищей для рекламы мистера Мак-Гроба; пятнадцать минутами позже вся магия из нее высосана и само искусство оказывается мертвым, как сухой краб. Медиа-волшебники — которые, если не постмодернисты, то никто, — уже начали кормиться жизненной силой «трухи», как стервятники, пережевывающие и переваривающие одну и ту же падаль в непотребном экстазе самореференции. Какая дорога ведет в Egress?
6. Настоящее искусство — игра, а игра — один из самых непосредственных видов переживания. От тех, кто знает наслаждение игрой, нельзя ожидать, что они так просто откажутся от него, просто чтобы выиграть политическое очко (как в «Забастовке искусства» или искусстве «подавления без реализации» и т.п.). Искусство будет продолжаться точно так же, как вы будете продолжать дышать, есть и трахаться.
7. Тем не менее, нам отвратительна идея полного отчуждения искусства, особенно в «средствах коммуникации», в коммерческом книгоиздательстве и галереях, в индустрии звукозаписи и пр. И нас иногда беспокоит даже, насколько наша собственная погруженность в такие виды искусства, как литература, живопись или музыка, ввергает нас в мерзкую абстракцию, отлучение от непосредственного переживания. Нам не хватает прямотушия игры (в первую очередь это естественное удовольствие от творения искусства); нам не хватает запаха, вкуса, осязания, ощущения тел в движении.
8. Компьютеры, видео, радио, печатные станки, синтезаторы, факсы, магнитофоны, ксероксы — это все хорошие игрушки, но они страшны тем, что к ним привыкаешь. В конце концов, мы понимаем, что не можем «протянуть руку и потрогать» того, кто не присутствует здесь во плоти. Эти средства могут быть полезны

нашему искусству — но они не должны завладевать нами, так же как не должны становиться между нами, посредничать или отделять нас от нашего животного/живого «я». Мы хотим управлять нашими средствами коммуникации, а не быть управляемыми ими. И нам хочется вспомнить некое духовное боевое искусство, в котором упор делается на сознании того, что наше тело — наименее опосредованное из всех средств коммуникации.

9. Таким образом, как художники и «работники культуры», которые не имеют намерения оставить деятельность в области избранных нами средств коммуникации, мы, тем не менее, требуем от себя острого осознания имедиатизма, так же как овладения некоторыми прямыми способами применения этого осознания в игре — непосредственно в данный момент и непосредственно в смысле без посредников.

10. Прекрасно понимая, что любой художественный «манифест», написанный сегодня, может только смердеть той же горькой иронией, которой он пытается противостоять, мы, тем не менее, без колебаний провозглашаем (недолго думая), что основываем «движение» — имедиатизм. Мы чувствуем, что имеем на это полное право, потому что намереваемся следовать имедиатизму тайно, чтобы избежать какого либо осквернения опосредованием. Публично мы будем продолжать сотрудничать с издательствами, радио, прессой, музыкальными учреждениями и т.п., но для самих себя будем создавать нечто другое, то, чем можно бесплатно делиться, но нельзя пассивно потреблять, то, что смогут открыто обсуждать, по никогда не смогут понять агенты отчуждения, то, что не имеет коммерческого потенциала, но обладает ценностью, а не ценой, нечто оккультное, но сотканное исключительно из нитей нашей повседневной жизни.

11. Имедиатизм — это не движение в смысле эстетической программы. Он зависит от ситуации, а не от стиля или содержания, не от идеи и школы. Он может принимать форму любой творческой игры, в которую могут играть двое или более людей, играть сами по себе и сами для себя, лицом к лицу и вместе. В этом отношении он похож на игру, и поэтому к нему могут применяться определенные правила.

12. Все зрители должны быть также актерами. Все расходы должны быть разделены, и все продукты, которые могут возникнуть в результате игры, должны делить между собой исключительно ее участники (которые могут оставлять их себе или дарить другим). Лучшие игры не будут или почти не будут задействовать очевидных форм опосредования, таких как фотография, запись, печать и т.п., зато станут применять непосредственные техники, включающие физическое присутствие, непосредственное общение и чувства.

13. Очевидная модель имедиатизма — это вечеринка. Так, хорошая еда может стать хорошим проектом движения имедиатизма, если будет приготовлена и съедена всеми присутствующими. Древние китайцы и японцы туманными осенними днями устраивали празднества запаха, на которые каждый гость приносил самодельное благовоние или духи. На праздниках буриме неудачное двустипшие влекло за собой штраф в виде бокала вина. Ватные пчелы, живые картины, изысканные трупы, ритуалы-попойки, подобные «музейной оргии» Фурье (эротические костюмы, позы и шутки), живая музыка и танец — в прошлом можно отыскать подходящие формы, а воображение подскажет новые.

14. Разница между, к примеру, лоскутной пчелой XIX века и лоскутной пчелой имедиатизма заключается в осознании практики имедиатизма как реакции на беды отчуждения и «смерти искусства».

15. Мэйл-арт 70-х и сцена 80-х были попытками выйти за пределы опосредованности искусства как товара и могут считаться предками имедиатизма. Однако они сохранили в себе опосредованные структуры почтовой коммуникации ксерографии и поэтому не сумели преодолеть изоляцию игроков, которые остались в самом буквальном смысле слова вне досягаемости. Мы хотим привести мотивы и открытия этих прошлых движений к логическому завершению в искусстве, которое отменяет всяческое опосредование и отчуждение хотя бы в той степени, какую позволяет состояние человека.

16. Более того, имедиатизм не обречен на бессилие в мире просто потому, что он избегает публичности базарной площади. «Поэтический терроризм» и «искусство-саботаж» — вполне логические проявления имедиатизма.

Наконец, мы ожидаем, что практика имедиатизма высвободит в нас огромные запасы забытых сил, которые не только преобразят наши жизни в тайной реализации непосредственной игры, но и неизбежно вскипят, взорвутся и пронизуют все прочее искусство, которое мы создаем, более публичное и опосредованное искусство.

И мы надеемся, что они будут сближаться и сближаться, и наконец сольются воедино.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Потlach имедиатистов

1. Игроков может быть сколько угодно, но о числе нужно договориться заранее. От шести до двадцати пяти, кажется, примерно то, что требуется.

2. В основе лежит структура банкета или пикника. Каждый игрок приносит блюдо, бутылку и т.п., так чтобы каждому хватило, по меньшей мере, на одну порцию. Блюда можно готовить заранее или на месте, но запрещается приносить купленное готовым (кроме вина и пива, но лучше, если и они домашнего приготовления). Чем изысканнее блюдо, тем лучше. Попытка запомниться. Меню не обязательно должно быть неожиданностью

(хотя это возможно) — некоторые группы, возможно, пожелают согласовать его заранее, чтобы не было повторов или столкновений. Банкет может быть тематическим, и можно назначить каждого игрока ответственным за какую-либо его часть (закуски, суп, рыба, овощи, мясо, салат, десерт, мороженое, сыр и т.п.). Предлагаемые темы: «Гастрософия Фурье», «Сюрреализм», «Американские туземцы», «Черное и красное» (все блюда черного или красного цвета в честь анархии) и т.п.

3. Банкет должен проходить в несколько формальной обстановке например, с тостами. Можно затеять какое-нибудь «переодевание к обеду». (Представьте, например, что тема обеда — сюрреализм: и тогда понятие «переодевание к обеду» может обрести определенную значимость.) Живая музыка во время банкета — это прекрасно, если только кто-то из участников согласится исполнить ее в качестве «дара» и поесть позже. Музыка в записях будет неуместна.

4. Главная цель потлача — конечно, раздача даров. Каждый игрок должен принести один или несколько подарков и уйти также с одним или несколькими разными подарками. Это можно осуществить разными способами: а) каждый игрок приносит один подарок и передает его соседу по столу (или что-нибудь в этом роде); б) каждый приносит подарки для всех гостей. Выбор зависит от числа играющих, причем вариант «а» больше подходит для многочисленных групп, а «б» — для маленьких сборищ. Если вы выбрали вариант «б», можете решить заранее, должны ли подарки быть одинаковыми или разными. Например, я играю еще с пятью участниками, должен ли я приносить, к примеру, пять расписанных вручную галстуков или пять совершенно разных подарков? И должны ли подарки предназначаться определенным людям (в этом случае они должны быть подобраны согласно характеру каждого) или распределяться по жребию?

5. Подарки должны быть изготовлены самими игроками, не куплены в готовом виде. Это очень важно. Изготавливать подарки можно и из готового сырья, но каждый из них должен быть самостоятельным произведением искусства. Если, например, я приношу пять расписанных вручную галстуков, я должен разрисовать их сам, одинаковыми или разными узорами, хотя для этого имею право купить готовые галстуки.

6. Подарки не обязательно должны быть физическими предметами. Кто-то из игроков может подарить остальным живую музыку за обедом, кто-то — устроить представление. Однако следует помнить, что в потлачах американских индейцев подарок должен быть чем-то необыкновенным и даже разорительным для дарящего. На мой взгляд, лучше всего все-таки физические предметы, причем как можно лучшие — не обязательно дорогостоящие, но впечатляющие. В традиционном потлаче важный компонент — завоевание престижа. Игроки должны чувствовать состязательный дух дарения, решимость дарить подарки поистине роскошные и ценные. Об этом группа может договариваться заранее — кто-то, возможно, будет стоять за физические объекты, и в этом случае музыка и другие выступления будут просто дополнительным актом щедрости, что называется, помимо потлача.

7. Наш потлач, однако, отличается от традиционного тем, что теоретически выигрывают все игроки — все дарят и получают поровну. Однако нельзя отрицать, что скучный или скупой игрок потеряет престиж, в то время как изобретательный и щедрый приобретет «реноме». Чтобы потлач по-настоящему удался, все игроки должны быть одинаково щедрыми, так чтобы все остались одинаково довольными. Неопределенность исхода придает событию элемент непредсказуемости.

8. Хозяин, который обеспечивает помещение, конечно, берет на себя дополнительные хлопоты и расходы, так что идеальный потлач — это элемент серии, в которой каждый по очереди становится хозяином. В этом случае в ходе серии возникнет еще один элемент борьбы за престиж: чье гостеприимство окажется наиболее запоминающимся? Группа может заранее установить правила, ограничивающие обязанности хозяина, а может и дать хозяину «зеленую улицу» для самовыражения; однако в последнем случае серия событий должна быть полной, так чтобы никто не почувствовал себя обманутым и не ощутил своего превосходства перед остальными игроками. Но в некоторых районах и некоторых группах провести полную серию не всегда возможно. В Нью-Йорке, например, не у каждого найдется помещение, где можно разместить даже маленькую группу. В таком случае хозяева неминуемо завоевывают несколько больший престиж. А почему бы, собственно, и нет?

9. Подарки не должны быть «полезными». Они должны быть приятными для органов чувств. Одни группы могут предпочесть произведения искусства, другие — домашние консервы и закуски, или хорошие благовония и мирру, или даже сексуальные акты. Следует согласовать основные правила. Подарок не должен содержать даже намек на опосредование — никаких видео- и звукозаписей, печатных материалов и т.п. Все подарки должны присутствовать на «церемонии» — то есть никаких билетов в другое место, никаких обещаний и отсрочек. Помните, что цель игры и ее основное правило — избегать всякой опосредованности и воспроизведения: присутствовать на месте и дарить дары.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

За и против интерпретации

Ангелы стучаться в двери таверны.

Хафиз из Ширази

Килдер плосок – так что куда бы вы ни двигались, вы видите линии электрических огней, марширующие сквозь ландшафт, как голливудские марсиане. Патрик остановился во «Дворе епископа», который, несмотря на название, представлял собой трехкомнатный домишко плюс старый хлев, забитый, точно мусором, поделками Хилариуса и прочих, среди которых оказались и несколько штук, сделанных из ржавых сельскохозяйственных орудий и кусков дурна, нарезанных в ближайшем болоте. Попив чаю в продуваемом всеми ветрами, слякотном крестьянском дворе, мы отправились искать церковь и колодец Святого Патрика – это оказалось недалеко, на другом крестьянском дворе, рядом с металлическим сараем, в окружении коров и коровьего навоза архитектура – XIII век или раньше, романская с примесью готики (или египетского стиля?) – в стрельчатых арках окон – отреставрированная в 1950-х, но забытая и заросшая плющом и паутиной, – призывающая к смирению, потому что чтобы войти, нужно нагнуться, как в дзэнской чайной. Наши приятели Джеймс и Шон решили оживить ее, построить алтарь и повесить латунный колокол на колокольне, а потом посмотреть, сколько времени пройдет, пока кто-нибудь это заметит. Мы идем по дороге, время от времени сворачивая в полевые цветы на обочине, чтобы пропустить автомобили богатых фермеров, а затем ныряя в заросли ежевики, усыпанные поздними цветами и ранними ягодами. Колодец, кажется, не фигурирует ни в одном списке достопримечательностей – возможно, больше никто его не посещает. Как и прочие источники, которые я встречал в Ирландии, он похож на сапфир в оправе из изумруда, вставленный в оправу их нефрита в руке друида; мы трижды обходим его по часовой стрелке, а затем пьем – автомобили проносятся шагах в двадцати от нас – Шон недавно видел здесь приведение и оставил его портрет – нечто вроде гипсовой маски на камне рядом с колодцем.

Как утверждал андалузский суфий XIII века Ибн Араби, существуют «тонкие материи», протянутые между небом и землей, как лестницы Иакова – и «смыслы», которые спускаются по этим материям, как ангелы. Мне кажется, мы в самом деле видели материи – полупрозрачные ленты света, лучи *auroa borealis*, в пульсирующих узлах, похожих на звезды, падающие сквозь марлеву занавеску. Нет нужды ограничивать это ощущение теологическими или психологическими истолкованиями – для наивного реалиста любое переживание с одинаковым правом претендует на онтологическую аутентичность: он видит приведение и чувствует сходение смыслов точно так же, как видит и чувствует теплый дождь. Но как далеко может зайти наша наивность? Не беда, даже самая передовая наука и самая глубокомысленная теология в моменты недоумения приводит нас к тому же экзистенциалистскому принципу: раз нечто является, оно вполне может быть реальным. Так что если смысл, сходящий к нам по тонкой материи, реален, можно обнаружить и его источник, который так же реален – или достаточно реален для наших сегодняшних целей; этот путь гностики-исмаилиты называют та'вил, или интерпретация. Психолог сказал бы, что знание, которое рождается в процессе этой операции, приходит изнутри; с точки зрения теолога оно приходит из внешнего мира – но для нас оба эти объяснения утратили способность вводить в заблуждение. Слово алхимический процесс, интерпретация являет себя как внутри, так и снаружи, и никогда – в одно и то же время; как «герменевтическая экзегеза» (по выражению Генри Корбина) она принадлежит промежуточному миру, перешейку, называемому *Mundus Imaginalis*, где образы автономны или где грезы предсказывают действительность. В одном отношении не реальный и не нереальный, а в другом – вполне способный являться на в виде привидений, мир воображения ведет себя так, словно он представляет собой источник значений, место пребывания действующих лиц, дыхание мира. Науки и религия могут, объединившись, называть это заблуждением – но для нас это скорее источник полного отчаяния. Двухмерность противоборствующих эпистемологий, дихотомий, семантических ловушек, дурных поверий – на хер науку и религию – мы должны требовать рациональности чудесного: положить конец насилию толкования.

* * *

В этом контексте индивидуумы и группы сами отвечают за налаживание контакта с собственными ангелами – даже мистики гуру в этом смысле вели нас неправильным путем, потому что они становятся между нами Ии нашим собственным знанием и претендуют на авторитет, сводящий нас к роли субъектов, точнее, объектов – объектов чьей-то интерпретации. Похоже, мы неизбежно впадаем в древнюю ересь, основанную на презумпции, что каждый человек каждую секунду в точности знает, что происходит и что делать, – но лишь в том случае, если он может освободиться от нужды, угнетения и удушающего воздействия ложного сознания – и убежать от дефицита, с помощью которого авторитет измеряет свое богатство и свою власть над нами. Прежде всего – от дефицита интерпретации.

Самая разрушительная сила интерпретации принадлежит самому капиталу, который претендует на свободу от любой двойственности, от любой инакости – в окончательном «непотребном экстазе» объединенного и плоского сознания: универсализация денег в концептуальном пространстве, когда они предстают отдалившимися и парящими над всяческим грязным простым производством, – нечто вроде нумисферы или небесной погоды чистых денег – и глобальный долг, долг всех и каждого ничему, словно «черная дыра» в горизонте событий, засасывающая каждую последнюю частицу света в пустоту вне истории. Согласно «естественному закону» этого всеобщего освобождения денег, ничто – даже воздух, вода или грязь – не может переживаться непосредственно индивидуумом или группой: все должно быть опосредовано самими деньгами, которые готовы встать между сознанием и производством как абсолютный фильтр, стирающий все следы аутентичности и выставяющий за них счет (фактически себе): высшая власть за пределами даже авторитета и закона. Прежде всего, капитал стремится приобрести монополию на интерпретацию.

Вальтер Беньямин разъяснил процесс, при котором товар весь пронизан «утопическим следом» - то есть образом или обещанием: это значит, что объект, выставленный на продажу, содержит некоторую будущность или место-вне-места, где ваше сознание снова обретет значимость, а опыт – реальность. Если продукт не разрекламирован должным образом, вы его не купите; но если продукт выполнил свое обещание, вы перестанете покупать другие продукты: зачем тратить деньги, если реализация достигнута? – и таким образом спровоцировать падение капитализма. Деньги могут свободно обращаться только в мире постоянного разочарования – воспроизводство дефицита равно производству богатства. Я богат лишь тогда, когда другие бедны, - но сами по себе деньги не знают другой конечной цели, кроме как абсолютная нищета всего, что не является рынком. Давно капитализировав все материальное бытие, власть дефицита не имеет другого выбора, кроме как превратить в товар также образ (и воображение) – на основании того, что это и есть сверхрасширение рынка. Знание должно быть приватизировано, мысль должна быть присвоена, изнасилована, отчуждена, упакована, снабжена наклейкой, прорекламирована и снова продана сознанию. Любое творчество должно иметь стоимость, и даже из самого процесса сопротивления этому присвоению должна быть извлечена выгода. («Стань бунтарем – купи Тойоту!») или «Имидж – ничто, жажда – все», как рекламный девиз для какого-то гнусного прохладительного напитка). Все информационные средства, от образования до рекламы, посвящены тому, чтобы лишить образ любой связи с жизненным опытом и вновь материализовать его в виде товара. Работай, потребляй, умирай.

Туризм – это совершенная форма капитализма: потребление образа мира таким, какой он есть – лучшие товары, выставленные на продажу, включают географию (вписывание значений в ландшафт) и историографию (вписывание значений в культурный пейзаж). Но окончательный образ – это «благословение» бараки, свойственной объекту туристического осмотра. Возможный момент реализации упакован, заранее проинтерпретирован официальными экспертами, превращен в серию «видов», отрешен от органов непосредственного ощущения (осознания, вкуса, обоняния); пространство подавлено временем, расслоено, разделено, упаковано на решетке дозволенных ожиданий; становление сведено к сухой дигитализации записывающих устройств, изгнано из памяти и забальзамировано – превращено в противоположность чистого бытия. Так называемые примитивные народы могли бы сказать, что это и есть кража души, что сам смысл вступил на поле разложения, что это некий луч, исходящий из дурного глаза, или иссохшее «я», пожираемое завистью всего значимого. Проблема не в содержании туристского опыта: можно представить себе, что есть туры, основанные на идеях, которые мы считаем абсолютно верными и даже прекрасными, проблема в их оболочке, в интерпретации, в структуре «диалога», исключающего ответ, резонанс или сопротивление. Некоторые виды путешествий – кочевье, паломничество – возвращают пейзажу смысл. Другие – война, туризм – могут только отнимать его. В таких схемах разрушения взаимность достигает точки исчезновения. Даже самая тонкая пропаганда государства никогда не достигала этой крайней грани – в конце концов, она всегда вызывала оппозицию – зато туризм являет собой конец диалектики, ибо единственный жест отрицания, который он вызывает – это терроризм, который, в собственном подавленном контексте, является его «злым близнецом». Турист, соблазненный утопическим следом в его самом остром проявлении, то есть образом различия, становится молекулой загрязнения окружающей среды, несет в себе вирус тождества и груз разочарования в мир, который некогда жил сам для себя.

* * *

Роль художника при капитализме можно сравнить с ролью гида: интерпретатор опыта, потребляемого на самом элитарном уровне, он копирует обществу самые утонченные стремления и самые глубокие фобии; при этом даже гид может быть искренним. Но такое сравнение может и возмутить – поскольку намерение художника состоит в том, чтобы вносить смыслы в общий итог переживания, а не вычитать и абстрагировать его. Искусство жеста не предполагает ответный жест, присутствие. Это движение прерывается, по сути, нечеловеческим вмешательством капитала, вмешательством силы, которая способна расти, только создавая дефицит и разделяя. Что, если бы всех художников, поэтов, ученых и музыкантов Ирландии пригласили для того, чтобы они пересоздали новый Центр Интерпретации по собственному образу? Кого заботит, какая возвышенная эстетика претендует на триумф интерпретации, если результат – это всегда подавление нашего собственного творческого начала? На Яве я слышал, что «каждый должен быть художником» - и в самом деле, каждый уже и есть художник в том смысле, что весь переживаемый опыт – это сотворчество «я» и других, производство и одновременно игра и, что самое главное – производство смысла. Нам нужно, чтобы художник не жил за нас, а просто был нашим помощником, нашим спутником, входил в наш круг взаимности – а что до искусства, то если оно способно каким-то образом избежать поглощения миром, мы видим в нем лишь форму оппозиции Единому Большому миру Единого спектакля. Такое искусство отказывается быть частью Великой объединенной теории о конце физике и истории, минимальной заработной платы или чего-то подобного. В нем нет ничего «виртуального», и оно не стремится к состоянию «исчезновения», то есть попросту к поражению. Я полагаю, что современное искусство как сопротивление стремится к состоянию незримости. То, что реально, но незримо – это сила оккультного, воображения, эротика – подобно маске привидения, которую оставил Шон у колодца Святого Патрика; оно возвращает смысл пейзажу – оно остается незамеченным, пока кто-нибудь, может быть, не возьмет его как дар – самим своим существованием оно бросает вызов миру превращенных в товар образов и меняет

(пусть только слегка) форму общепринятой реальности. Даже в самых своих тайных и скрытых проявлениях оно производит магнетическое воздействие, вызывает едва заметные изменения и колебания – и, по крайней мере, теоретически, занимается не разговорами о мире, а его преобразованием. Может быть, в этом акте присутствует скрытая авторитарность? Нет, если это обмен смыслами, прорыв в мар «тонких материй». А что, если оно станет совсем невидимым? Тогда, возможно, мы могли бы говорить о присутствии духов, о необходимости нового колдовства, слишком тонкого для имперской тяжести зрения, и о неизбежной потаенности. А если бы оно вновь появилось где-нибудь как чистая оппозиция бездыханной виртуальности мира, всегда отложенная, всегда отдаленная, всегда роковая?

Мы возвращались в Дублин длинным летним вечером, мимо мегалитических построек, мимо туристических лагерей, мимо крошащихся беседок и зиккуратов безумных лордов XVIII века – мимо больницы Святого Патрика, которую декан Свифт завещал «безумцам Ирландии», – мимо мест, которые, может быть еще не поглотил новый мир евроденег, гольфа, национального наследия. Перед самым закатом мы оказались в Дан Лири, близ башни Мартелло, где любовались тяжелым, тоскливым видом океана под серыми тучами. Палисадники низеньких викторианских приморских вилл украшены одним из моих любимых ирландских растений, таинственными и довольно обтрепанными пальмами, которые напоминают мне о далеком мавританском прошлом, о корсарах-варварах, о монахах и Египта и Испании. Однажды в Ирландии нашли кельтский крест с арабской подписью «Бисмилла» – начальной фразой Корана. Эти пальмы, вероятно, привез сюда какой-нибудь садовод рубежа столетий, влюбленный в экзотику, но для меня они символизируют «скрытую африканскую душу». Начинается теплый темный дождь. Или, по крайней мере, такова моя интерпретация.

Дублин

23 августа 1996

Хаким-Бей. Хаос и анархия. – Москва: Гилея, 2002

Инволюция

До сих пор мы рассматривали иммедиатизм как эстетическое движение, а не политическое, но если «личное есть политика», то, конечно же, эстетика — тоже и даже в большей степени. Невозможно сказать, что «искусство для искусства» вообще существует, если не подразумевать при этом, что само искусство действует как политическая сила, то есть сила, способная выражать или даже изменять мир, а не просто описывать его.

Собственно, искусство всегда стремится к этому, и неважно, как относится к этому художник, не осознает этого и верит в чистую эстетику или же осознает настолько хорошо, что не производит ничего кроме агитпропа. Сознание само по себе, как отмечал Ницше, играет в жизни гораздо меньшую роль, чем сила. И трудно найти этому более убедительное доказательство, чем постоянное существование «мира искусства» (Сохо, 57-я стрит и т.п.), который по-прежнему верит, что политическое искусство и эстетическое искусство — это разные миры. Такая «несознательность» позволяет этому миру роскошь создавать произведения как с открытым политическим содержанием (для удовлетворения своих либеральных потребителей), так и без подобного содержания — что просто отражает власть буржуазной верхушки и банкиров, которые покупают такое «искусство» как вложение капитала.

Если бы искусство не обладало это силой и не укрепляло ее, оно бы просто не имело права на существование, и никто бы им не занимался, Искусство для искусства в буквальном смысле слова ничего бы не производило, кроме бессилия и ничтожества. Даже декаденты fin-de-siecle, которые придумали «искусство для искусства», пользовались им в политических целях — как оружием против буржуазных ценностей «полезности», «нравственности» и т.п. Идея, что искусство может быть свободно от политического смысла, сегодня по душе только тем либеральным кретинам, которые оправдывают «порнографию» или другие запретные эстетические игры, исходя из того, что «это только искусство» и, следовательно, ничего не может изменить. (Я ненавижу этих жоп еще сильнее, чем Джесса Хелмса: этот, по крайней мере, признает, что искусство обладает силой!).

Даже если на сегодняшний день признать за искусством без политического содержания право на существование (хотя это все же весьма проблематично), то политический смысл искусства можно найти в способах его производства и потребления. Искусство 57-й стрит остается буржуазным, каким бы радикальным ни казалось его содержание, как это показал Уорхолл, изобразив Че Гевару; собственно, Валери Соланис выказала гораздо большую радикальность, чем Уорхолл, когда стреляла в него (и, может быть, даже большую, чем Че — этот Рудольфо Валентино красного фашизма).

Не то чтобы нас очень уж беспокоило содержание искусства иммедиатизма. Иммедиатизм остается для нас скорее игрой, чем «движением»; а в таком качестве игра может вылиться в брехтовский дидактизм или в поэтический терроризм, а может и вовсе не нести в себе никакого содержания (как, например, банкет) или такое, которое не несет в себе политического подтекста (например, пуховое одеяло). Радикальность иммедиатизма выражается скорее в способе производства и потребления.

То есть произведение создается группой друзей или для внутреннего пользования, или для расширенного круга

друзей; оно создается не для продажи и не продается, а также (в идеале) ему не позволяется никаким образом выскользнуть из-под контроля производителей. Если оно предназначено для потребления вне узкого круга, значит, оно должно быть создано таким образом, чтобы остаться неуязвимым для кооптации и превращения в товар. Например, если одно из наших одеял ускользнет от нас и будет продано как произведение искусства какому-нибудь капиталисту или музею, мы сочтем это несчастьем. Одеяла должны оставаться в наших руках или раздаваться тем, кто их оценит и сохранит. Что до нашего агитпропа, он должен избежать превращения в товар благодаря самой своей форме: мы не хотим, чтобы через двадцать лет наши плакаты продавались как произведения искусства, как это было с Маяковским (или, если на то пошло, с Брехтом). Лучший агитпроп имедиатизма вообще не оставит следа нигде, кроме как в душах тех, кому он помог измениться.

Следует повторить, что участие в имедиатизме не мешает тому, чтобы индивидуумы, входящие в группу, производили и потребляли произведения искусства иными способами. Мы не идеологи, а это не Джонстаун. У нас игра, а не движение. У нее есть свои правила, но не законы. Для имедиатизма было бы прекрасно, если бы все были художниками, но наша цель — вовсе не массовое обращение. Прелесть игры в том, что она способна избежать парадоксов и противоречий мира коммерческого искусства (включая литературу и т.п.), в котором все свободные жесты, похоже, превращаются в простую демонстрацию и, следовательно, сами себя предают. Мы предлагаем возможность существования искусства, непосредственность которого определяется тем, что его существование возможно только в нашем присутствии. Некоторые из нас могут продолжать писать романы и картины, либо чтобы «зарабатывать на жизнь», либо чтобы найти способы избавить эти формы от выхолащивания. Но имедиатизм обходит эти проблемы. Поэтому он явление «привилегированное», как все игры.

Но мы не можем только по этой причине назвать его инволюционным, обращенным только к себе, закрытым герметичным, элитистским, искусством для искусства. В имедиатизме произведение искусства создается и потребляется особым способом, и этот *modus operandi* — уже политика в весьма специфическом смысле. Однако чтобы понять этот смысл, нужно более подробно рассмотреть понятие «инволюция».

Уже общим местом стало то, что общество больше не выражает консенсуса (реакционного или либерального), а скорее ложный консенсус навязывается обществу: назовем этот консенсус «тотальностью». Тотальность создается благодаря опосредованности и отчуждению, которые пытаются подчинить или поглотить всю творческую энергию и направить ее на службу тотальности. Маяковский покончил с собой, когда понял это; может быть, мы сделаны из более прочного вещества, а может быть, и нет. Но в качестве аргумента примем то, что самоубийство не выход.

Тотальность изолирует индивидуумов и лишает их силы, предлагая только иллюзорные способы социального выражения, такие, которые, кажется, сулят освобождение или самореализацию, но на самом деле приводят только к еще большей опосредованности и отчуждению. Этот комплекс ясно виден на уровне «товарного фетишизма», когда самые бунтарские и авангардистские формы искусства могут быть превращены в корм для телепередач или рекламы джинсов и парфюмерии.

На более тонком уровне, однако, тотальность может поглощать и направлять в свое русло любые силы, попросту ставя их в иной контекст, где они воспроизводят сами себя. Например, освободительная сила картины может быть нейтрализована или вообще поглощена очень простым способом: достаточно поставить ее в контекст картинной галереи или музея, где она автоматически станет простым воспроизведением освободительной силы. Бунтарский поступок безумца или преступника отрицается не только тем, что бунтаря запирают: есть много контекстов, где такой жест становится лишь воспроизведением — психиатр, или какое-нибудь безмозглое полицейское шоу на пятом канале, или просто лежащая на журнальном столике книжка про Art Brut. Однако тотальность может зайти еще дальше, попросту симулируя то, от чего прежде стремилась избавиться. То есть художник и безумец уже не нужны даже как первоисточник для присвоения, или «технической воспроизводимости», как называл это Беньямин. Симуляция не может воспроизвести и слабого отражения «ауры», которую Беньямин признавал даже за дрянным товаром, этого «утопического следа». Симуляция вообще не может чего-либо произвести или воспроизвести, кроме запустения и убожества. Но поскольку Тотальность процветает за счет нашего убожества, симуляция вполне ее устраивает.

Все эти эффекты наиболее грубо и зримо прослеживаются в области, которую обычно называют «средствами массовой коммуникации» (хотя мы утверждаем, что опосредованность имеет гораздо более широкие границы, чем несет в себе даже сам термин «широковещание»). Роль средств массовой коммуникации в последней нинтендо-войне — собственно, идентификация каждого с этой войной, ставшая возможной благодаря им — представляет собой очень показательный пример. По всей Америке миллионы людей были достаточно «просвещены», чтобы, по меньшей мере, осудить эту омерзительную пародию на мораль, навязанную двуличным убийцей и шпионом из Белого дома. Средства массовой коммуникации, тем не менее, создали (то есть симулировали) иллюзию, будто у войны, развязанной Бушем, фактически нет и не может быть оппозиции, что (цитируя Буша) «движения за мир не существует». Собственно, движения и не было — были только миллионы людей, чье стремление к миру, отрицаемое тотальностью, было стерто, исчезло, как жертвы перуанских «батальонов смерти»; были разрозненные люди, отчужденные телевидением, ньюсмейкерами, информацией, превращенной в фарс, и просто дезинформацией; люди, которых заставили чувствовать себя отчужденными,

странными, чудными, неправыми, наконец, несуществующими, люди без голоса, люди без силы.

Этот процесс раздробления в нашем обществе принял почти универсальный характер, по крайней мере, в области социального дискурса. Каждый человек вступает в «отношения инволюции» с симуляцией, которую показывают ему средства коммуникации. То есть наши отношения со СМИ по сути своей пусты и иллюзорны, так что даже когда нам кажется, что мы протягиваем руку и прикасаемся к реальности в СМИ, нас на самом деле попросту загоняют в себя, делают отчужденными, изолированными и бессильными. Америка под завязку полна людьми, которые чувствуют: что бы они ни сказали или ни сделали, ничего не изменится, потому что никто не слушает — слушать некому. Это ощущение — триумф средств массовой информации. Они говорят, вы слушаете и таким образом замыкаетесь в себе в спирали одиночества, депрессии и духовной смерти.

Этот процесс затрагивает не только отдельных людей, но и группы, до сих пор существующие вне матрицы консенсуса, то есть нуклеарной семьи, школы, церкви, работы, армии, политической партии и т.п. Любую группу художников, активистов движения за мир или кого-либо еще также вынуждают чувствовать, что общение с другими группами невозможно. Любая группа, объединенная «стилем жизни», покупает симуляцию вражды и соперничества с другими такими же группами потребителей. Любой класс и любой народ убеждают в непреодолимой экзистенциальной отчужденности от всех других классов и народов (как Стиль жизни богатых и знаменитых).

Концепция создания «сетей» возникла как революционная стратегия для обхода и преодоления тотальности с помощью установления горизонтальных связей (без посредничества со стороны какой-либо власти) между отдельными людьми и группами. В 1980-е мы обнаружили, что создание сети тоже может и даже должно быть опосредовано — с помощью телефона, компьютера, почты и т.п. — и поэтому обречено на неудачу в нашей борьбе против отчуждения. Техника коммуникации может еще дать полезные орудия в этой борьбе, но теперь уже стало ясно, что сама по себе она не является целью. И на самом деле наше недоверие к якобы «демократической» технике, такой как персональные компьютеры и телефоны, растет с каждым провалом революционной попытки захватить контроль над средствами производства. Откровенно говоря, мы не желаем то и дело решать, пойдет ли новое техническое изобретение на пользу освобождению или нет. «После революции» ответы на такие вопросы придут сами в контексте «политики желаний». На сегодняшний день, однако, мы открыли (а не изобрели) иммедиатизм как способ генерировать и демонстрировать творческую, освободительную и игровую энергию, не прибегая к опосредованию с помощью любых механических или отчужденных структур... или, по крайней мере, мы надеемся, что это так.

Иными словами, независимо от того, можно ли использовать данную технологию или форму опосредования для преодоления тотальности, мы решили играть в игру, где такая техника не применяется, и поэтому не возникает подобного вопроса — по крайней мере, в рамках игры. Свой вызов, свой вопрос мы бросим тотальности, не размениваясь на отдельные «пункты», с помощью которых она стремится отвлечь нас.

И это возвращает нас к «политической форме» иммедиатизма. Лицом к лицу, телом к телу, дыханием к дыханию — в игру иммедиатизма просто невозможно играть на уровне, доступном для ложного консенсуса. Он не воспроизводит повседневную жизнь — он просто не может быть ничем иным, кроме повседневной жизни, хотя ставит своей задачей проникновение в чудо, освещение реальности светом чудесного. Как и тайные общества, он должен создавать свои сети медленно (бесконечно медленнее, чем «чистая скорость» коммуникационных технологий, СМИ и войны) и быть телесным, а не абстрактным, бесплотным, опосредованным машиной, авторитетом или симуляцией.

В этом смысле мы и говорим, что иммедиатизм — это пикник (жизнь сообщая), но трудный: он наиболее естествен для свободного духа, но опасен. Содержание здесь ни при чем. Само существование иммедиатизма — уже бунт.

Хахим-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Ислам и евгеника

"Окрась твой молебельный коврик вином..."

Хафиз

В персидской алхимии высшие стадии трансмутации называются черный свет (нур-и сиях) и зеленое/золото. Одни ставят выше первую, другие - вторую, но обе могут рассматриваться как манифестации друг друга. Черный свет есть ничто, но в тоже время это абсолютный свет, темная сторона бога, Хаос и Древняя Ночь, черное солнце полуночи, присутствие отсутствия, проявляющееся в виде света. Зеленое/золото (цвета Пророка и философского камня, изумруда египетского герметизма) представляют другую половину теогонии Гесиода, Эрос и Гею-Страсть, зелень живого мира. Как сказано в хадисе, "три вещи в этом мире достойны внимания - вода, зелень и красивое лицо". Суфии считали, что черный свет - это прекрасное пятнышко, веснушка или родинка, на этом красивом лице. Черный, прекрасный. Знамена революционного и эзотерического Ислама -

черного и зеленого цветов. Есть и другая гамма - красный и зеленый, ибо известны таинственные слова Пророка: "Я пришел за черным и красным". Удивительно, ведь это цвета богини - на память сразу приходит обвинение византийцами мусульман в поклонении "голове Афродиты". Кроме того, это цвета анархо-синдикализма. Разумеется, это всего лишь совпадение.

Религия меча

В модели Хантингтона/ЦРУ "Столкновении цивилизаций" Ислам представлен своего рода болезнью, которую необходимо изолировать и сдерживать. Неолиберальная модель "Глобального рынка" рассматривает Восток как источник сырья (например, черного золота) и дешевой рабочей силы, которую нужно эксплуатировать. Природные ресурсы следует забрать, рабочую силу - оставить. Естественно, что мусульманская иммиграция "на Север" не слишком вписывается в эти планы. Если Ислам - "болезнь", то "беженцы" - вирус, проникающий сквозь иммунную систему границ. Следуя логике Рынка, потрясений не избежать. Старый ответ либералов на проблему иммиграции состоял в попытке сделать иммигрантов европейцами и американцами, уничтожив различия ради схождения. Новый либеральный ответ в большей степени полагается на откровенно репрессивные меры - изоляцию в "санитарных зонах", стремительное увеличение числа пограничных патрулей, иммиграционную полицию и слежку.

Обойдемся без либерально-гуманитарных пошлостей в духе неправительственных организаций о тяжелой участи беженцев (может, нам стоит выдать всем иммигрантам по компьютеру, чтобы они вышли во всемирную сеть?). Интереснее признать, что иммиграция - это серьезная проблема, а Ислам действительно представляет угрозу для Глобальной культуры. Порожденная глобализацией иммиграция злоупотребляет гостеприимством хозяев, которые вынуждены разбираться со своими местными кризисами сокращения рабочих мест и приватизацией. Сами иммигранты отправляются на Север, привлеченные блеском "Макдональдса" и "Диснейлэнда" или бегут от экономической и политической разрухи в своей стране, которую, кстати, спровоцировал хищнический Глобальный капитализм. Так или иначе, после встречи со "свободой" в "свободном мире" их ждет горькое разочарование. Воспоминания о родине и гармоничном обществе, уничтоженном нищетой и коррупцией, скоро покажутся утопией перед лицом новой нищеты Севера, его расизма и отчуждения.

На примитивном уровне эта ностальгия соблазняет прислушаться к фундаменталистской риторике. Но надо учитывать, что Ислам подразумевает значительно более глубокую и сложную критику современного мира, чем та, которую предлагают "исламисты". Здесь есть целый ряд направлений. Мы приведем несколько примеров, не давая оценок: воинствующий антиколониалистский суфизм Эмира Абдель-Кадера, Ливийский Орден Сануссийя; необычный анархо-суфизм Зеленой Книги полковника Каддафи (Каддафи восстал против суфийского короля, но сам был воспитан как суфий); шиитский социализм мученика Али Шариати; идея Махди или спасителя, как коллективной сущности; концепция социальной справедливости, запрет на ростовщичество (делающий невозможным Глобальный капитализм), героический Орден Накшбандий, веками оказывающий сопротивление империализму. Если заглянуть в глубь веков, мы увидим персидских и сирийских Низари, ассасинов, которые, провозгласив День Воскресения, во имя эзотерического преображения освободили ряд замков - и т.д. и т.п. Так мы дойдем до самого Пророка: профессионального революционера, вождя партизан, вернувшегося из ссылки для создания эгалитарного иконоборческого мистико-военного режима в Мекке. Список можно продолжать.

Зеленая мысль в зеленой тени

Хидр - "носящий зеленое", тайный Пророк, трикстер, властелин сновидений тех, кто ищет, не нуждаясь в ином властелине. Он пил живую воду в Гиперборее и обрел бессмертие. Он приносит воду заблудившимся в пустыне путникам. Он носит зеленые одежды. Незнакомец на любом собрании может оказаться им. Согласно одной из версий, Хидр - водяной дух, подобный "верующим джиннам". Его следы зарастают цветами и травами. Он святой покровитель суфийских эко-воинов - во имя его нужно создать Орден Хидрийя. Он будет воинственнее Greenpeace или Earth First! и встанет не только на защиту экологического сельского хозяйства, но и сакральной дикой природы.

Моя история

Мавританская Ортодоксальная Церковь (МОЦ) является признанным ответвлением Мавританского Храма Науки (МХН), созданного в 1913г. в Ньюарке (Нью Джерси) Благородным Тимоти Дрю Али, чернокожим, которого приняло племя Чероки. Он путешествовал по Египету, выступая фокусником в цирке, и получил посвящение в Большой пирамиде. Его Коран Седьмого Круга основан на теософическом христианстве и аутентичных народных исламских традициях, сохранившихся в Америке со времен рабства. Мавританская Наука пользовалась большим успехом, особенно в Чикаго, где Благородный Дрю Али был убит полицией в 1929 г. У Дрю были расистские теории, но он был анти-расистом. МХН считает кельтов азиатской расой (что в

определенном смысле верно), а персов - мусульманами-индоевропейцами (это соответствует действительности). Поэтому МХН выдавал белым паспорта кельтов и персов. В последствие от Храма откололись различные общины, в том числе и МОЦ, которая была основана в 1964 году.

В 60-е годы МОЦ являлась межрасовой, межконфессиональной организацией, интересовавшейся психоделиками. Курение гашиша было объявлено таинством. В Милльбруке существовало отделение Церкви, расположившееся в поместье миллионера. Там приютились Тим Лири, Шри Рам Ашрам, Нео-Американская церковь и другие общины. Эдакий "церемониальный энтеогенизм". Некоторое время о МОЦ не было слышно, но в 1986 году Церковь проявилась по случаю столетия со дня рождения Благородного Дрю Али. Сегодня МОЦ в значительной степени является сетью общения широкого круга друзей и союзников. Периодически выходят номера "Вестника Мавританской Науки", существует сайт The Moorish Observatory и ряд других идеологически связанных Интернет-страниц.

Один из тезисов Церкви гласит, что различия хороши, ибо помогают практиковать терпимость, общение, уживчивость и обмен подарками. "Любовь, Истина, Мир, Свобода и Справедливость".

Война с различиями

В XIX-XX веках жертвами евгеники в Америке оказался ряд социальных групп с исламскими корнями. Обычно к ним относили тех, кого считали помесью беглых черных рабов, индейцев и вероотступников из числа белых крепостных (обычно ирландцев). Поэтому их называли "изгоями трех рас". Некоторые из этих групп были основаны - по крайней мере, частично - беглыми рабами-мусульманами. Полукровки-мелунгеоны происходят от мавританских "новообращенных", которых испанцы завезли рабами во Флориду и там оставили. Делаварские мавры, турки из Луизианы и племя Бен Исмаэль в Огайо - у всех них исламские корни.

Кельты в этих группах происходят не от рабов времен Кромвеля. Согласно мифам и легендам индейских племен побережья Новой Англии, они появились намного раньше. Ирландские монахи и поселенцы достигли острова Тортуга раньше викингов, обойдясь значительно меньшей кровью (вспомним о легендарном путешествии Святого Брендана). Африканцы, несомненно, тоже достигли этих земель раньше Колумба. Изучая неписаную историю "изгоев трех рас", нельзя забывать о многочисленных мирных торговых путешествиях до воинственного вторжения европейского империализма, о поселениях в Винланде и уэльских индейцах (народное предание, получившее неожиданное археологическое подтверждение).

В 1970-е годы под влиянием Движения Американских Индейцев (American Indian Movement (AIM)) эти социальные группы сбросили гнет евгеники. Они осознали себя племенами, "нациями" со своей идентичностью и историей. Мавританская Ортодоксальная Церковь считает эти группы настоящими американцами. Их культуры объединяют нашу реальную неписаную историю с "забытым" наследием коренных американцев, африканцев, "белого отребья", white trash, на основе трайбализма, расовой терпимости и эмпирических свобод. Нас не может не вдохновлять древнейшее участие исламских идеи в нашем наследии.

Тюльпаномания

В Восточной Европе повсюду видны следы былого османского присутствия - заброшенные, закрытые и разрушающиеся хаммамы, мечети, киоски и т.п. Брошенное наследие. Возможно ли, забыв древнюю вражду между "христианами и неверными", воспринимать эти руины лишь с эстетической точки зрения, просто смотреть на них и любоваться? Почему бы и нет.

Созерцание воскресит воспоминания о целом ряде "хороших вещей", существовавших в Османской империи - садах, тюльпанах, каллиграфии, суфийских оркестрах, поэтической утонченности, чувственности, гашише. В каком то смысле это - чистой воды "ориентализм", симпатия к восточной экзотике, но чему удивляться - у Востока есть своя романтика. Что плохого в том, что я перечислил?

Размышляя об останках османского мира, стоит задуматься о турецкой системе управления. Племя Османов управляло из Стамбула огромной империей, вело торговлю на территории не меньшей, чем Римская империя. Меньше всего они хотели, чтобы вековая вражда мешала обороту их золотых византийцев. По милетской системе каждое религиозное меньшинство имело юридическую автономию (хотя ислам обладал исключительными правами). Византийский патриарх и по сей день находится в Стамбуле. Османскую империю интересовали налоги, а не идеология и расовые предрассудки. Младотурки восстали против османов, чтобы выместить старую ненависть к грекам и армянам, которые долгое время находились под защитой империи. Допустим, османы были чудовищами, но что мы скажем о них ,прожив век коммунизма и десятилетие Глобального капитализма?

Иншалла, когда-нибудь Сараево возродится как уникальный союз европейских мусульман и христиан (я говорю об общинах в широком смысле, а не о вероисповеданиях), созданный на основе взаимной терпимости и созидания, как процветающий город-государство с исламским наследием. Это будет фантастический прилив сил, приток энергии прошлого, которое, наконец, станет нашим. Это будет больше, чем пустое оправдание старых османов, исламских халифов и изобретателей фесок.

Джихад

"Ислам" в Европе и Америке? Почему бы нет? Почему не порадоваться этому? Независимые анклав в Берлине, Париже, Лондоне, связанные идеями анархо-федерализма с другими автономными зонами, сквотами, социальными центрами, эко-фермами, свободными сельскими муниципалитетами и прочими антикапиталистическими и нон-гегемоническими образованиями. Революционное разнообразие против Молоха, Мамоны и культуры глобальной одинаковости. Почему не внедрить в так называемую западную культуру вирус критики, направленной против тирании образа - иконоборческое дыхание пустыни? Реакционный фундаментализм давно предал сам себя и перестал быть революционной силой. Так не пора ли найти что-то другое, "дух Сараево", например, или замки ассасинов...

Нью-Йорк

16 августа 1997 г.

Перевод с английского: АБ

Редакция: ИП

Текст заимствован с сайта <http://resist.gothic.ru>

Ласко

В любой культуре (по крайней мере, в любой крупной городской/ сельскохозяйственной культуре) есть два мифа, которые явно противоречат друг другу: миф об упадке и миф о прогрессе. Рене Генон и неотрадиционалисты предпочитают думать, что ни одна древняя культура не верила в прогресс; на самом же деле верили все.

Одна из версий об упадке в индоевропейской культуре сосредоточена вокруг образа металла: золото, серебро, бронза, медь, железо. Но как же тогда миф, где Кроноса и титанов уничтожают, чтобы освободить место для Зевса и олимпийских богов? Эта история — параллель мифам о Мардуке и Тиамат, о Левиафане и Яхве. В этих мифах о «прогрессе» древний хтонический хаотический земной или водный «женский» пантеон заменяется (свергается) более поздним, одухотворенным, упорядоченным, небесным «мужским». Разве это не шаг вперед во времени? И разве буддизм, христианство и ислам не претендовали на то, что они «лучше» язычества?

На самом деле, конечно, оба мифа — как об упадке, так и о прогрессе — служат на благо контроля и общества контроля. В обоих признается, что до нынешнего положения дел существовало нечто другое, другая форма общества. В обоих случаях мы наблюдаем как бы «родовую память», образ палеолита, великой, долгой неизменной предистории человечества. В одном случае эта эра видится отвратительно грубым гигантским беспорядком; XVIII век не открыл этой точки зрения, а нашел в готовом виде в классической и христианской культуре. Во втором случае первобытное рассматривается как бесценное, наивное, более счастливое и более простое время, чем современность, более ноуменальное, чем современность — но бесследно исчезнувшее, так что вернуть его в этой жизни невозможно.

Таким образом, всем верным и рьяным приверженцам порядка порядок представляется неизмеримо более совершенным, чем какой-либо первозданный хаос, в то время как недовольным потенциальным врагам порядка порядок видится жестоким и гнетущим («железным»), но абсолютно и фатально неизбежным — собственно говоря, всесильным.

И ни в том, ни в другом случае мифопоэты «порядка» не признают, что «хаос» или «золотой век» может существовать и в настоящем и, тем более, что они существуют в настоящем, здесь и сейчас — как факт, но подавлены иллюзорной тотальностью общества порядка. Мы, однако, верим, что «палеолит» (который является мифом не в большей и не в меньшей степени, чем «хаос» или «золотой век») существует и в наше время — как нечто бессознательное внутри социального. Мы также считаем, что когда закончится индустриальная революция, а вместе с ней и последняя неолитическая «сельскохозяйственная революция», а заодно окончательно придут в упадок последние религии порядка, этот лежащий под спудом «материал» снова будет открыт. Что же еще мы можем иметь в виду, говоря о «духовном номадизме» или «исчезновении социальности»?

Конец Нового времени означает не возвращение к палеолиту, а возвращение самого палеолита.

Постклассическая (или постакадемическая) антропология подготовила нас к этому возвращению подспудного, ибо только совсем недавно мы научились понимать общества охотников и собирателей и симпатизировать им. Пещеры ласкаров были заново открыты именно в тот момент, когда пришла необходимость их заново открыть, потому что ни древние римляне, ни средневековые христиане, ни рационалисты XVIII века не обнаружили бы в них ни красоты, ни значимости. В этих пещерах (символах археологического сознания) мы увидели художников, которые их создали, мы открыли в них своих предков, а заодно и себя самих, живых и настоящих.

Пол Гудмен однажды назвал анархизм неолитическим консерватизмом. Остроумно, но уже неточно. Анархизм

(или, по крайней мере, онтологический анархизм) уже не питает симпатии к крестьянским сельскохозяйственным обществам, предпочитая неавторитарные общественные структуры и предшествующую прибавочной стоимости экономику охотников и собирателей. Более того, мы не можем назвать свою симпатию консервативной. «Радикальная» будет более подходящим термином, поскольку мы нашли свои корни в древнем каменном веке, который представляется нам как некое вечное настоящее. Мы не желаем возвращаться к материальной технологии прошлого (то есть у нас нет желания с помощью Бомбы отбросить себя в каменный век); но предпочитаем вернуться к духовной технике; которой некогда обладали, но забыли об этом.

То, что мы находим красоту в ласкарах, говорит о том, что Вавилон наконец начал рушиться. Анархизм, пожалуй, скорее симптом, чем причина этого начала конца. Несмотря на свое утопическое воображение, мы не знаем, чего ожидать. Но мы, по крайней мере, подготовлены к путешествию в неизвестное. Для нас это приключение, а не конец света. Мы приветствуем возвращение хаоса, потому что вместе с опасностью приходит наконец возможность творчества.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Критика слушателя

Слишком много говорить и оставаться неслышанным достаточно противно. Но приобрести слушателей — что может быть хуже? Слушатели думают, что слушать достаточно — как будто их истинное желание: слышать чужими ушами, видеть чужими глазами, осязая чужой кожей...

Текст (или трансляция), который изменит реальность: Рембо мечтал об этом, но потом с отвращением отказался от своей мечты. Но его идея магии была слишком утонченной. Грубая истина, возможно, состоит в том, что тексты могут изменять реальность, только когда они вдохновляют читателей видеть и действовать, а не просто видеть. Священное Писание некогда сделало это — но оно стало идолом. Видеть его глазами означает (в понимании вуду) обладать статуей — или трупом.

Видение, или литература видения — это слишком просто. «Суфием быть просто, — сказал мне однажды персидский шейх. — Трудно быть человеком». Политическое просвещение даже проще, чем просвещение духовное — ни то, ни другое не меняет мира и даже человека. Суфизм и ситуационизм — или шаманизм и анархия — теории, с которыми я играл — не что иное, как теории, угол зрения, способы видеть. Что важно, практика суфизма состоит в повторении слов (дикр). Это действие само по себе текст, ничего, кроме текста. А практика анархо-ситуационизма сводится к тому же самому: к тексту, лозунгу на стене. Момент просвещения. Да, это не совсем бессмысленно, но что от этого изменится?

Мы бы хотели очистить наше радио от всего, что не имеет хотя бы слабого шанса спровоцировать изменения. Так же, как существуют книги, спровоцировавшие умопомрачительные преступления, мы бы хотели передавать тексты, которые заставили бы слушателей ухватить (или хотя бы протянуть руку, чтобы ухватить) счастье, в котором отказал нам Бог. Подстрекательства к похищению реальности. Но еще больше мы хотим очистить свою жизнь от всего, что препятствует нам или удерживает нас от выступления: не продавать оружие и рабов Абиссинии, не становиться полицейскими или ворами, не убегать от мира или править им — а раскрыться для изменения.

Я разделяю с самыми реакционными моралистами убеждение в том, что искусство в самом деле может таким образом действовать на реальность, и презираю либералов, которые утверждают, что всякое искусство должно быть разрешено, потому что, в конце концов, это всего лишь искусство. Поэтому я и занялся теми разновидностями литературы и радиопередач, которые больше всего ненавидят консерваторы — порнографией и агитпропом, — в надежде устроить неприятности своим читателям/слушателям — и себе самому. Но я обвиняю себя в неэффективности, даже безнадежности своих действий. Наверное, ничего не изменилось.

Просвещение — все, что у нас есть, но даже его мы должны были вырвать из рук продажных гуру и бубнящих интеллектуалов-самоубийц. Что до нашего искусства, то чего мы добились, кроме того, что проливали кровь во имя призрачного мира модных идей и образов?

Письмо привело нас к тем пределам, за которыми письмо уже невозможно. Любой текст, который может выжить, перепрыгнув эту границу — что бы за ней ни лежало, бездна или Абиссиния — должно быть виртуально самосотворенным, как волшебные скрытые сокровища — свитки Дакини в Тибете или духовные тексты-головастики даосизма — и абсолютно непрозрачными, как последние пророчества, выкрикнутые ведьмой или еретиком на костре. Я так и чувствую, как эти тексты трепещут за самой завесой.

Что если нам придет в голову фантазия отрицать и явную объективность искусства, и явную субъективность теории? Рискнуть прыгнуть в бездну? Что если никто за нами не последует? Может быть, оно и к лучшему — мы можем найти равных себе среди гиперборейцев. Что если мы сойдем с ума? Что ж — в этом и есть риск. Что если нам будет скучно? А-а...

Уже было время, когда мы сделали все свои ставки на проникновение чудесного в повседневную жизнь — некоторые из них выиграли, а потом проигрались в пух. Суфизм действительно был намного проще. Что же теперь, все заложить, до последней несчастной каракули? Удвоить ставки? Жулничать?

Как будто в соседней комнате, за толстыми стенами — ангелы: что они делают? Спорят? Трахаются? Не разберешь ни слова.

Можем ли мы опомниться сейчас, когда уже слишком поздно, и стать открывателями тайных сокровищ? И как это делать, если мы видим, что это как раз та самая техника, которая нас подвела? Расстройство всех чувств, бунт, благочестие, поэзия? Знание, как — это трюк дешевого хвастуна. Знание, что — может творить их nihilio. Однако, в конце концов, необходимо будет покинуть этот город, который неподвижно завис на краю стерильных сумерек, словно Гаммельн, из которого увели всех детей. Возможно, есть и другие города, занимающие то же пространство и время, но... другие. А может быть, есть и джунгли, где просвещение затмевает черное свечение ягуаров. Я не знаю — и я боюсь.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Миллениум

1. Джихад

Когда двое садятся вместе за стол, или встают к барьеру, появляется третий — тот третий, который лишний: нахлебник, свидетель, пророк, беглец. (См. М. Серр, «Гермес».)

Пять лет назад было еще возможно занимать в этом мире третью позицию — ни «за», ни «против», по неприятию или по расчету, царство вне диалектики — пожалуй, даже место отшельничества; — исчезновение как проявленная воля к власти.

Но теперь есть лишь один мир — торжествующий «конец Истории», конец невыносимой боли, которая зовется воображением, а на самом деле — апофеоз кибернетического социального дарвинизма. Деньги объявляют себя законом природы и требуют абсолютной свободы. Полностью переместившись в сферу духа, освободившись от изношенной оболочки тела-производства, обращаясь, в бесконечности и безвременьи, по гностической нумисфере высоко над землей, отныне только деньги будут определять сознание.

20-й век завершился пять лет назад; это миллениум. Там, где нет второго, нет противостояния, там не может быть и третьего, не может быть «ни да, ни нет». Поэтому остается выбор: — либо мы признаем себя «последними из людей», либо мы признаем себя оппозицией. (Либо автономия — либо автономия.) Все позиции отказа должны быть пересмотрены с новой точки зрения, основанной на новых стратегических требованиях. Можно сказать, что нас загнали в угол. Идеолог прошлого определил бы ситуацию как «объективно предреволюционную», в очередной раз. Вслед за временной автономной зоной, вслед за восстанием, вновь видна необходимая революция — виден «джихад».

2. Одинаковость

Деньги 21-го века — это хаос, в то время как идеология века 20-го — не более, чем энтропия. И буржуазная, и антибуржуазная мысль предсказывала единый мир — мир сознания, объединенного наукой — но лишь деньги на самом деле создадут этот мир. Деньги не движутся в кочевом цикле, ибо кочевник перемещается с места на место, в то время как деньги перемещаются по времени, уничтожая пространство. Деньги — не ризом, но хаос, явление безразмерности, неорганическое, но способное к размножению [бесконечным регрессивным делением] — сексуальность мертвого тела.

Тем самым, «капитал» следует рассматривать как «странный аттрактор». Возможно, математика таких «вышедших из-под контроля» денег уже видна в эзотерических паутинах вроде сети SWIFT — частного интернета для банков и арбитражных домов — где за день триллион долларов перемещается в киберпространстве, и меньше, чем 5% из них хоть отдаленно связаны с производством.

Единый мир допускает «хаос», но подавляет истинную сложность, сводя ее к одинаковости и к разделенности. Сознание само «включается в представление»; непосредственно переживаемый опыт, тот, что требует живого присутствия, запрещен, ибо он угрожает образованием еще одного мира, мира вне отведенных пределов. От небесного царства образов остается лишь экранная после-жизнь, гностический нуль-переход, стеклянное лишение тела. Бескрайнее одно и то же, разделенное на бесчисленные отсеки, неограниченность связей и бесконечное одиночество. Неизмеримое совпадение желаний, непреодолимое расстояние до их воплощения.

3. Управление желаниями

Единый мир не может упаковать наслаждение, но лишь образ наслаждения — зловещий герметизм, своего рода барака наоборот, Шварцшильдовский радиус, конечный пункт для желания. «Духовность наслаждения» — именно в присутствии, в том, что нельзя воспроизвести, не потеряв; — в том невыразимом, неприкосновенном, возможном только в «экономике дара», которая всегда существует (или изобретается заново) под спудом

ортодоксии и паралича взаимоотношений обмена. Мы определяем «желание» именно как стремление к этому — а не как зуд, который проходит от денежной смазки.

Радикальная теория предложила недавно модель желания, основанную на идее о том, что капитал оперирует потребностями и в состоянии их удовлетворить. Поэтому желание объявлено эгоистичным и реакционным. Однако Беньямин уже доказал, что цель капитала — вовсе не удовлетворить потребности (т.е. доставить удовольствие) — но, напротив, довести тоску до предела, используя механизм «бегства за утопическим» («метафизические авантюры товара», перефразируя Маркса). Говорить, что капитал освобождает желания, есть семантический абсурд, основанный на «неправильном переводе», — поработав желание, капитал освобождает себя. Двенадцать страстей — неподдающиеся двенадцать страстей — есть, по утверждению Фурье, единственная возможная основа Социальной Гармонии. Мы, возможно, используем другую нумерологию, но мы думаем так же. Негативному герметизму и фальшивой чувственности единого мира оппозиция противопоставляет свой собственный гнозис, диалогику присутствия, наслаждение прорыва за представленное наслаждение — своего рода точильный камень. Не цензура и не управление образами, напротив — освобождение воображения от имперского владычества образа, от его покровительственного и назойливого присутствия везде и во всем. Образ сам по себе безвкусен, как биотехническая груша или помидор — лишен запаха, как сама наша цивилизация, «безопасное общество», культура не более, чем выживания. Отчасти, наша борьба есть борьба против коммунального слуха и имперского взора, — за вкус, осязание, запах, и за видимое «третьим глазом». Желание растворилось в представлении — стало быть, его надо спасти. Требуется молчание и тайна, возможно, сокрытие образа под завесой, — в конечном счете, нужно восстановить чары запретного. Только тот эрос, что нацелен на побег из заключения в банальности образа (и здесь вряд ли важно сознательное устремление), не противоречит эстетике джихада; не имеет, кажется, никакого значения, проявляется ли он через привычные или нетрадиционные акты и роли.

Сексуальность сама по себе может рассматриваться как энтеогеническое явление — подобно «священным растениям», она доставляет не только когнитивные формы, но и образное содержание. Праздничное веселье для нас — по меньшей мере, «серьезная шутка» [старое определение алхимии], а может быть, и ритуальная необходимость. «Просветление» — это также и материальный, телесный принцип, и наша тайна в том, что не только «ничто» Ницше может быть основанием для него.

4. Зеленая тень

Дикое, в природе и вне, символизирует как раз несводимость и нераздельность желания. Уничтожение нечеловеческого влечет уничтожение человеческого; культура определяется лишь по отношению к некультурному. В этом — глубина язычества; в Исламе, зеленый — геральдический цвет, ибо «вода, растительность и прекрасное лицо» (по словам Пророка) суть категории, привилегированные онтологически — именно они дают базис для эзотерического отказа от одинаковости и разделенности: божественное как различия, неуничтожимые и непосредственные, не только в «Природе», но даже в саду или в городе — как в органическом кристалле, спонтанно возникшем из желания жизнью самой себя. Возможно, что всю «настоящую» дикую природу уже свели в картомантический каталог Управления Желаний — в конце концов, единый мир не приемлет ничего иного — но, даже если и так, призрак ее не покинул этот самый единый мир. Ее можно вызвать вновь; ее можно восстановить.

Но если Природа лишается природной сущности под убийственным объективно-музейным взглядом, и если «все» опосредованно (включая «прямое чувственное восприятие»), то как же мы можем говорить о восстановлении «непосредственности»? Во-первых, потому что (с другой стороны) вовсе не все «включено в представление». Очевидно, что претензии единого мира на единство лишены оснований — по определению, у каждого куска, заключенного в представление, сохраняется внешняя сторона; не говоря уже об области многозначности, о зыбкости вдоль каждой границы. Единство представляет себя неуязвимым — но слабость его очевидна, как только мы замечаем, что оно не отражается в непосредственном, живом опыте, а лишь проявляется как перемещенность, пустота, скука, бессилие; возможно, именно в этот момент «разрывается завеса», и мы видим отблеск будущего, или, по крайней мере, желанного будущего.

Во-вторых: мы можем говорить о восстановлении потому, что даже не всякое представление, произведенное в рамках единства или заключенное в его клетку, эффективно как репрессивный механизм. Сам язык насыщен (иногда непреднамеренной) поэтикой самопреодоления, субверсией, «взрывом чудесного». Кажется, что жизнь вступает в заговор с неокруженным пространством, и само представление в конце концов стремится прочь от представленности.

5. Наличие

Зеленым насильственно обозначили проклятое плодородие денег, их противоестественную плодovitость — алхимию экспроприации, бесконечный вес привилегированных каст, масонский надзор. Превозмогая собственную текстуру, они превращаются в чистое представление; однако с самого начала, с первых глиняных

бирок и монет из электрума, деньги есть не что иное, как долг, не что иное, как недостача.

Деньги «сами по себе», как простое платежное средство, сохраняют некоторую невинность — «бедные», так сказать, деньги, лишённые роста и выброшенные, собственно, в обращение. На таком уровне деньги могут быть полезны даже и во временной автономной зоне; но, говоря о джихаде, мы рассматриваем, и должны рассматривать, деньги как нечто под знаком Капитала, как мерило экспроприации и как основной миф, порождающий разделенность.

Когда же деньги преодолеют с помощью виртуальности свою физическую природу, когда каждая транзакция, каждое волнение эфира будет давать процент; — «бедные» деньги уступят дорогу «чистым» деньгам. Кто же окажется в выигрыше?

Возникшая всемирная машина никогда не упадет, как спелое яблоко, в руки восставших масс; единый управляющий Глаз никогда не достанется народу (как будто одной из трех слепых норн); не будет ни мягкого, ни грубого перехода от Капитализма к какой-то экономической утопии, какому-то чудесному спасению в сознании, объединяющем просвещенный пост-рационализм со всеобщей культурой (и с удобными уголками для экцентрических пережитков и туристского счастья) — никакая Социальная Демократия не возьмет управление в свои руки во имя народа. «Власть/деньги» (как выражались старые аграрии) не во власти элиты (ни конспираторной, ни социальной); скорее, элита — во власти денег, в роли человеческой прислуги при каком-то научно-фантастическом монструозном роботе из внешнего киберпространства. Власть/деньги — это и есть всемирная машина; ее нельзя получить в наследство, ее можно только разобрать на куски. Достигнет ли нумисфера какого-то теоретического предела, после которого мыльный пузырь лопнет «сам по себе»? Верно ли, что Капитализм идет к последнему рубежу и последнему кризису, который кончит все кризисы, или же он найдет защиту, а то и способ получать прибыль на любом «пределе роста», любой хаотической пертурбации своей замкнутой удущающей атмосферы? [Оставайтесь с нами.] В любом случае, как заметил Густав Ландауэр, никакая «историческая неизбежность» не обещает возрождение революции в тот самый момент, когда Капитал торжественно объявляет диалектику закрытой.

В некотором смысле, Капитализм кажется «неизбежным» с момента изобретения искусственного дефицита — с момента первой экспроприации. Но где же в точности этот момент? Введение сельского хозяйства — долгий и много раз обсуждавшийся кризис, но многие сельскохозяйственные племенные сообщества так же устойчиво антиавторитарны и так же ориентированы на дар, как чистейшие охотники/собиратели. И в древних иерархических государствах (Шумер, Египет, Китай времен династии Шань), и даже при феодализме сохраняется экономика взаимности и распределения; — Рынок, «предсказанный» классической политэкономией, попросту не возникает (см. работы Карла Полани). Более того, каждый раз угроза его появления вызывает сопротивление почти провидческое (что мог бы предсказать Кластр (Clastres)): — разделение и экспроприация никогда не приходят без боя, и поэтому никогда не достигают своей абсолютной формы. На самом деле, не существует ни закона природы, требующего циркуляции и обмена, ни исторической необходимости, ни неизбежной атомарности социальной сферы, ни единого мира единого представления. Существует капитализм — но не только капитализм; другой полюс по отношению к нему — революция. И наоборот.

Для объявления себя восставшим удобным моментом не может быть. Мы, вечные еретики, уже сделали выбор — в предыдущем ли воплощении, в мифическом ли времени-вне-времени, как будто нечто переосмысливает себя — в нас, или без нас, — и отказаться — значит обречь себя на чахлае смирение, на тепленькую недо-смерть. Не может быть возврата к невинности в экстазе шести сотен каналов, из которых некоторые работают со времен так называемого «Падения Римской Империи», а то и раннего неолита. Самое первое появление разделенности в самих ранних формах — денег и государства — есть рубеж нашей традиции, которой теперь около 10000 лет; в конечном счете не важно, «тот ли это кризис», или не тот. В любом случае, выбор за нами.

6. Нападение на экран

Средства массовой одинаковости и разделенности представляют единый мир в самой религиозной из его форм — структурирование социального и разбиение его на образы. Простого осознания этого процесса недостаточно для того, чтобы его преодолеть — оппозиция также должна принять форму религии, вновь наводя разбитые чары посредством контр-образов; здесь можно говорить о рационализме чудесного. Похоже, что единственный способ пойти дальше, чем простое противодействие (и тем самым, поглощение образом) — «сакрализация» нашей борьбы против одинаковости и разделенности; — но только в случае неудачи предложенного мы можем принять для него название «романтизм» (как критику или как хвалу).

Пять лет назад средства массовой одинаковости и разделенности обрели почти ту же свободу и автономию, что и средство обмена — деньги. Теперь они сместили акцент: от простого подавления — к реализации и «междисциплинарному», нарушающему границы слиянию всех режимов представления в одну «полисемическую» формальную катастрофу: — тело, недвижимое перед экраном, телесное сведено к темноте, обретающей формы лишь при свете, источник которого — гностическая плерома, трансцендентное царство, откуда изгнаны все тела — стеклянное небо.

Старомодный дуализм взорвался — тотальная топология задается теперь гносеографической геософией денег,

прямолинейной их одномерностью. «Зеркало производства» заменено полной прозрачностью, головокружением ночного кошмара. Земля, труд, природа, само «я», сама жизнь, даже смерть — все можно переопределить и сделать основой обмена — все есть деньги.

Примечание: разумеется, все эти обобщения касаются не реальности, но, скорее, идеологии глобального Капитала (идеологии мошеннического «пост-идеологизма») — интоксцированных провозвестий «информационной экономики» — обмана «дерегуляции» (что говорить о революции, раз Капитал и так уничтожил все правила?) Само собой, на самом деле Капитал не преодолел производства, но всего лишь задвинул его куда-то в область кладбищенских служб и мусорных баков. Капитал желает экстаза, не тейлоризма; его страсть — бестелесность и чистота.

В конце концов технология экстатического управления останавливает в зародыше самую возможность выразить что-либо, — например, с помощью биотехнического протезирования, либо через слияние тела с экраном. Фальшивая свадьба Эроса и Танатоса: — окончательное окружение. «Великий джихад», разумеется, направлен против разделенного «я» — против удушения истинного я, того, которому необходимо выразить «своего господина», выразить свой глубинный смысл. Но не менее актуален, не менее напуган барака «малый джихад» — нападение на экран.

7. Нравственность насилия

Всякое парадоксальное здесь возрождение нравственности начнется, естественно, на руинах ортодоксии — и не возведет на них ничего более постоянного, чем черный шатер бедуинов Ибн-Халдуна. И все-таки, раньше или позже джихад (борьба) приводит (через «та'авил», то есть герменевтическую экзегетику) вновь к шариату, то есть к закону. Но шариат также означает тропу, или путь — он есть «бескрайняя дорога» странника, не имеющего цели. Ценности даются воображением, то есть движением. «Там, где остановились боги» — там и есть истинное. Но боги идут дальше; они подвижны, как свет на воде в пиндаровой оде.

Реальное покушение не безнравственно — оно попросту невозможно. Смысл «терроризма» в том, что в нем нет смысла; только кибергностическая свалка истории, полная боли и пустоты — ограниченная ответственность как космический принцип. Можно представить себе нравственность (может быть, даже «нравственность воображения»), базирующуюся на насилии против институций и идей — но в языке не хватает форм для подобных формулировок, и потому политическое повстанчество обрекает на неясность цели, и даже на недостаток сосредоточенности. В любом случае, дело не в личном «духовном состоянии», а в реальной самоперестройке восприятия — в суфийских терминах, не состояние, но «постановка». Заимствуя фразу из исмализма, можно назвать это нашей версией Да'ва аль-Кадими, или Древней Пропаганды — древней, потому что она никогда не была полностью проведена.

8. Fin de siecle

Для концепции утопического будущего не осталось. «Надежда вопреки безнадежности»; не требуется никакого реального выбора. Присутствующее всегда нечисто — только отсутствующее приобретает кристальную, остовную форму совершенной вечности. Если хотите, моральное осуждение: нетерпимость ко всему, противоборствующему джихаду — но более никакого щегольства, никаких хрупких и утонченных конструкций своего я.

Самоотожествление посредством различия есть способ речи, а не только волевой акт; он имеет свое дао, спонтанное самоупорядочивание вместо самодержавного взгляда картезианства. Примененный к культуре («надстроенному» аспекту социального), этот способ речи либо устанавливает положительную обратную связь с «Природой», и дает тем самым возможность изменить мир-как-консенсус, либо представляет из себя преступную глупость.

Здесь вновь почти не важно «всего лишь» сознание; поэтому мы делаем упор на нестандартных состояниях, в которых преодолевается, «навыком» и концентрированным вниманием, дихотомия аутоинтеллектуальной рефлексии. Замыкание эстетического на себе и ментальная изоляция отрицают тот факт, что всякое наслаждение есть экспансия, что взаимность — в экспансии, лишенной хищничества. Раз бунт есть реакция и на одинаковость, и на разделенность, то по определению он состоит в стремлении к различию и присутствию — и, как говорили раньше френологи, к «сообщительности». Это ни простое «общение» — допускающее тоскливую опосредованность и бесплотность — ни экстатическая «общность» (термин, отдающий обостренной авторитарностью вынужденного присутствия) — но, скорее, праздничное сообщничество — эротика социального.

9. Бунт ислама

Прудоновский федерализм, основанный на частностях, лишенных гегемонии, в «номадологической», или ризоматической взаимности синергетической солидарности — такова структура нашей революции. (Сама зубодробительность терминов показывает, как необходимо насытить жизнью теоретический горизонт!) Идеологи

пост-просвещенческого времени воспримут с брезгливостью мысль о революционных импликациях такой религии, такого образа жизни, которые всегда, с самого начала противостоят монокультуре одинаковости и разделенности. Современные реакционеры ужаснутся идее взаимопроникновения, порам в нашей солидарности, сообщничеству и присутствию как взаимодополняющему, гармоничному резонансу «революционных различий». В качестве примера возьмем ислам — гиперортодоксы и улемократы не могут с легкостью сократить его до доминирующей/универсалистской идеологии, поскольку в нем присутствуют самые разнонаправленные формы «сакральной политики» — суфизм [например, Накшбанди], радикальный шиизм [например, Али Шариати], исмаилизм, исламский гуманизм, «зеленый путь» полковника Каддафи (отчасти нео-суфизм, отчасти анархо-синдикализм), и даже космополитический боснийский ислам. [Примечание: мы упоминаем эти течения не для того, чтобы со всеми из них согласиться, но для того, чтобы показать, что ислам не есть монолит «фундаментализма».]

Традиции терпимости, добровольчества, эгалитарности, забота о социальной справедливости, критика «ростовщичества», мистический утопизм и т.д. могут образовать созвездия новой пропаганды внутри ислама, непреклонно противостоящей когнитивному колониализму нумисферы, критически относящейся к репрессивности внутри ислама, но приверженной его творческой энергии, сдержанности, ориентировке на внутреннее, воинственности и стилю. Озабоченность ислама загрязнением воображения, выраженная в буквальном сокрытии образа, дает джихаду мощное стратегическое обоснование; — сокрытое не отсутствует и не невидимо, ибо завеса обозначает его присутствие, его образную реальность, его силу. Только доселе невиданное — сокрыто.

10. Почва

Племенные общества, предоставленные сами себе, воюют не столько ради гегемонии, сколько ради приключения — и, как отметил П. Кластер, такие горизонтальные военные действия (как и другие «примитивные» обычаи) на самом деле направлены против появления «государства» с его вертикальностью — насилие, как форма борьбы против разделенности, саму возможность которой племя всегда воспринимает как опасность и «зло» — насилие, как форма извечного раздробления, или раздела и перераспределения, власти. Джихад задуман не как возвращение к этой форме насилия, но как диалектическое воплощение ее скрытого смысла. По этому принципу, слияние разнообразных различий допускается не только в качестве утопического предположения, но и как возможное стратегическое объединение — как «машина войны».

Густав Ландауэр ясно показал, что подобные группировки можно рассматривать и горизонтально (или «федеративно»), и вертикально — разумеется, не как категориальные сущности, но как фолк, народы, «нации» в смысле американских индейцев. Реакционное быдло украдо этот термин и исказив, превратило его в худшего вида гегемонизм — но и этот термин можно спасти (что есть «приключение» само по себе). [Мы должны перечитать Прудона, Маркса, Ницше, Ландауэра, Фурье, Беньямина, Бахтина, Индустриальных рабочих мира и т.д. — так же, как Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) перечитывает Сапату!]

Ландауэр также отметил, что в определенном смысле государство не есть абсолют, но внутреннее отношение. Поскольку власть сдвигается от национальной карты к «чистому» Капиталу, постольку внешнее государство как фокус оппозиции все больше теряет смысл. Варианта «нейтральности» не существует — либо зона есть часть единого мира, либо она включается в оппозицию. Когда оппозиционная зона совпадает с каким-либо политическим образованием, революция рассматривает возможность политического альянса. Великий джихад — против внутреннего отношения власти — всегда неизменен; но малый джихад, против внешнего ее проявления, постоянно меняет форму.

Примечание: все зависит от ощущения того, что две силы — автономия и федерация — не противоречат друг другу, но друг друга дополняют и даже вступают в сообщество; если это парадокс, то это парадокс, с которым и надо жить. С точки зрения федерализма и солидарности, следует противостоять этническим чисткам и воинствующему шовинизму, поскольку такой реакционный гегемонизм просто воспроизводит, и даже дополняет, гегемонизм (и жестокость) единого мира. Но аутентичные (лишенные гегемонизма) различия следует защищать, потому что (или постольку, поскольку) они не могут, «не должны» быть стерты Молохом капиталистического сознания. Автономия без федерализма в лучшем случае нереальна, в худшем — реакционна, — но федерализм без автономии прямо угрожает единственному принципу, объединяющему джихад — принципу самоопределения или «эмпирической свободы».

Для стратегического слияния, сложность — не просто эстетическое требование, но необходимость, когнитивное маки и зона сопротивления, царство неоднозначности, в котором восстание находит экономическую базу, свой heartland. Каждая «нация», как традиционная, так и вновь образованная, и каждая группа, которая дрейфует горизонтально внутри этой среды, или сквозь нее — советы, союзы, комитеты, фестивали — на самом деле, каждый «суверенный индивид» — могут войти в федерацию на базе сиюминутного анти-гегемонистского фронта против самопровозглашенной тотальной одинаковости и разделенности, за мир присутствия и различий.

С определенной точки зрения сила присутствия и солидарности возникает из реальности «класса» — хотя, если мы принимаем этот термин, мы должны учитывать огромные перестановки и калейдоскопические сдвиги

смысла, которые разобрали и собрали его вновь, лишив украшений, приклеенных 19-м столетием, телеса единого мира, монокультуральной эстетики — его наукообразности, связанных с ним разочарований и фатализма. Дело не в «пролетаризации зон», но в бесшовном и «естественном» подавлении автономного сознания (и как раз здесь сознание важно).

11. Революционная сотериология

Итак, «спасаемый» джихадом «мир» состоит не только из той Природы, что не выдержит окончательного заключения, не вызвав фатального отчуждения сознания от всякой «изначальной близости», — но также из пространства культуры, из аутентичного становления — *Tierra y Libertad* («Земля и воля!»). Возможно, сельское хозяйство есть трагическое Падение с высот естественной экономики — (собирательство, охота, взаимность) — и даже катастрофический сдвиг в самом сознании. Но серьезное требование его отмены есть крипто-мальтузианский, биофобный нигилизм, подозрительно напоминающий гностическое самоубийство. Нравственность переустройства — это уже нравственность освобождения, и наоборот; ядро нового общества всегда уже зреет внутри старой скорлупы. Все, что единый мир пытается уничтожить или смешать с грязью, безошибочно приобретает для нас ауру органической жизни; — это применимо ко всему спектру нашего нынешнего «позднего каменного века», даже к его фурьеристским усовершенствованиям, даже к его сюрреалистическому урбанизму (даже «Цивилизация» есть «хорошая мысль», если вытащить ее из-под ее собственного хищнического детерминизма); в этом — определение нашего консерватизма. Таким образом, несмотря на все вышеперечисленное, несмотря на титанические опустошения, произведенные искусственным интеллектом Капитала, «спасаемый мир» порой отделен от «этого» мира лишь трещиной сатори, толщиной с волосок. Но вся наша непримиримая оппозиция происходит из этой трещины. Миллениум всегда есть открытие текущего момента — но так же всегда, он есть окончание мира.

12. Скрытый имам

Суть джихада: когда угнетение приобретает парадоксальную форму одновременно одинаковости и разделенности, сопротивление, оппозиция логически приходит к присутствию и различию — революционный парадокс. Ризоматическое, сегментарное, личностное общество, которое выделяется из пересыщенной логики сопротивления, можно рассматривать с любой точки зрения, вертикальной или горизонтальной, диахронической или синхронной, этнической или эстетической — при наличии одного необходимого принципа, революционного, анти-гегемонистского принципа присутствия.

Наше теперешнее состояние — разглаженное и раздраженное невнимание — можно сравнить только с каким-нибудь эзотерическим средневековым грехом вроде духовной лени или экзистенциальной забывчивости; наше главное удовольствие — самим придумать для себя пропаганду, мощную, как гностический «Зов», эстетику раскаяния-и-обращения, то есть «самопреодоления», сорелевский миф Миллениума.

В конце концов, слепой паноптикон Капитала наиболее уязвим в сфере «магии» — контроля над событиями посредством манипуляции образами, герметического «действия на расстоянии». Если слово есть возможная форма для новой пропаганды дела, то следует признать, что одно лишь эстетическое отшельничество (исчезновение как воля к власти) не даст тепла, достаточного для того, чтобы высидеть тайное яйцо. Все, что было когда-то *tertium quid*, теперь пришло (или скоро придет) либо к капитуляции, либо к оппозиции, к самовозгоранию, к восстанию против шарообразной клетки единого мира.

Но тайное, скрытое (язык сердца) дает тактическое преимущество в предреволюционной ситуации, и одно это уже возвращает революционной эстетике ее центральное место. Искусство скрытого избегает поглощения «дискурсом тотальности», базирующемся на образах, — и, таким образом, единственное из всех возможных форм, по-прежнему несет в себе извечное обещание искусства — изменение мира.

Примечание: термин «искусство» здесь использован в двух разных смыслах: — первый из них, возможно, романтичен, потому что относится к дилемме собственно художника и к вопросу об «авангарде». Второй смысл, однако, имеет целью растворить всю проблему отделенности искусства в практике, которая «обычна», и которая пересекается (на самом деле, почти совпадает) с областью переживаемого опыта. Обычное и сверхобычное здесь более не противопоставлены, возможно, даже слиты в танце сплавленных разграничений. Грубый трюизм: момент совершенства формы есть сама ткань жизни, ее самонасыщение; именно в этом смысле традиционные культуры не видели разницы между искусством и жизнью. Если мы и говорим о «политическом искусстве», то лишь для обозначения того факта, что для нас Капитал определяет себя через раздел между этими двумя — которые «нельзя» разделить. Но это — проблема каждого «работника», и не только «работника культуры» — и таким образом искусство в этом смысле приближается к полному тождеству с «революционным действием».

13. Вызов и ответ

Меньше, чем десять лет назад, «врага» все еще можно было представлять себе как Всемирную Машину Труда,

или как Зрелище (spectacle) — и потому видеть сопротивление в отшельничестве, и даже в бегстве. Не упал еще огромный таинственный занавес, отделяющий нас от нашей воли, и ничто не мешало нам придумывать новые формы производства, лудические, автономные, или новые формы представления, аутентичные и дающие истинное удовольствие. Существовала очевидная цель — создавать (или поддерживать) альтернативные ячейки, реализующие эти новые формы практически, а сопротивление было тактическим средством защиты подобных зон (и временных, и постоянных). В айкидо нет понятия нападения — вы уклоняетесь от атаки, после чего сила атакующего обращается на себя и себя побеждает. Капитализм и на самом деле многое уступил подобной тактике, отчасти потому, что поддавался стратегии «третьей силы», отчасти из-за того, что идеологически не был готов разрешить собственные внутренние противоречия (например, «демократию»). Теперь ситуация изменилась. Капитализм освободил себя от своей собственной идеологической брони и более не считает нужным отдавать территорию какой-либо «третьей силе». Основатель айкидо умел увертываться от пуль, но никто не в силах уклониться от натиска такой силы, которая занимает все тактическое пространство. Эскапизм доступен «третьему гостю, нахлебнику», но не единственному противнику. Теперь капитализм может объявить войну и прямо разделаться, как с врагами, со всеми бывшими «альтернативами» (включая «демократию»). В этом смысле не мы выбрали для себя роль оппозиции — ее выбрали для нас.

В кендо говорят, что оборонительных приемов не существует, вернее, что единственный вид обороны — эффективное нападение. Однако атакующий, как в айкидо, находится в невыгодном положении (нарушение равновесия) — что же делать? Парадокс: подвергшись нападению, ударь первым. Ясно, что наши «альтернативы» теперь не просто занятые запасные варианты, но жизненно важные стратегические позиции. Революция, однако, не матч по кендо — и не карнавальная пьеса с моралью. По-видимому, наша тактика определится не столько историей, сколько желанием оставаться в истории — не «выживая», но продолжая жить. Напрашивается вопрос «что делать?», и по двум причинам: — во-первых, уже сейчас существуют тысячи организаций, легально работающих на благо дел, революционных де-факто (или хотя бы достойных) — но нет организующего мифа, пропаганды, преобразующего «революционного сознания», способного преодолеть разделенность как реформистскую институционализацию и идеологический паралич [«раздача тем для борьбы»]. Во-вторых, большая часть «нелегалщины», к несчастью, обречена на контрпродуктивность и зализывание ран, и в точности по той же причине — нет сознания, точнее, нет метаноии, неразделенного сознания. В такой ситуации слияние кажется невозможным, и первое, с чем сталкивается джихад — это грубая теоретическая необходимость осознать и обосновать собственное место в истории. Пока что разговоры о «предреволюционной ситуации» вызывают иронию, неизбежно связанную с подобными терминами (история как «кошмар») — Какие именно видим мы знаки, и на каком горизонте?

В этот момент надо вспомнить о том, что «пропаганда действием» изначально включала себя «добрые дела» вместе с насильственными; поэтому временная автономная зона сохраняет свое значение, не только сама по себе, но и как историческая реализация живого опыта, возможно, даже как способ пропаганды действием. Тогда восстание можно понимать как призыв к «постоянной автономной зоне»; и слияние многих подобных групп даст форму «миллениуму». Здесь даже «отшельничество» может быть ценно как тактика — если оно координируется и практикуется с оружием в руках и в массовом масштабе — «революционный мир».

Сформулировав подобную модель, видишь, как далеко мы находимся от ее воплощения. Мы хотели бы позволить себе роскошь и удовлетворить сырую экзистенциальную страсть к «действию», хотя бы к «антипессимизму» в каком-нибудь виде — но в текущий момент всякое обсуждение реальной тактики скорее всего окажется фатально (или смехотворно) преждевременным. Кроме того, вопрос «что мне делать?» — чуть ли не самый опосредованный из возможных, и гарантирует полную невозможность любого ответа.

Мы тупы: чтобы осознать все это, нам потребовалось пять лет. Все, что когда-то было «третьим путем», нужно продумать заново в свете единственного обстоятельства: нам противостоит единый мир, не два мира. Раз сопротивление выродилось в склочную ностальгию (1968 год так же «трагичен» для нас, как любое другое фиаско) — раз леваческая стервозность и фашистская мелочность столь привлекательны для выдохшихся радикалов — то это из-за того только, что, даже для себя, мы не признали этого нового обстоятельства, а именно, того, что, объявив себя абсолютом и выстроив мир вокруг этого заявления, Капитал вызвал к жизни своего старого смертельного врага (так обесчещенного 20-м столетием, такого скучного), вызвал его вновь и дал ему новое воплощение — последнего рубежа защиты для всего неограниченного — вызвал вновь революцию, вызвал джихад.

Нью-Йорк - Дублин,
1 сентября 1996

Текст заимствован с сайта: <http://chaosss.ru/>

Язычество

Созвездия, по которым кормчий правит барку души. "Если мусульманин поймет Ислам, он станет идолопоклонником". - Махмуд Шабестари Элеггуа, уродливый привратник с крюком в голове и раковинами-каури вместо глаз, "Черной Сантерией" и стаканом рома - подобно Ганеше, слогоголовому толстому мальчишке Начала, что объезжает мышь. Орган, который чувствует духовную атрофию чувств. Кто не чувствует барака, не знает нежности этого мира.

Гермес Поймандр учил оживлять идолов, магия по-селения духов в образы - те же, кто не сумел свершить ритуал этот над самими собой, над тканями существ материального мира, получают лишь скорбь, пыль да гниение.

Тело язычника становится Сонмом Ангелов, принимающих этот мир - этот храм - как рай ("если рай и существует, то, без сомнений, он здесь!" - написано на вратах сада Мугаль)...

Онтологический анархизм слишком палеолитичен для эсхатологий - все вокруг - реальность, колдовство действует, духи едины с Воображением, а смерть с неприятной неопределенностью - как в "Метаморфозах" Овидия, этом эпосе превращений. Личное мифо-воззрение.

Язычество еще не изобрело законов - одни лишь блага. Ни жречества, ни теологии, ни метафизики, ни морали - один лишь вселенский шаманизм, где не станешь настоящим человеком, не прозрев.

Жратва, деньги, секс, сон, солнце, пляж, марихуана - любовь, истина, мир, свобода и равенство. Красота.

Пьяный мальчишка Дионис на пантере - обильный юношеский пот - вот бредет козлопас Пан, покрытый мхом и лишайниками, проваливаясь в землю по щиколотку, будто бы это море - Эрос распадается на дюжину голых пастушков из Айовы, ступни в грязи, бедра в ряске.

Ворон, трикстер с потлача, когда - мальчик, а когда - старуха, птица, укрывшая Луну, сосновые иголки на поверхности пруда, верхушка тотемного столба, хор среброглазых ворон танцует на заборе - словно Семар, горбатый альбинос-гермафродит из театра теней, покровитель яванской революции.

Йемайа, синезвезда богиня моря, покровительница голубых - словно Тара, серо-голубой аспект Кали, ожерелье из черепов, танцующая на мощном лингаме Шиве, облизывающая муссонные облака своим метровым языком - словно Лоро Кидул, цвета зеленой яшмы, яванская морская богиня, наложившая заклятье неуязвимости на султанов, практикующих тантру в волшебных замках и пещерах.

С одной стороны, онтологический анархизм примитивен до невозможности, лишен каких-либо качеств и категорий, прост как сам ХАОС, но с другой - он ошеломляет своей барочностью, как храмы Любви в Катманду или алхимический трактат - развалившись на диване, поедает рахат-лукум, изрекая еретические фразы, засунув руку в свои широкие штаны.

Борта его корсаров покрыты черным лаком, вьются алые паруса, черные флаги с крылатыми песочными часами. Воображаемое море на юге Китая, вдоль побережья, покрытого пальмами, развалины золотых храмов, посвященных неизвестным богам из бестиария, остров за островом, ветер ласкает кожу своим влажным желтым шелком, правим курс по пантеистическим звездам, иерофаня на иерофанию, свет к свету, сквозь черное сияние хаоса.

Текст взят отсюда: <http://anarh.2084.ru/хаос/pagan.html>

Постоянные автономные зоны

Теория временных автономных зон (ВАЗ) занимается, по возможности, не утопиями, но явлениями возникающими или уже существующими. По всему миру люди: покидают Сеть Отчуждения или "исчезают" себя из нее, пытаются разными способами восстановить человеческие контакты. Интересный пример этого - на уровне "городского фольклора" - повсеместное распространение групп и конференций "по интересам". Недавно мне попались на глаза фэнзины двух таких групп - «Crown Jewels of High Wire» (посвященный коллекционированию стеклянных изоляторов для ЛЭП) и журнал об изучении реторт и перегонных кубов (под названием «Тыквы»). Эти увлечения высвобождают огромное количество творческой энергии. Разнообразные периодические встречи товарищей по безумию превращаются в настоящие, непосредственные праздники эксцентризма. Свои ВАЗ, свои кочевые стоянки и ночи освобождения от Консенсуса ищет не только "контркультура". В рамках каждого «класса», каждой «субкультуры» появляются самоорганизующиеся автономные группы. Огромные куски Вавилонской империи сейчас практически опустели; там живут только масс-медийные призраки и несколько психованных полицейских.

Теория ВАЗ осознает, что это происходит, - мы говорим не о «следовало бы» и не о «будет», но о движении, существующем уже сейчас. Наша работа с разнообразными мысленными экспериментами, с утопической

поэтикой, с параноидальным критицизмом и т.д. имеет целью прояснить это сложное и пока что почти не описанное движение, дать ему теоретическое обоснование и способ осознать себя и предложить тактики, вытекающие из согласования общих стратегий. Мы выполняем функцию повивальной бабки или панегириста, никак не «авангарда»!

И поэтому нам приходится осмыслить эмпирический факт: не все из существующих автономных зон «временные». Некоторые из них - по крайней мере, по замыслу - более или менее «постоянные». Какие-то из трещин в Вавилонском Монолите настолько пусты, что целые группы могут проникнуть в них и там поселиться. Чтобы осознать это явление и использовать его как можно полнее, были развиты некоторые теории, такие как теория «пермакультуры». «Деревни», «коммуны», «сообщества», даже «ковчеги», «биосферы» и другие модели утопического города уже находятся в стадии эксперимента и реализации. Однако и здесь теория ВАЗ может предложить полезные мысленные модели и кое-что прояснить.

Итак, каковы же поэтика («способ делать») и политика («способ сосуществовать») «постоянной» ВАЗ (то есть «ПАЗ»)? Какова на самом деле связь между временным и постоянным? И как ПАЗ может периодически обновлять и освежать себя, используя «фестивальный» аспект ВАЗ?

Вопрос гласности

Недавние события в США и в Европе показали, что самоорганизованные автономные группы вызывают у Государства ужас. Движение MOVE в Филадельфии, последователи Кореша в Вако, фанаты «Grateful Death», «Хранители Радуги», хакеры-компьютерщики, сквоттеры и другие - все они, с той или иной интенсивностью, стали мишенью для геноцида. И, тем не менее, другие автономные группы остаются незамеченными или, по крайней мере, избегают преследований. В чем разница? Один из факторов, возможно - злокачественный эффект гласности/информационного освещения. СМИ, как вампиры, жаждут кровавой пасхальной мистерии «терроризма» - принятого в Вавилоне публичного ритуала с искуплением вины, назначением козлов отпущения и принесением человеческих жертв. Как только какая-либо автономная группа попадает под этот «взгляд», пиши пропало - СМИ непременно устроят мини-Армагеддон, дабы удовлетворить собственную наркотическую зависимость от смерти и зрелищ.

Но ПАЗ по определению есть прекрасная цель для подобной масс-медийной «умной бомбы». Все, что ждет автономную группу внутри её осажденного жилища это дешевая предсказанная заранее мученическая смерть. По-видимому, такая судьба привлекает только невротических мазохистов. Так или иначе, большая часть групп предпочтет прожить отведенный им естественный срок и пройти свой путь в тишине и покое. И здесь хорошая тактика: избегать любого освещения в СМИ - так, как если бы это была буквально чума. Для этого полезно некоторое количество естественной паранойи - лишь бы только она не превращалась из средства в цель. Чтобы тебе позволили быть храбрым, надо быть хитрым. Немного маскировки, способность к невидимости, чувство такта, принятое как тактика... все это полезно не только для ВАЗ, но и для ПАЗ. Скромные предложения: используйте только «камерные» средства информации (самиздат, телефонные списки, BBS, бесплатное радио и мини-FM, каналы публичного доступа по кабельному телевидению и т.д.) - избегайте конфронтации и мачистских, скандальных поз. Чтобы оправдать свое существование, вам не нужны пять секунд в новостях под заголовком «Полиция обыскивает логово секты». Полезный лозунг: «Жизнь, а не стиль жизни».

Доступ

По-видимому, люди должны иметь право самим выбирать, с кем им жить. Коммуны «с открытым доступом» всякий раз переполняются нахлебниками и жалкими сексуально озабоченными уродами. ПАЗ должны сами выбирать себе жителей, «элитаризм» тут не при чем. Возможно, следует устраивать временные открытые мероприятия - организовывать фестивали, раздавать бесплатную пищу и т.д. - но нет никакой нужды постоянно держать двери открытыми для всякого пробегающего мимо самопровозглашенного «симпатизанта».

Реальное возникновение альтернативной экономики

Еще раз повторим, это происходит уже сейчас - но чтобы увидеть это в четком фокусе, нужно еще много работы. Субэкономики «черного рынка», трасакций без уплаты налога, бартера и т. д. сейчас сильно ограничены и имеют лишь местное значение. BBS и другие сетевые системы могли бы помочь связать эти региональные/маргинальные «экономики» (в смысле «управления домашним хозяйством») в жизнеспособную альтернативную экономику заметной величины. Что-то похожее уже описал П.М. в проекте «боло-боло»... На самом деле, разработано уже несколько подобных систем, по крайней мере в теории.

Важнейший вопрос таков: как построить настоящую альтернативную экономику, то есть экономику полную и самодостаточную, не привлекая внимания налоговой службы и прочих цепных псов капитализма? Как мне обменять мой опыт, скажем, сантехника или самогоноварителя на книги, пищу, жилье и психоактивные растения, не платя налогов или даже вообще не пользуясь фальшивой монетой, выпущенной Государством?

Как вести комфортабельную, даже роскошную жизнь, не вступая ни в какие взаимоотношения или трансакции с Миром Товара? Если бы можно было взять всю энергию, потраченную левыми на демонстрации, и всю энергию, потраченную либертарианцами на бессмысленные идиотские игры в «третью партию», и все это направить на построение реальной подпольной экономики, «революция» произошла бы давным-давно.

«"Мир" закончился в 1972 году»

Опустошенное чучело Абсолютного Государства окончательно рассыпалось в 1989 году. Капитализм, последняя идеология - не более чем экзема на коже Позднейшего Неолита. Это машина желаний на холостом ходу. Я надеюсь дожить до его полного разжижения, как на картинах Дали. И когда гнойник прорвется, хотелось бы иметь место, куда деться. Разумеется, смерть Капитализма вовсе необязательно повлечет уничтожение всей человеческой культуры монструозными годзиллами; это всего лишь фильм ужасов, самим Капитализмом пропагандируемый. Все же естественно ожидать, что загнивающий сам себя труп будет корчиться в спазмах, прежде чем наступит последнее окончание,- и не слишком умно пережидать шторм в Лос-Анджелесе или в Нью-Йорке. (А шторм, возможно, уже начался.) [С. другой стороны, Нью-Йорк и Лос-Анджелес - не худшие возможные места для создания Нового Мира; можно представить себе районы, целиком захваченные сквоттерами; уличные шайки, превратившиеся в Народную Милицию, и т.д.] Так вот, цыганско-бродяжнический образ жизни, возможно, хороший ответ на продолжающееся разложение Слишком Позднего Капитализма - но я лично предпочел бы старый добрый анархистский монастырь где-нибудь далеко - традиционное место, в котором «ученые» пережидают «Темные века». Чем в большей степени мы организуем это сейчас, тем проще нам будет потом Я не говорю о «выживании» - меня не интересует только "выживание". Я хочу процветать. Назад в Утопию.

Праздества

ПАЗ выполняет ключевую функцию узла в сети ВАЗ, места встречи для широкого круга друзей и союзников, которые не обязательно постоянно живут на «ферме» или в «лесах». В древности в деревнях устраивали ярмарки - община богатела, путешественники могли торговать, и для всех участников создавалось особое, праздничное пространство/время. В наши дни праздник становится важнейшей формой собственно ВАЗ, но также может приносить обновление и свежие силы для ПАЗ. Я помню, как читал где-то, что в Средние века в году было сто одиннадцать праздничных дней мы должны это принять в качестве «утопической программы-минимум» и стремиться к большему. (Примечание: Утопическая программа-минимум, предложенная Ш. Фурье, включала в себя больше еды и секса, чем мог позволить себе средний французский аристократ XVIII века; Б. Фуллер для аналогичной концепции предложил термин «абсолютный минимум».)

Живая земля

Я считаю, что есть много вполне эгоистических и рациональных причин предпочитать «органическое» (оно сексуальнее), «естественное» (оно лучше на вкус), «зеленое» (оно красивее), Дикое (оно больше волнует). *Communitas* в терминологии П. Гудмена, или *convivality* («компанейскость»), в терминах И. Иллича - попросту приятнее, чем их противоположность. Живая земля не обязательно противоречит органичному городу - маленькому, но страстному человеческому клубку, отданному искусствам и слегка декадентским прелестями цивилизации, очищенной от принудительного одиночества и гигантомании. Но даже те из нас, кому больше нравятся города, видят непосредственный гедонистический смысл в борьбе за окружающую среду Мы - воинствующие биофилы . Глубинная экология, социальная экология. пермакультура, соответствующие технологии... мы не слишком разборчивы в лозунгах, Пусть расцветает тысячи цветов.

Типология ПАЗ

«Безумная религия» или бунтарское направление в искусстве могут стать чем-то вроде нелокальной ПАЗ - как более интенсивная, чем обычно, поглощающая целиком группа по интересам. Другая модель ПАЗ без географических границ - тайное общество (вроде китайских тонгов). Но «идеальный вариант» - это то свободное пространство, которое прорастает в свободное время. Сутью ПАЗ должно стать постоянное усиление, бесконечное растяжение во времени всех радостей - и опасностей - присущих ВАЗ. Продолжением же и усилением самой ПАЗ станет... Утопия здесь и сейчас.

Dreemtime,

Август 1993

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Поэтический терроризм

Дикие пляски в коридорах круглосуточных компьютерных банков. Всполохи пиротехнических дисплеев.

Садовые статуи, земляные сооружения, как странные чуждые артефакты, разбросанные в парках. Взламывайте дома, но не воруйте, а подкидывайте объекты поэтического терроризма. Похитите кого-нибудь и сделайте его счастливым. Выберите любого прохожего и убедите его, что он получил гигантское бесполезное и невероятное наследство: скажем, 5000 квадратных миль в Антарктике, или старого циркового слона, или сиротский приют в Бомбее, или коллекцию алхимических рукописей. Позже человек этот осознает, что на несколько мгновений уверовал в фантастическое, и, может быть, благодаря этому найдет себе более интересный способ существования.

Прибивайте бронзовые мемориальные доски в местах (публичных или частных), где вас посетило откровение, где прошел ваш лучший сексуальный акт и т.п.

Пройдитесь голым из принципа.

Устройте забастовку в школе или на рабочем месте под предлогом, что оно не удовлетворяет вашей потребности в лени и духовной красоте.

Искусство граффити слегка приукрасило уродливые вагоны метро и унылые официальные памятники; искусство поэтического терроризма тоже можно приспособить для общественных мест: стихи, нацарапанные в сортирах полицейского участка, мелкие фетиши, оброненные в парках и ресторанах, ксерокопии картин, заткнутые за дворники припаркованных автомобилей, крупнобуквенные лозунги, приклеенные к заборам детских площадок, анонимные письма, посылаемые наугад (почтовое хулиганство), пиратские радиопередачи, мокрый цемент...

Реакция публики или эстетический шок, произведенный поэтическим терроризмом, должен быть по меньшей мере таким же сильным, как чувство ужаса, - мощное отвращение, сексуальное возбуждение, суеверная боязнь, внезапный интуитивный прорыв, дадаистский страх; неважно, направлен ли поэтический терроризм на одного или на многих, неважно, анонимен он или имеет «подпись», - но если он не изменил ничьей жизни (кроме самого художника) - это провал.

Поэтический терроризм - это акт театра жестокости, где нет ни сцены, ни зрительного зала, ни билетов, ни стен. Чтобы быть действенным, поэтический терроризм должен быть категорически отделен от всех традиционных структур, связанных с потреблением искусства (галереи, публикации, средства массовой информации). Даже партизанская ситуационистская тактика уличного театра сейчас, наверное, слишком хорошо известна и предсказуема.

Изысканное совращение не только во имя взаимного удовольствия, но и как сознательный акт в умышленно красивой жизни - вот, может быть, экстремальный поэтический терроризм. Поэтический террорист ведет себя как мошенник, чья конечная цель не деньги, а перемена.

Не обращайтесь поэтический терроризм на других художников, обращайтесь его на тех, кто не понимает (по крайней мере, не сразу понимает), что то, что вы делаете, это искусство. Избегайте узнаваемых категорий искусства, избегайте политики, не влезайте в споры, не будьте сентиментальны: будьте безжалостны, рискуйте, подвергайте вандализму лишь то, что достойно поругания, делайте вещи, которые дети будут помнить до конца жизни - но не действуйте впопыхах, пока вас не посетила муза поэтического терроризма.

Рядитесь в маскарадные одежды. Называйтесь фальшивыми именами. Будьте легендарны. Лучший поэтический терроризм противозаконен, но не давайте себя поймать. Искусство как преступление; преступление как искусство.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Порнография

В Персии я увидел, что стихи должны сопровождаться музыкой и их нужно петь или декламировать - по одной только причине - потому что они действуют.

Правильное сочетание образа и звука преводит слушателей в состояние «хал» (нечто среднее между эмоциональным/эстетическим настроением и трансом или состоянием сверхсознания), заставляет их заходиться в плаче и танцевать - то есть демонстрировать соразмерную физическую реакцию на искусство. Для нас же связь между телом и поэзией потеряна еще в эпоху бардов - читая, мы дышим газом картезианской анестезии.

На севере Индии даже немзыкальная декламация провоцирует слушателей на шум и движение, каждая удачная строчка вызывает овацию «Ва! Ва!», и изящные аплодисменты. Зрители кидают монеты... Мы же слушаем поэзию как это делал бы научно-фантастический разум в кувшине - в лучшем случае, отвечая сдержанным

смешком или гримасой, рудиментами деятельности ротового отверстия, в то время как остальное наше тело находится где-то на далекой планете.

На Востоке поэтов часто сажают в тюрьму — это своего рода похвала, поскольку подразумевается, что автор совершил нечто столь же реальное, как воровство, изнасилование или революция. У нас же поэты могут публиковать все, что заблагорассудится — и это своего рода наказание, тюрьма без стен, без эхо, без осязательного существования — туманные юдоли печати или абстрактной мысли — мир без риска и эроса.

Итак, поэзия вновь мертва — и даже если мумия ее сохраняет некоторые исцеляющие способности, — самовоскрешение не из их числа.

Если правители откажутся считать стихи преступлениями, тогда кому-то придется совершать преступления, которые будут выполнять роль стихов или текстов, обладая при этом характерным для терроризма резонансом. Любой ценой восстановить связь поэзии и тела. Преступления не против тела, а против Идей (и Идей-в-Вещах), мертвых и удушливых. Не тупой либертинаж, но образцовые преступления, эстетические преступления, преступления во имя любви.

В Англии некоторые порнографические книги до сих пор запрещены. Порнография оказывает соразмерный физиологический эффект на читателей. Подобно пропаганде она порой изменяет жизнь, поскольку демонстрирует настоящие желания.

Наша культура основывает большую часть производимого ею порно на ненависти к телу — но эротическое искусство как таковое представляет собой неплохое средство для развития бытия/осознания/счастья — подобно некоторым восточным произведениям. Нечто вроде западного тантрического порно могло бы помочь гальванизировать тело, заставить его сиять преступным блеском.

В Америке есть свобода слова — все слова там признаны равно выдохшимися. Во внимание принимаются только образы — цензоры любят снимки смерти/травм, но застыбают в ужасе при виде мастурбирующего ребенка — видимо они расценивают это, как посягательство на их экзистенциальную узаконенность, на их идентификацию с Империей и ее деталями.

Нет никакого сомнения в том, что даже самое поэтичное порно не заставит безликий труп танцевать и петь (как это делает китайская Птица-Хаос) — но... представим сценарий трехминутного фильма, снятого на сказочном острове сбежавших детей, живущих в развалинах древних крепостей или строящих тотемные хижины и шалаши для компаний торчков — смесь анимации, комбинированных съемок, компьютерной графики и цветной пленки — смонтированной профессионально, как реклама фаст-фуда.

...но обнаженные и странные, перья и кости, палатки, прошитые кристальной нитью, черные псы, пятна голубиной крови на янтарных ветках, перепутанных буреломом — лица в звездчатых масках, целующие нежные складки кожи — пираты-андрогины, лица отверженных коломбин, спящих на цветах, белых, как кожа их бедер, отвратительные и веселые шутки с мочой, ручные ящерицы, лакающие пролитое молоко — обнаженный брейк-данс — викторианская ванна с резиновыми утками и розовыми членами — укуренная Алиса...

...атональный панк-реггей, аранжированный под гамелан, синтезатор, саксофоны и ударные — детский хор, поющий гимны для электрического буги — поэзия онтологического анархизма, помесь Хафиза и Панчо Вильи, Ли Тай Бо и Бакунина, Кабира и Цары — и назовем это «ХАОС — Рок-Видео!»

Но... Это всего лишь мечты... Слишком дорого, чтобы снять, и, кроме того, кто увидит это? Явно не дети, которых это должно развратить. Пиратское телевидение — бесполезная фантазия, рок — всего лишь еще один товар — так забудем же об изящном искусстве. Устелем же детскую площадку неподвластными огню пошлыми фельетонами — порнопропаганда, безбашенный самиздат ради освобождения Желания из оков.

Текст компелирован на основе нескольких источников. Редактировал Денисов Т.

Пиротехника

Изобретение китайцев, которое никогда не использовалось для войны — прелестный пример ПТ — оружие, предназначенное вызывать эстетический шок, но не убивать — китайцы ненавидели войну и надевали траур, когда армии выходили на бой — порох, больше всего подходящий для того, чтобы отпугивать злых демонов, радовать детишек, наполнять воздух отважной пахнущей риском дымкой.

Кантонские гремучие бомбы класса С, ракеты-бутылки, бабочки, М-80, подсолнухи, «лес весенней порой» — революционная метеорология — прикури свою сигарету от искрящего заряда Хеймаркетской черной бомбы — вообрази, что воздух наполнен ламиями и суккубами, духами-угнетателями, полицейскими-призраками. Позови любого ребенка с тлеющим трутом или кухонной спичкой — шамана-опостосла летних пороховых заговоров — сотряси тяжелую ночь щипаными звездами и надутыми звездами, мышьяком и антиномией, натрием и каломелью, молниями магнезии и пронзительным пикратом поташа.

Языки пламени (фитиль и селитра), море огня и железные филенки — атакуйте свой местный банк или уродскую

церковь римскими свечами и пурпурно-золотыми ракетами, импровизированными и анонимными (запустите их хотя бы с пикапа...)

Постройте решетчатые площадки для запуска на крышах зданий страховых компаний и школ – змея-кундалини или Хаос – дракон, свернувшийся бариево-зелеными кольцами на фоне желтизны оксалата натрия – не наступи на меня – или совокупающиеся чудовища, выплевывающие стугтки пламени на родовое гнездо баптистов.

Скульптуры-тучи, скульптуры – клубы дыма и флаги = Искусство воздуха. Творения из земли. Фонтаны = Искусство воды. И Фейерверк. Не нужно получать рокфеллеровские гранты и разрешения от полиции на разыгрывание спектаклей перед зрительным залом, состоящим из любителей культуры. Исчезающие зажигательные бомбы сознания, устрашающие мандалы, вспыхивающие над самодовольством ночных пригородов, запредельные зеленые грозовые тучи эмоциональной чумы, подгоняемые оргоново-синими ваджалучами лазерных feux-d'artifice.

Кометы, взрывающиеся с запахом гашиша и радиоактивного угля – болотные кикиморы и призраки, населяющие общественные парки – фальшивые огни святого Эльма, мерцающие над архитектурой буржуазии – гроздь дамских пальчиков, сыплющихся на пол в здании прокуратуры – саламандры-стихии атакуют популярных реформаторов нравственности.

Пылающий шеллак, молочный сахар, стронций, вар, охапки китайских огней – на несколько секунд воздух превращается в озон – режуще-острый – плывущее опаловое облако едкого драконо-фениксового дыма. На мир империя рушится, ее князья и правители бегут в свое стигийское болото, эльфы-огнеметатели шлют им влед плюмажи серы, которые обжигают поджатые задницы отступающих. Дитя-ассасин, психэ огня, царит в мире – одну короткую ночь, жаркую, словно собачья звезда.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Свежее видение

Категории наивного искусства, «сырого» искусства, безумного и эксцентричного искусства, которые, в свою очередь, распадаются на многочисленные категории неопримитивистского и урбано-примитивистского искусства — все эти формы категоризации и наклейки ярлыков на искусство остаются бессмысленными: то есть не просто совершенно бесполезными, но и, по сути своей, нечувственными, никак не связанными с телом и желаниями.

Что на самом деле характеризует все эти формы искусства? Не их маргинальность по отношению к мейнстриму искусства-дискурса... Боже упаси, какой там мейнстрим? Какой дискурс? Если мы говорим, что у нас царит постмодернистский дискурс, то понятие «маргинальности» теряет всякий смысл. Пост-постмодернизм, однако, не признает вообще никакого дискурса. Искусство умолкло. Больше не существует категорий, которые могут знаменовать центр или периферию. Мы ведь свободны от этого дерьма, правда?

Неправда. Потому что остается одна категория: капитал. Слишком Поздний Капитализм. Спектакль, Симуляция, Вавилон, как хотите, так и называйте. Любое искусство обретает свою позицию и свой ярлык по отношению к этому «дискурсу». И исключительно по отношению к этому «метафизическому» товарному спектаклю искусство «аутсайдеров» может рассматриваться как маргинальное. Если этот спектакль можно считать «пара-медиа» (во всей его сложности), то искусство аутсайдеров следует назвать искусством им-медиа. Оно не проходит через «пара-медиа» спектакля. Оно предназначено только для художника и его непосредственного окружения (друзей, родных, соседей, племени), и участвует оно только в экономике «дара» — позитивной взаимности. Только эта внекатегориальная категория им-медиа таким образом может приблизить адекватное понимание и защиту телесных аспектов «аутсайдерского искусства», его связи с телом и желаниями, его стремления избежать и даже неведения опосредования / отчуждения, присущего воспроизводству и рекуперации в спектакле. Имейте в виду, что это не имеет ничего общего с содержанием какого-либо аутсайдерского жанра, равно как и с формой и целью, с которой создано произведение; не при чем здесь также наивность или искусственность художника и реципиентов искусства. Его им-медиаизм заключается только в средствах производства, которыми пользуется воображение. Оно осуществляет коммуникацию, или передается от одного человека к другому, «грудь к груди», как говорят суфии, не проходя через искажающий механизм пара-медиа спектакля.

Когда югославское, гаитянское наивное искусство или искусство нью-йоркских граффити было открыто и превращено в товар, результаты оказались неудовлетворительными по нескольким параметрам: 1) в терминах псевдодискурса «мира искусства» вся так называемая наивность обречена оставаться странной, даже китчевой, и явно маргинальной — даже когда за нее платят высокую цену (в течение года-двух); 2) превращение в товар включает художника в отношения «негативной взаимности» — то есть если раньше вначале художник «обретал вдохновение» как бесплатный дар, а потом «делал подношение» непосредственно другим людям, которые могли

или не могли отплатить пониманием, заблуждением или индейкой и кружкой пива («позитивная взаимность»), то теперь художник творит за деньги и получает деньги, в то время как все аспекты обмена «дарами» уходят на второй уровень важности и в конце концов исчезают (негативная взаимность). В конце концов, мы получаем «туристское искусство», снисходительное одобрение или снисходительную скуку тех, кто больше не хочет платить за нечто «неаутентичное»; 3) или же мир искусства, как вампир, высасывает энергию из аутсайдера, всю до капли, а потом передает труп миру рекламы или «популярных» развлечений. В ходе такого воспроизведения искусство теряет свою «ауру», сохнет и умирает. Конечно, утопический след может сохраниться, но по сути искусство предано.

Несправедливость таких терминов, как безумное или неопримитивистское искусство заключается в том, что это искусство творится не только безумцами и невинными душами, но и всеми теми, кто избегает отчуждения парамедиа. Его истинное обаяние — в той интенсивной ауре, которую оно приобретает благодаря своему непосредственному воображаемому присутствию; не только в «визионерском» стиле или содержании, но и, что важнее всего, в том, что оно настоящее (то есть оно «здесь» и оно «дар»). В этом смысле оно благороднее искусства «мейнстрима» постмодернистской эпохи — которое как раз представляет собой искусство отсутствия, а не присутствия.

Единственный правильный способ («красивый» способ, как говорят хопи) обращаться с искусством аутсайдеров — это держать его «в тайне», отказываться от каких-либо его определений, передавать его «по секрету», с глазу на глаз, грудь к груди — не пользуясь при этом парасредствами (глянцевыми журналами, ежеквартальными изданиями, галереями, музеями, книжками, которые читают в кафе, MTV и т. п.). А еще лучше — самим сделаться «безумными» и наивными — ибо именно такой ярлык наклеит на нас Вавилон, если мы не будем больше ни поклоняться ему, ни критиковать его — и вспомнить о собственной пророческой сущности, о своем теле, о своей «истиной воле».

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Молчание

Проблема не в том, что откровений слишком много. Беда в том, что у каждого откровения находится свой спонсор, свой генеральный директор, свой ежемесячный журнальчик, свои клонированные Иуды и взаимозаменяемые люди.

Нет ничего худого в том, чтобы знать слишком много, но можно пострадать от виртуализации знаний, их отчуждения от нас и их заменой на скучного, дикого оборотня — симулякр: те же данные, да, но уже мертвые, как овощи из супермаркета: полное отсутствие «ауры».

Наша болезнь (1 января 1992 г.) коренится вот в чем: мы слышим не речь, а эхо, или, скорее, бесконечное воспроизведение речи, ее отражение в серии отражений самой себя, еще более самодостаточных и извращенных. Головокружительные перспективы такого информационного ландшафта виртуальной реальности вызывают у нас тошноту, потому что в нем нет темных мест, нет привилегированной непрозрачности.

Бесконечная доступность знаний, которые просто не в состоянии взаимодействовать с телом или с воображением — собственно, манихейский идеал бесплотной бездушной мысли — современные медиа и политика как чистая гностическая рассудочность, анестетическое пережевывание архонов и эонов, самоубийство избранности...

Все органическое имеет свой секрет — оно выделяет секреты; как сок. Неорганическое — это демоническая демократия — все равно, но равно не имеет ценности. Никаких даров, только товары. Манихеи изобрели ростовщичество. Знание может действовать как яд, об этом говорил еще Ницше.

Внутри органического («природы», «повседневности») заключено некое молчание, большее, чем просто немота, непрозрачность, большая, чем простое незнание — секретность, в то же время являющаяся утверждением — такт, которому ведом каждый акт, который умеет изменять вещи, вдыхать в них жизнь.

Не «облако незнания», не «мистицизм» — мы вовсе не желаем снова возвращаться к этому обскурантистскому печальному оправданию фашизма, тем не менее, мы могли бы разбудить в себе своеобразное даосское чувство «вещи как она есть» — «цветок не умеет говорить», и, конечно же, не гениталии наделяют нас логосом. (Хотя, если подумать, это последнее утверждение, возможно, не так уж и неверно: в конце концов, миф предлагает нам архетип Приапа, говорящего пениса). Оккультист спросит, как «работать» с этим молчанием — а мы скорее зададим вопрос, как с ним играть — как музыканты или как Гераклитов играющий мальчик.

Дурное настроение, при котором все дни кажутся одинаковыми. Когда в этом гладком времени появятся хоть какие-нибудь неровности? Трудно поверить в возвращение Карнавала или сатурналий. Может быть, время здесь остановилось в плероме, здесь, в мире гностической мечты, где наши тела разлагаются, но наш «дух» загружен в вечность. Мы знаем так много, как же получилось, что нам не ведом ответ на этот самый больной вопрос?

Потому что ответа (как в «Арфократах» Одилона Редона) не существует на языке воспроизведения, а только на языке жеста, прикосновения, запаха, охоты. В конце концов, виртуальность неодолима — еда и питье есть еда и питье — ленивый вол вспахивает кривую борозду. Удивительный мир знаний превратился в нечто вроде PBS

Special из ада. Я хочу настоящего ила в моей реке, настоящей тины. Да, туземцы не только мрачны, они и молчаливы — полная некоммуникативность. Да, гринго, надоели нам твои вонючие переписи, тесты и анкеты. Есть вещи, о которых бюрократам знать не положено, а есть и такие вещи, которые даже художники должны держать в секрете. Это не самоцензура и не незнание себя. Это космический такт. Это наша дань органике, ее неровному течению, ее водоворотам и омутам, ее болотам и пущам. Если искусство станет «работой», оно станет знанием и, в конце концов, потеряет свою искупительную силу и даже вкус. Но если искусство — «игра», то оно будет хранить секреты и разбалтывать секреты, которые останутся секретами. Секреты существуют для того, чтобы ими делиться, как вся секреция природы.

Является ли знание злом? Мы же не манихеи с их зеркальным образом мира — мы пользуемся диалектикой, чтобы разбить несколько кирпичей. Есть знание *dadata*, есть знание *commodata*. Есть знание-мудрость, а есть и такое, которое просто служит оправданием ничегонеделания и нежелания. Чистое академическое знание, например, или познания в нигилистическом постмодернизме отбрасывает тень в мир не-мертвого — и не-рожденного. Одни знания дышат, другие душат. То, что мы знаем, и то, как мы это знаем, должно корениться в плоти — во всей плоти, не только в мозгу, законсервированном в формальдегиде. Знание, которого мы хотим, не утилитарное и не чистое, а праздничное. Все остальное — это пляска смерти призраков информации, «манящие красотки» массовых средств, культ карго, царящий в эпистемологии Слишком Позднего Капитализма.

Конечно, если бы я мог избежать этого дурного настроения, я бы сделал это, и взял вас с собой. Что нам нужно, это план. Взрыв тюрьмы? Подземный ход? Ружье, вытесанное из куска мыла? Заостренная ложка? Веревоочная лестница в пироге? Новая религия?

Давайте, я буду вашим бродячим епископом. Мы станем играть с молчанием и присвоим его. Как только придет весна. Скала в реке, о которую разбивается надвое ее течение. Представьте ее: мшистая, влажная, поблескивающая, как облитая дождем, позеленевшая медь, в которую ударила молния. Огромная жаба, похожая на живой изумруд, на майский день. Сила жизни, так же как сила лука или лиры, в оттягивании назад.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Колдовство

Вселенная хочет играть. Те, кто отказываются от игры из соображений сухой духовной скупости и предпочитают чистое созерцание как оплот собственной человечности — те, кто отказываются из-за скучного страдания, те, кто колеблются, теряют свой шанс в мире божественного — те, кто лепят себе безглазые маски из идей и мечутся в поисках какого-либо доказательства того, что они твердо стоят на ногах, кончают тем, что смотрят на мир глазами мертвецов.

Колдовство: систематическое культивирование усиленного сознания или неординарного знания, и распространение и на мир деяний и предметов с целью достигнуть желаемого результата.

Открытие внутренних каналов восприятия постепенно изгоняет фальшивые «я», наши какофонические призраки — «черная магия» вендетты и зависти отстреливается, потому что Желание не терпит насилия. Там, где наше знание о красоте приходит в гармонию с *ludus naturae*, начинается колдовство.

Нет, не сгибание ложек и не гороскопы, не «Золотая зоря» и не поддельный шаманизм, астральная проекция сатанинской массы: если вам требуется мумбо-юмбо, займитесь реальными вещами: банковским бизнесом, политикой, общественными науками, а не этой дохлой чепухой в духе Блаватской.

Колдовство занимается тем, что создает вокруг себя вселенную, невыразимую обычным путем: метаморфоза повседневности в ангельские сферы. Для этого требуется манипуляция символами (они ведь тоже предметы) и людьми (они ведь тоже символы): архетипы представляют собой словарь, необходимый для этого процесса, и поэтому воспринимаются одновременно как реальность и как нереальность — как слова, йога воображения.

Колдун — простой реалист: мир реален — но тогда и сознание должно быть реальным — ведь его плоды так осязаемы. Зануде даже вино кажется безвкусным, а колдун может опьянеть и от одного вида воды. Мир опьянения определяется качеством восприятия — но чтобы сохранить его и распространить на других, необходим определенный род деятельности — колдовство. Колдовство не нарушает законов природы, потому что Природного Закона не существует: есть лишь спонтанность *natura naturans*, Дао. Колдовство нарушает законы, которые стремятся поработить этот поток, — попы, цари, иерофанты, мистики, ученые и лавочники всех сортов — враги колдуна, ибо он угрожает их фарсовой власти, цепкой прочности их иллюзорной сети.

Стихотворение может действовать как заклятие и наоборот — но колдовство отказывается служить метафорой обычной литературе — оно настаивает на том, что символ должен влечь за собой события так же, как личные богоявления. Оно не критика, а создание заново. Оно отрицает любую эсхатологию и метафизику уничтожения, унылую ностальгию и напористый футуризм — в пользу пароксизма или приступа настоящего.

Ладан и хрусталь, кинжал и меч, жезл, мантия, ром, сигары, свечи, травы подобны засушенным сновидениям — девственный юноша, пристально глядящий в банку с чернилами — вино и анаша, янтры и жесты — ритуалы наслаждения, сад гурий и сакий — колдун карабкается по этим змеям и лестницам к моменту, полностью насыщенному собственными красками: когда горы — это горы, а деревья — деревья, когда тело становится всем

временем, а тот, кого любишь – всем пространством.

Тактика онтологического анархизма коренится в этом тайном искусстве – цели онтологического анархизма обнаруживаются в расцвете этого искусства. Хаос наказывает своих врагов и вознаграждает приверженцев... эта странная желтеющая брошюра, подписанная псевдонимом и покрытая пылью, разоблачает все... вперед же, за долей секунды из вечности.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Тонг

Сила мандаринов в законах,
Сила народа в тайных обществах.

Китайская поговорка

Прошлой зимой я прочитал книгу о китайских тонгах («Примитивные революционеры Китая: исследование тайных обществ конца XIX века». Фей-Лун Дэвис, Гонолулу, 1971—1977), может быть, первую, написанную человеком, который не работал в Британской секретной службе (на самом деле она была китайской социалисткой и умерла молодой — это ее единственная книга) — и впервые понял, почему я всегда симпатизировал тонгам: не только за их романтизм, эlegantный декадентский ориентальный декор, это само собой, но также за форму, структуру, самую суть дела.

Несколько позже из прекрасного интервью с Уильямом Берроузом в журнале «Номосог» я узнал, что он также очарован тонгами и считает их идеальной моделью организации изгоев, особенно в нашу эпоху говенного морализма и истерии. Я бы с ним согласился и распространил эту рекомендацию на все маргинальные группы, особенно те, чья любовь к жизни связана с беззаконием (сексуальные еретики, бунтари и пр.) или крайней эксцентричностью (нудисты, язычники, поставангардистские художники, и т.д., и т.п.).

Организацию тонгов, пожалуй, можно определить как общество взаимной выгоды для людей с общими интересами, притом незаконными или опасно маргинальными: отсюда необходимое сохранение тайны. Многие китайские тонги вертелись вокруг контрабанды и ухода от налогов, или же тайного управления некоторыми видами торговли (в противовес государственному управлению), или же бунтарски-политических или религиозных задач (например, таких, как свержение маньчжуров — некоторые тонги сотрудничали с анархистами в революции 1911 года). Общей целью тонгов было собирать и вкладывать членские и вступительные взносы в страховые фонды в пользу бедняков, безработных, вдов и сирот погибших членов организации, на похороны и т.п. В эпоху, подобную нашей, когда бедняки оказались между ракообразной Сциллой индустрии страхования и быстро испаряющейся Харибдой социальных служб и здравоохранения, эта цель тайного общества может вновь обрести свое обаяние. (По этому принципу организовывались масонские ложи, а также нелегальные профсоюзы и «рыцарские ордены» мастеровых и ремесленников.) Другой универсальной целью таких обществ были, конечно, радости совместной жизни, в частности, пирушки — но даже это совершенно безвредное удовольствие может приобрести оттенок бунтарства. В различных французских революциях, например, банкетные клубы нередко принимали роль радикальных организаций в то время, когда все прочие формы публичных собраний были запрещены.

Недавно я разговаривал о тонгах с П.М., автором «боло-боло» (серия «Иностранные агенты семиотекста»). Я утверждал, что тайные общества снова приобретают осмысленность для групп, стремящихся к автономии и личной реализации. Он не согласился, но не потому (как я ожидал), что тайность несет в себе оттенок «элитарности». Он считал, что такие формы организации лучше всего действуют в уже крепко спаянных группах с прочными экономическими, регионально-этническими или религиозными связями — а на современной маргинальной сцене этих условий нет или они находятся в зачаточном состоянии.

Вместо этого он предложил создавать многоцелевые районные центры, с тем чтобы расходы на них делили различные группы с особыми интересами и объединения мелких предпринимателей (кустарные мастерские, кофейни, зрелищные учреждения и т.п.). Для таких крупных центров потребуется официальный статус (государственное признание), но, скорее всего, они станут средоточием всевозможной неофициальной деятельности — черных рынков, временных штаб-квартир протеста или бунтарских акций, неконтролируемого «досуга» и ненаблюдаемого сожительства и т.п.

В ответ на критику П.М. я не отказался от своей идеи о том, что такое современный тонг, но слегка изменил ее. Жестко иерархическая структура традиционного тонга определенно не работает, хотя некоторые из ее форм можно сохранить и использовать точно так же, как используются титулы и почести в наших «свободных

религиях» (или «странных религиях», «шуточных религиях», анархо-неоязыческих культах и т.п.). Неиерархическая организация нам симпатична, но симпатичны нам также обряд, ладан, прелестный антураж оккультных орденов — «Эстетика тонг», как можно было бы это назвать, — так почему бы нам одновременно и на паровозике не покататься, и пирожок не съесть (особенно если это марокканский маджун или ромовая баба — что-то почти запрещенное!). Помимо всего прочего, тонг должен быть произведением искусства.

Жесткое традиционно правило соблюдения тайны также следует изменить. В настоящее время все, что избегает идиотского взгляда рекламы, на самом деле тайно. Большинство современных людей, кажется, неспособно поверить в реальность, которую никогда не видело по телевизору, — поэтому чтобы избежать телевуализации, нужно быть полуневидимкой. Более того, то, что мы видим при посредстве средств коммуникации, само становится несколько нереальным и теряет силу (я не буду аргументировать этот тезис, но просто напомню читателю ту последовательность мыслей, которая идет от Ницше к Беньямину, Батаю, Барту, Фуко, Бодрийяру). Напротив, может быть, то, что остается невидимым, сохраняет свою реальность, свою укорененность в повседневной жизни и, следовательно — в возможности чудес.

Таким образом, современный тонг не может быть элитарным — но нет никаких причин, по которым он не может быть избирательным. Многие неавторитарные организации существовали на сомнительном принципе открытого членства, что часто ведет к засилью жоп, йеху, неумех, хнычущих невротиков и полицейских агентов. Если тонг организовывается по интересам (особенно если это незаконные или маргинальные интересы), он, безусловно, имеет право формироваться по принципу «сродства душ». Если тайность означает а) избегание публичности и б) тщательный отбор возможных членов, то «тайное» общество вряд ли можно обвинить в нарушении анархистских принципов. Собственно, у таких обществ — долгая и почетная история в антиавторитарном движении, от прудоновской мечты о возрождении Священных Фем как своеобразного «народного правосудия» до различных планов Бакунина, до «Странников» Дуррути. Мы не должны позволять марксистским историкам убеждать нас, что такие схемы «примитивны» и поэтому остаются за бортом истории. Абсолютность «истории» вообще — в лучшем случае, сомнительная гипотеза. Мы заинтересованы не в возвращении к примитивности, а в возвращении самой примитивности в той степени, в какой примитивность подавляется.

В прежние дни тайные общества появлялись в те времена и в тех местах, где были запрещены государством, то есть там и тогда, когда людей насильственно, с помощью закона, удерживали порознь. В наше время люди существуют порознь потому, что этого требует не закон, а опосредованно и отчуждение (см. ч. 1, «Имmediатизм»). Поэтому тайность становится способом избежать опосредованности, в то время как совместное существование становится не побочной, а первостепенной целью «тайного общества». Просто встречаться вместе, лицом к лицу уже означает акцию против сил, которые угнетают нас с помощью изоляции, одиночества, транса средств коммуникации. В обществе, которое навязывает нам шизоидное раздвоение между работой и досугом, все мы испытали опошление нашего «свободного времени», времени, которое организовано не как работа и не как досуг. (Слово «вакации» когда-то означало «пустое» время — теперь же оно означает время, организованное и заполненное индустрией отдыха.) «Тайная» цель совместного существования в тайном обществе в таком случае становится самостоятельным структурированием и наполнением свободного времени. Многие вечеринки состоят исключительно из оглушительной музыки и чрезмерной выпивки — не потому, что это нам так уж нравится, а потому, что Империя труда внушила нам ощущение, будто пустое время — это время, потраченное зря. Идея посвятить вечеринку, например, изготовлению пуховых одеял или пению мадригалов кажется безнадежно устаревшей. Но для современного тонга это будет и необходимостью, и удовольствием — вырвать свободное время из мира товаров и посвятить его совместному творчеству, игре.

Я уже знаю о нескольких обществах, организованных примерно таким образом, но, конечно же, не хочу срывать с них покров тайны, обсуждая их в печати. Есть люди, которым не нужно пятнадцать секунд фигурировать в вечерних новостях, чтобы доказывать свою реальность. Конечно, маргинальная пресса и радио (единственные средства коммуникации, где появятся эти заметки), так или иначе, практически невидимы, и, во всяком случае, непрозрачны для глаз Контроля. Тем не менее, это принцип: тайны надо уважать. Не обязательно всем знать все! То, чего больше всего не хватает XX веку — и больше всего ему нужно, — это такт. Мы хотим заменить демократическую эпистемологию «эпистемологией дада» (Фейерабенд). Или ты едешь в автобусе, или ты в нем не едешь.

Некоторые назовут это «элитизмом», но это не так, во всяком случае, не в том смысле, в каком понимал это слово Ч. Райт Миллз, имея в виду маленькую группу, которая властвует над теми, кто в нее не входит, ради собственного возвеличения. Имmediатизм вообще никак не связан с властью, он не хочет ни управлять, ни быть управляемым. Поэтому современный тонг не видит никакой радости в том, что низводит учреждения до уровня заговорщических кружков. Власть ему нужна исключительно для внутренней цели взаимности. Это свободная ассоциация людей, которые выбрали друг друга в качестве объектов щедрости группы, ее «экспансивности» (пользуясь суфийским термином). Если это и есть «элитизм», пусть так и будет.

Если имmediатизм начнется с того, что группы друзей не просто станут пытаться преодолеть изоляцию, но и способствовать жизни друг друга, то скоро он захочет принять более сложную форму: ядра, состоящие из взаимно выбравших друг друга союзников, которые работают (играют), для того чтобы занимать все больше пространства и времени вне всяческих опосредованных и контролируемых структур.

Потом он станет горизонтальной сетью таких автономных групп, затем — тенденцией, затем движением, а потом кинетическим сплетением временных автономных зон. И наконец начнет стремиться к тому, чтобы стать сердцевинной нового общества, самозарождающейся в прогнившей скорлупе старого. Чтобы это все произошло, тайное общество обеспечит полезный каркас защитной скрытности — плащ-невидимку, который упадет только в случае какого-нибудь окончательного развала Вавилона опосредованности...

Готовьтесь к войне тонгов!

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Вурнисаж

Что так смешно в искусстве? Не дадаисты ли засмеяли искусство до смерти? Или это смехоубийство произошло еще раньше, с первыми представлениями «Короля Убю»? Или же это сотворил Бодлер со своим саркастически хохотом Призрака Оперы, хохотом, который так раздражал его добрых приятелей-буржуа? Смешное в искусстве (хотя смешное скорее в смысле «странное», чем в смысле «ха-ха») — это вид трупа, который отказывается лежать спокойно, этого зомби-джамбори, этого марионеточного шоу, где все нитки привязаны к капиталу (раздувшемуся плутократу в стиле Диего Риверы), этого издохшего симулякра, лихорадочно дергающегося во все стороны и притворяющегося, что именно он — единственное по-настоящему живое существо во вселенной. Перед лицом подобной иронии, такой крайней двойственности, принимающей характер неодолимой бездны, любая исцеляющая сила смеха в искусстве может показаться только подозрительной — иллюзорным свойством самозваной элиты псевдоавангарда. Чтобы возник настоящий авангард, искусство должно куда-то двигаться, а оно уже давно стоит на месте. Мы упомянули Риверу; в самом деле, в нашем столетии не было политического художника, создающего по-настоящему смешные произведения — но во имя чего? Троцкизма! Самого мертвого тупика в политике XX века! Какая уж тут исцеляющая сила — только пустой звук бессильной насмешки, отзывающийся эхом в бездне.

Чтобы излечить, нужно сначала уничтожить — и политическое искусство, которое не в состоянии уничтожить мишени своего смеха, кончает тем, что только укрепляет те силы, которые пытались атаковать.

«То, что меня не убивает, только придает мне сил», — ухмыляется свиноподобная фигура в лоснящемся цилиндре (конечно, издеваясь над Ницше, беднягой Ницше, которые пытался засмеять до смерти все XIX столетие, но окончил жизнь живым трупом, и в результате его же сестра привязала нитки к его рукам и ногам, сделав из него марионетку, пляшущую по воле фашизма).

В этом процессе нет ничего таинственного или метафизического. Обстоятельства, а именно бедность однажды заставила Риверу принять приглашение приехать в США и написать фреску для Рокфеллера! — самой архетипической свиньи Уолл-Стрита! Ривера создал кричащий образчик коммунистического агитпропа — и тогда Рокфеллер велел его стереть. И, как будто одно это еще не достаточно смешно, Рокфеллер мог бы праздновать еще более сладкую победу, если бы не уничтожил работу, а оплатив ее и выставив на обозрение, превратив ее в Искусство — этого беззубого паразита, созданного декоратором интерьера, эту хохму.

Мечта романтизма состоит в том, чтобы заставить реальный мир буржуазных ценностей потреблять, принимать искусство, которое на первый взгляд ничем не отличается от прочего искусства (книги для чтения, картины, чтобы вешать на стены, и т.п.), но на самом деле призвано заразить эту реальность чем-то иным, заставить ее по-новому взглянуть на себя, перевернуть ее, заменить революционными ценностями искусства.

Об этом же мечтали и сюрреалисты. Даже дада, несмотря на внешний цинизм, еще смели надеяться, от романтизма к ситуационизму, от Блейка к 1968-му, каждая сбывшаяся вчера мечта назавтра становилась внутренним декором — была куплена, пережевана, воспроизведена, продана, загнана в музеи, библиотеки, университеты и прочие мавзолеи, забыта, утеряна, восстановлена, превращена в безумие ностальгии, воспроизведена, продана и т. д. — *ad nauseam*.

Чтобы понять, насколько удачно Крукшенк, Домье, Гранвиль, Ривера, Тцара или Дюшан расправлялись с буржуазным мировоззрением своего времени, нужно похоронить себя под лавиной исторических ссылок и галлюцинировать — потому что, на самом деле, уничтожение смехом было теоретически успешным, а на практике — провалом: мертвый груз иллюзий даже на дюйм не подтолкнули ураганы смеха, атаки смеха. В конце концов, рухнуло не буржуазное общество, а искусство.

В свете сыгранного с нами трюка нам представляется, что у современного художника два варианта выбора (поскольку самоубийство не выход): первый — вести атаку за атакой, создавать движение за движением, в надежде, что когда-нибудь «это» станет таким слабым и пустым, что испарится и внезапно оставит нас одних на поле боя; или же — вариант второй — начать уже сей час жить так, как будто сражение уже выиграно, как будто уже сегодня не каждый художник — это особый человек, а каждый человек — по-своему художник. (Ситуационисты называют это «подавлением и реализацией искусства»).

Оба эти варианта настолько «невозможны», что следование любому из них — это уже шутка. Нам не нужно творить «смешное» искусство, потому что само творчество уже так смешно, что животики надорвешь. Но это, по крайней мере, будет наша собственная шутка. (И кто скажет наверняка, что из этого ничего не выйдет? «Я

предпочитаю не знать будущего» — Ницше).

Чтобы начать играть в эту игру, нам нужно установить для себя определенные правила.

1. Никаких идей. Никакого сексизма, фашизма, расизма, луксизма и прочих расхожих идей, которые можно вышелушить из социального комплекса и рассматривать в «дискурсе» как «проблему». Существует только тотальность, которая объединяет все эти иллюзорные «идеи» в абсолютную фальшь своего дискурса, таким образом превращая все мнения, все «за» и «против», в интеллектуальный товар, который можно покупать и продавать. И эта тотальность сама по себе — иллюзия, зловерный кошмарный сон, от которого мы пытаемся (с помощью искусства, юмора или любыми другими средствами) очнуться.

2. Мы должны делать все, что только можем, за пределами духовной и экономической структуры, установленной тотальностью в качестве дозволенного пространства для игры в искусство. Как, спросите вы, мы сможем жить без галерей, агентов, музеев, коммерческого книгоиздательства и прочих социальных служб искусства? Что ж, не надо требовать невозможного. Но стремиться к невозможному необходимо — иначе какого хрена становиться художником? Недостаточно занять особое место на священной жердочке под названием искусство, чтобы оттуда насмехаться над глупостью и несправедливостью обывательского мира. Искусство — часть проблемы. Мир искусства засунул себе голову в задницу, и ее пора вытащить, если не хотите наслаждаться пейзажем, полным дерьма.

3. Конечно, нужно продолжать как-то «зарабатывать на жизнь», но самое главное — это творить жизнь. Что бы мы ни делали, какой бы вариант ни выбрали (возможно, все сразу), на какие бы компромиссы ни шли, мы должны молиться о том, чтобы никогда не путать искусство с жизнью. Искусство кратко, жизнь долга. Мы должны готовить себя к тому, чтобы скользить, скитаться, кочевать, ускользать из любых сетей, никогда не становиться оседлыми, прожить до конца многие искусства, жить лучше, чем творить, сделать из искусства предмет гордости, а не извинений.

4. Исцеляющий смех (в противоположность ядовитому, разъедающему смеху) может появиться только в серьезном искусстве — «серьезном» не значит «трезвом». Бесцельная болезненность, циничный нигилизм, модная постмодернистская фривольность, нитье-вытье-стоны (либеральный культ «жертвы»), усталость, бодрийаровская ироническая гиперконформность — ни один из этих вариантов не серьезен в достаточной степени, и в то же время не обладает достаточной степенью интоксикации для наших целей, и уж тем более не вызывает смеха.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Кредо средств массовой информации для Fin de Siecle

1

Мы можем определить «средства массовой информации» согласно тому, как выражает или не выражает себя данная среда, чтобы быть «объективной» — в трех смыслах этого слова, а именно то, что она «объективно сообщает» относительно действительности; что она определяет себя как часть естественного состояния действительности; и что она принимает то, что действительность может быть отражена и представлена в качестве объекта обозревателем этой действительности.

«Средства массовой информации» — обозначение, используемое здесь как во множественном, так и в единственном числе, — ставят в скобки все субъективное и изолируют его от основной структуры медиации, которая открыто признана самоотражающим взглядом социального, «беспристрастного», «уравновешенного», чисто эмпирического репортажа. Преднамеренно стирая линию между объективным и субъективным — как в «infotainment», или в «мыльных операх», которые, как много людей верят, «реальны», или в документальных полицейских программах «с реальной жизнью», или в рекламировании, или в ток-шоу — СМИ строят изображение из ложной субъективности, пакетированной и проданной потребителю в качестве подобия его / ее собственных «чувств», «личных мнений» или субъективности. И в то же самое время, Средства информации строят ложную объективность (или построены на ее основе), ложную тоталитарность, которая навязывает себя в качестве авторитетного взгляда на мир — гораздо большего чем любой простой предмет — неизбежного, неотвратимого, истинной силы Природы.

Таким образом, каждое «чувство» или «личное мнение», возникающее в пределах потребителя, чувствуется как глубоко личным, так и объективно истинным. Я покупаю это, потому что я люблю это, потому что это лучше; я поддерживаю Войну, потому что это справедливо и благородно, и потому что это производит такое интересное волнение («Буря в пустыне», мини-серии, сделанные для телевизионного прайм-тайма). Таким образом, кажется, что, чтобы опровергнуть одно только субъективное (или поставить в скобки, как «искусство»), Средства массовой информации активно восстанавливают объект и воспроизводят его в виде элемента единого целого, полного отражения всеобщего взгляда: совершенный товар — себе.

Конечно все СМИ ведут себя подобно этому в некоторой степени, и, возможно, должны быть сознательно отвергнуты или «критиковаться» точно в такой же степени. Книги могут быть столь же ядовиты, как Радио Тор-40, и так же ложно объективны, как Вечерние Новости. Большое различие — то, что любой может произвести книгу. Это стало «близкой средой», такой, в которой задействованы критические способности, потому что теперь мы знаем и понимаем книгу субъективной. Каждая книга, как заметил Кальвино, реализовывает свою персональную *politique*, сознает ли автор это или нет. Наше понимание этого увеличилось в прямой пропорции с нашим доступом к среде. И точно, потому что книга больше не обладает той аурой объективности, которой наслаждались, скажем, в 16-ом столетии, эта аура мигрировала из личных средств информации в «Средства массовой информации», в «общественные» средства информации, типа телевидения.

В этом смысле средства массовой информации остаются по определению закрытыми и недоступными моей субъективности. СМИ хотят строить мою субъективность, а не быть построенными ей. Если это произойдет, они станут — снова по определению — другой близкой средой, лишенной требований быть объективной, сокращенной (в Захватывающих сроках) до относительной незначительности. Очевидно, СМИ будут сопротивляться этой возможности, но будут делать это так точно, приглашая меня вложить мою субъективность в их разностороннюю деятельность. Они восстановят мою субъективность, поставят ее в скобки, и начнут использовать ее, чтобы укрепить собственную ложную объективность. Они продадут мне иллюзию того, что я «выразил себя», либо, продавая «выбранный» мною образ жизни, либо, приглашая меня «появиться» в пределах представления взглядов.

В 1960-ых СМИ все еще были в процессе своего становления и еще не укрепили контроль над царством изображения. Произошло несколько странных поломок. Они пробовали тривиализировать и демонизировать контркультуру, но по неосторожности преуспели в создании ее привлекательного образа; они пробовали прославлять и оправдывать неоколониальную войну во Вьетнаме, но по неосторожности показали ее жестокой и бессмысленной, подобно дурной галлюцинации, вызванной ЛСД. Эти поломки происходили из-за разногласия между идеологией и изображением. Голос сказал нам, что контркультура шутовская и злая, но она напоминала забаву; голос сказал нам, война справедливая и героическая, но она напоминала Ад. К счастью для СМИ, несмотря на это, Маршалл Маклюэн и Ги Дебор, согласились объяснить, что происходит на самом деле, и ситуация была скоро исправлена. (Маклюэн хотел уполномочить СМИ, Дебор — уничтожить их, но оба автора исследовали и критиковали с таким пониманием дела, что их результаты оказались полезными для СМИ в качествах, которые ни один из них не мог и предположить). Средства массовой информации были способны перенести идеологию и изображение в фокус, если можно так выразиться, и устранять фактически все внутренние разногласия.

В течение 1960-ых некоторые люди начали ощущать или даже понимать несоответствие идеологии с изображением в средствах массовой информации, и почувствовали в тот момент щель, неохраняемые средства доступа к власти). Контркультура и движения протеста начали разыскивать «разоблачение средств массовой информации», потому что они были уверены, что их изображение было более привлекательно чем идеология, которая стремилась интерпретировать это изображение. Некоторые теоретики стали всеведущими при захвате средств массовой информации. Глаз, казалось, непреодолимо привлекало пристально глядеть на некоторые изображения, даже на те изображения, которые были зашифрованы как нападения на «систему» или «истеблишмент». Но повторимся еще раз, СМИ выжили — и даже процветали — на самих оппозиционных диссидентских образах, стремившихся нападать на власть. Наконец, что было важно, было «хорошее телевидение», и телевидение процветало на горячих образах протеста, трюках радикально настроенных хиппи, дьявольских рок-звездах, психоделической эстетике и т.п..

Средства информации казались теперь гораздо более сильными и более эластичными, чем оппозиция; фактически, телестудию действительности штурмовали (как утверждал Берроуз), и она сопротивлялась, открывая все воображаемые двери и глотая врагов. В конечном счете, можно было появляться в Средствах информации только в виде образа, и как только один уменьшил себя до этого статуса, он просто присоединялся к теневой игре предметов потребления, мира образов, зрелища.

Без нескольких сотен миллионов на покупку сети непосредственно для вас, не имелось никакого способа наложить субъективность на СМИ. (И даже это оказалось невозможным, так как никто с такими большими деньгами и самомнением никогда не мог производить совсем не гнетущую банальность; является ли это «законом природы»?)

Другими словами, в шестидесятых средства массовой информации проиграли несколько сражений, но выиграли войну. Как только они поняли, что среда (изображение) — это послание (идеология), и что эта идентичность непосредственно составляет зрелище и их мощь, будущее стало безопасно. Кеннеди действовал подобно актеру, чтобы получить власть, а Рейган был актером — первым символом восхождения зрелища и их разъединения в виде чистого моделирования. Потом Буш совершенствовал «чистоту» или моделировал войну, но Клинтон является нашим первым полностью «виртуальным» президентом, символом абсолютной идентичности образа и идеологии. Дело не в том, что теперь СМИ имеют всю «власть», или что они используют ее любым конспирологическим способом. На самом деле, не существует никакой «власти», есть только полная и ложная тоталитарность, о которой собственно и идет речь, ложная и тоталитарная объективность — абсолютная Империя Образа, вне которой ничего нет, кроме патетической, ничего незначащей, и (фактически) нереальной субъективности индивидуума. Моя субъективность. Моя абсолютная бессмысленность.

5

Поскольку дело обстоит так — и это так очевидно — то казалось бы причиной для изумления, что теоретики средств массовой информации и активисты все еще говорят и ведут себя, как будто они в 1964, а не в 1994 — почти на треть столетия позже. Мы все еще слышим о «захвате средств массовой информации», проникающем, ниспровергающем, или даже о преобразовании средств массовой информации. Конечно, некоторые из манипуляторов основных средств массовой информации 60-ых все еще живы, Аллах благословляет и сохраняет их, старых битников и хиппи, и можно прощать им то, что они докучают нам своей тактикой, которая когда-то, кажется, работала для них. Что касается меня, то, несмотря на это, был один из тех старых типов 60-ых, кто предупредил меня относительно того, что действительно происходит. В 1974 я был на обеде в Тегеране, Иран, в доме самого хиппового канадского посла Джеймса Джорджа с Иваном Ильичем, когда пришла телеграмма от Губернатора Брауна из Калифорнии, который приглашал Ильича лететь туда за его — Брауна — счет, чтобы появиться с ним на ТВ и принять пост в администрации. Ильич, который был довольно святым индивидуумом, потерял самообладание первый и единственный раз в течение своего пребывания в Иране, и начал проклинать Брауна. Когда мы с Послом выразили замешательство при виде этой реакции на сердечное предложение денег, известности и влияния, Ильич объяснил, что Браун пытается уничтожить его. Он сказал, что он никогда не появится по телевидению, потому что его полная задача состоит в том, чтобы предложить критический анализ организаций, а не волшебную пилюлю, чтобы вылечить болезни человечества. Телевидение было способно предложить только простые ответы, а не сложные вопросы. Он отказался стать гуру или звездой средств массовой информации, когда его реальная цель состояла в том, чтобы вдохновить людей, чтобы подвергнуть сомнению власть и начать думать самим. Браун хотел показать образ Ильича (харизматического, умеющего четко формулировать свои мысли, с необычными взглядами, вероятно, очень телевизионного) но не заставлять задумываться относительно критических анализов Ильича общества потребления и политической власти. Кроме того, «Дон Иван» сказал, что он ненавидит летать и принял наше приглашение на Иран, только потому, что наше письмо было настолько полно печатных ошибок!

6

Ответ Ильича на вопрос, «почему Вы не появляетесь в средствах массовой информации?», был о том, что он отказался исчезать из средств массовой информации. Каждый человек в силу своей истинной субъективности не может появляться в «средствах массовой информации» (и политическое персонально настолько, насколько персональное политично); поэтому нужно отказать СМИ в любой вампирической энергии, которую они могут извлечь из манипуляции (или просто владения) изображением.

Я не могу «захватить средства массовой информации» даже если я покупаю их и принимать гласность от, скажем, «Нью-Йорк Таймс», журнала «Тайм» или сети телевидения, что просто составило бы commodification моей субъективности, либо эстетический («чувства», искусство), либо критический («мнения», агитация и пропаганда). Если я желаю вызвать этот commodification — если я хочу деньги и известность — должна быть какая-то причина для «появления в СМИ» — даже при риске потерпеть поражение и быть рассекреченным (Взглядом, который открыт, надоедлив и легко сбит с толку). Но если я оцениваю мою субъективность как нечто большее по сравнению с сомнительной азартной игрой в известность в течение 15 минут и дважды, смотря насколько много серебряных монет, я буду иметь одну очень хорошую причину не «появляться», не быть пристально разглядываемым. Если я хочу, чтобы моя собственная «каждодневная жизнь» была местом чудес, я отнюдь не желаю воплощать эти желания в бестелесную прогрессию образов для общественного потребления (или отклонения), тогда я буду иметь другую хорошую причину уклониться от средств массовой информации, а отнюдь не пытаться «захватить» их. Если я желаю «революции», у меня есть неоспоримый повод, чтобы не менять шанс социального изменения на изображение изменения, или (даже хуже) на изображение моего желания революции, или (еще хуже) на изображение предательства моего желания.

С этой точки зрения я могу видеть только две возможные стратегии по отношению к «Средствам Массовой Информации». Во-первых, вкладывать наши усилия в хорошо знакомые средства массовой информации, которые все еще могут играть подлинную роль («положительная медиация») в повседневных жизнях нас самих и других людей. И во-вторых, приближаться к «главным общественным средствам массовой информации» (или «отрицательной медиации») либо способом уклонения, либо способом разрушения. Творческий потенциал в этом случае должен быть действительно разрушительным, так как «пространство», занятое ложным представлением может быть «освобождено» только насилием. Само собой разумеется, я не имею в виду насилие по отношению к индивидуумам — которое в этом случае было бы крайне бесполезно, хотя и соблазнительно — но насилие по отношению к организациям. Я допускаю, что в и обеих стратегических позициях (уклонение и разрушение) я еще не разработал очень много специфических и эффективных тактик — и, конечно, тактик жизненно необходимых, так как мы определенно должны прорваться через призрачное царство идеологии и изображения на реальное «поле битвы», которую можно сравнить с войной. Последнее, что нужно нам в этой борьбе — более наивные теории относительно захвата средств массовой информации, ведении подрывной работы изнутри или освобождении радиоволн. Дайте мне один пример радикального поглощения главных средств информации, я заткнусь и буду просить работу в PBS (public broadcast systems — местные кабельные телевизионные сети в США — прим.ред.), или начну смотреть кругом в ожидании нескольких миллионов долларов.

Источник утерян. Текст был найден где-то в интернете.

Если это читает переводчик данного текста и у него есть желание видеть здесь свою подпись, или иные претензии, я с удовольствием выслушаю его в гостевой книге САНСП.

Дикие дети

Бездонная лунная дорожка – полночь, середина мая в некоем государстве, название которого начинается на I, такого двухмерного, что едва ли можно говорить о его географии; лучи так настойчивы и осязаемы, что приходится задергивать шторы, чтобы начать думать словами.

Нет и речи о том, чтобы написать Диким детям. Они мыслят образами: проза для них – это код, еще не до конца переваренный и окостеневший, так же как для нас – не полностью достойный доверия.

Можно написать о них, так чтобы другие, потерявшие серебряную цепочку, могли последовать за ними. Или писать для них, превратив повествование в эмблему в процесс соращения в ваши собственные палеолитические воспоминания, в варварский соблазн свободы (хаоса как его понимают ХАОС).

Для этой породы не от мира сего, или третьего пола – *enfants sauvages* – фантазия и воображение по-прежнему нераздельны. Необузданная ИГРА: одновременно источник нашего искусства и самого поразительного эроса всего рода человеческого.

Объять беспорядок одновременно как исток стиля и как кладезь страсти, основу нашей чуждой и оккультной цивилизации, нашей заговорщической эстетики, нашего лунатического шпионажа – на это способен (не будем этого отрицать) либо художник, либо десяти-тринадцатилетний ребенок.

Дети, чьи проясненные чувства предают их, уводя в блистательное колдовство прекрасного наслаждения, отражают нечто *feral and smutty* в природе самой действительности: онтологические анархисты от природы, ангелы хаоса – их жесты и телесные запахи свидетельствуют о джунглях существования вокруг них, это целый лес предсознани, полный змей, оружия ниндзя, черепах, футуристического шаманства, невероятного беспорядка, писанья, призраков, солнечного света, прыжков, птичьих гнезд и яиц – ликующая агрессия против взрослых Нижнего мира, столь бессильных вместить и разрушительные эпифании, и созидания в форме мелких выходов, хрупкого, но достаточно острого, чтобы резать лунный свет.

И все же обитатели этих нижних сточных вод всерьез верят, что могут править судьбами Диких детей – здесь, внизу эта порочная убежденность действительно формирует в основном вещества случайные.

Единственные, кто в самом деле желает разделить озорную судьбу этих дикарей-беглецов, или младших партизан, а не диктовать ее, единственные, кто способен понять, что беречь и отпускать на свободу – это одно и то же, – это в основном художники, анархисты, извращенцы, еретики, те, кто существует отдельно (друг от друга так же, как и от остального мира) или способны встречаться лишь так, как дикие дети, вперяясь друг в друга долгими взглядами за обеденным столом, в то время как взрослые кривляются под своими масками.

Слишком юные для своих харлеев-вертолетов – отщепенцы, брейк-дансисы, едва достигшие половой зрелости поэты плоских затерянных станций – миллионы искр, летящих от ракет Рэмбо и Маугли – тощие террористы, чьи аляповатые бомбы спрессованы из полиморфной любви и драгоценных нитей массовой культуры – панки-стрелки, мечтающие проколоть себе уши, анимисты-велосипедисты, скользящие в свинцовых сумерках по улицам пособия по безработице, где растут случайные цветы – запоздалые цыганята-воришки, улыбчивые,

отводящие взгляды похитители тотемов власти, мелких монет и дамасских клинков – мы чувствуем их всюду – мы обнаруживаем это предложение обменять продажность наших собственных lux et gaudium на совершенство их нежной грязи.

Так что поймите: наша реализация, наше освобождение зависти от них – не потому что мы Семья, «скопидомы любви», которые держат заложников пошлого будущего, или Государство, которое муштрует нас лишь для того, чтобы мы канули за событийный горизонт нудной «пользы», нет – а потому что мы и они, дикари, отражаемся друг в друге, мы связаны и разграничены той серебряной цепью, которая сияет бледным органам чувственности, трансгрессии и визионерства.

Хаким-Бей. Хаос и анархия. - Москва: Гилея, 2002

Онтологический статус «Теории Заговора»

Кевину Кугану

Является ли "Теория Заговора" заблуждением правых, которое поразило также и левых? Теоретики заговора слева иногда некритично используют тексты теоретиков заговора справа, тщательно исследуя работы представителей "Либерти лобби", содержащие пикантные подробности убийства Джона Ф. Кеннеди, беря на вооружение представления людей из "Общества Джона Бёрча" о "либеральных" интернационалистах СМС-Бильдербергах-Рокфеллере и т.д. и т.п. Поскольку антисемитизм присутствует как на левом, так и на правом фланге, то отзвуки "Протоколов..." можно услышать с обеих сторон. "Исторический ревизионизм" привлекает даже некоторых анархистов. Антикапитализм или экономический популизм правых перекликается с "Красным Фашизмом" левых, который впервые вышел на арену Истории в виде "Пакта Гитлера-Сталина" и теперь преследует нас в форме причудливой "Третьей Волны" - слияния правого и левого экстремизма в Европе, феномена, который в США проявляется в виде нигилизма и "сатанизма" анархо-фашистских групп, подобных "Амок Пресс" и "Радио Вервольф" - и "Теория Заговора" играет значительную роль во всех этих идеологиях.

Если "Теория Заговора" по своей сути является теорией правого толка, то это так только лишь потому, что она подает Историю как результат деятельности скорее отдельных лиц, но не групп. В соответствии с данным аргументом теория вроде той, что была выдвинута Мэй Брюссель (Maë Brussel) - а она считала, что нацисты проникли в американскую разведку и политические управленческие структуры - может показаться левацкой; однако она не содержит подлинно диалектического анализа, т.к. не считает экономическую и классовую борьбу движущими силами и вместо этого возводит все события к проискам тайных сил. Даже представители анти-авторитарного левого движения могут иногда брать на вооружение такое недалекое суждение о Теории Заговора, несмотря на то, что оно не ограничено какой-либо догматической верой в экономический детерминизм. Такие анархисты согласятся, что вера в Теорию Заговора является верой в способность элит влиять на Историю. Анархизм утверждает, что элиты просто плывут по течению Истории, и их вера в свою силу или взаимную поддержку является чистым заблуждением. По мнению таких анархистов, противоположная точка зрения означает признание правоты Маркса и Ленина, и заговорщический авангардизм является лучшей стратегией "общественного движения". (Существование авангардизма подтверждает, что левые, или, по крайней мере, авторитарные левые, не случайно связаны с Теорией Заговора: авангардизм сам ЯВЛЯЕТСЯ заговором!) Ленинисты утверждают, что государство является заговором правых или левых сил, в зависимости от ваших предпочтений. По мнению анархистов, государство не "обладает" властью в каком-либо абсолютном или существенном смысле и лишь узурпирует власть, которая, по сути "принадлежит" каждому индивиду или обществу в целом. Очевидный заговорщический аспект государства, таким образом, является лишь иллюзией, простой идеологической мастурбацией политиков, шпионов, банкиров и прочей мрази, слепо служащей интересам своего класса. Таким образом, "Теория Заговора" представляет интерес лишь как разновидность социологии культуры, как отслеживание фантазий определенных внутренних и внешних групп, и сама по себе Теория Заговора не имеет онтологического статуса.

Это интересная теория, обладающая значительными достоинствами, в особенности - критическим инструментарием. Однако как идеология она страдает от недостатка, присущего всем идеологиям: она создает абсолютную идею и затем объясняет действительность в абсолютных терминах. Представители авторитарного правого и левого крыла разделяют взгляд об онтологическом статусе элит или авангарде Истории; анти-авторитарная точка зрения наделяет особым весом онтологическую историческую роль отдельных лиц или групп; но ни одна из теорий не удосужилась поставить под вопрос онтологический статус Истории или самой онтологии.

Для категорического подтверждения или отрицания Теория Заговора необходимо верить в категорию "Истории". Однако со времен XIX-го века "История" рассыпалась на десятки концептуальных вариантов: этно-историю, психо-историю, социальную историю, историю вещей, идей и менталитетов, клиометрию,

микроисторию. Это не конкурирующие исторические идеологии, а просто разнообразие вариантов Истории. Представление о том, что История творится "великими людьми" или что История является результатом слепой борьбы экономических интересов, или что История ЯВЛЯЕТСЯ чем-то обыденным не выдерживает этой фрагментации на бесконечное множество изложений. В этом случае продуктивным будет не онтологический, а эпистемологический подход, т.е. мы не задаем вопрос о том, чем "является История", а спрашиваем - что и как мы можем узнать из многих вариантов Истории, подчисток, появлений и исчезновений, скрытых сторон и фрагментов многочисленных дискурсов и разнообразных историй о хитросплетениях человеческого становления.

Таким образом, мы можем утверждать (хотя бы в виде эпистемологического упражнения), что хоть люди и являются объектами воздействия классовых интересов, экономических сил и т.п., мы также можем допустить возможность существования механизма обратной связи, посредством которого идеологии и действия, как индивидов, так и групп, влияют на те "силы", которые их порождают.

Фактически мне представляется, что, будучи анархистами того или иного вида, мы должны принять такой взгляд на вещи или согласиться, что наша агитация, образование, пропаганда, формы организации, восстания и т.п. по своей сути тщетны, и только "эволюция" может принести или принесет какие-либо значительные изменения в структуре общества и жизни. Это может быть верным или нет относительно длительного периода становления человека, но это явно ошибочно на уровне индивидуального опыта повседневной жизни. Здесь преобладает разновидность грубого экзистенциализма, словно мы должны действовать так, как если бы наши действия были эффективны, а в противном случае - внутренне страдать от нищеты становления. Без воли к самовыражению в рамках действия мы превращаемся в ничто. Это неприемлемо. Поэтому, если кто-либо может доказать, что все действия являются иллюзией (а я не верю в возможность обоснования такого доказательства), у нас останется проблема желания. Парадоксально, но мы вынуждены (под страхом полного отрицания) действовать, как будто мы добровольно выбираем действие, и как будто действие может произвести изменение.

На этой основе представляется возможным создание неавторитарной теории о "Теории Заговора", которая не отрицает ее полностью, но и не возводит в ранг идеологии. Исходя из буквального значения латинского слова "конспирация", т.е. "совместное дыхание", "заговор-конспирацию" можно рассматривать как естественный принцип анархистской организации. Находясь лицом друг к другу, без какого-либо контроля, совместно мы создаем для себя нашу общественную реальность. Если нам приходится заниматься этой работой в подполье для избежания механизмов посредничества и контроля, мы создаем своего рода заговор. Более того: мы видим, что наши группы могут организоваться подпольно не для избежания контроля, а для попытки его насаждения. Не имеет смысла притворяться, что такие попытки всегда тщетны, так как если даже они не могут влиять на "Историю" (что бы ни понималось под этим термином), они определенно могут пересекаться между собой и влиять на нашу повседневную жизнь. Например, любой, кто отрицает реальность заговора, с необходимостью столкнется с поистине сложной задачей при попытке объяснения деятельности отдельных элементов в разведке и Республиканской партии США на протяжении нескольких последних десятилетий. Дело даже не в убийстве президента Кеннеди и всей эффектной шумихе вокруг этого события; забудьте об остатках организации Гелена (Gehlen Org.), скрывавшихся в округе Далласа; но как можно даже затевать обсуждение скандалов Уотергейта, Иран-Контрас, кризиса сбережений и займов, показательных войны против Ливии, Гренады, Панамы и Ирака, не прибегая к концепции "заговора"? Даже если мы согласимся, что заговорщики действовали как агенты слепых сил и т.д. и т.п., можем ли мы отрицать, что их действия фактически воздействовали на нашу повседневную жизнь? Например, республиканцы объявили открытую "войну наркотикам", тайно используя деньги от кокаина для финансирования правых повстанческих движений в Латинской Америке. Погиб ли кто-либо, кого вы знаете в Никарагуа? Был ли кто-либо из ваших знакомых пойман в лицемерной "войне" против марихуаны? Появилась ли у кого-либо из ваших знакомых пагубная привычка к употреблению крэка? (Давайте не будем даже упоминать о героиновых сделках ЦРУ в Юго-Восточной Азии и Афганистане).

Как отмечает Карл Огльсби (Carl Oglesby), изысканная Теория Заговора не постулирует то, что единственная, всемогущественная, доминирующая клика заговорщиков вершит "Историю". Это действительно было бы дурацкой паранойей, как правого, так и левого толка. Заговоры возникают и исчезают, расцветают и распадаются, мигрируют от одной группы к другой, конкурируют, зарождаются, сталкиваются, взрываются, проваливаются, удаются, разрушаются, выковываются, забываются, пропадают. Заговоры являются симптомами великих "слепых сил" (и, следовательно, полезны, по крайней мере, как метафора), но они также возвращаются к этим силам и иногда даже влияют или заражают их. На самом деле заговоры не являются способом, с помощью которого творят Историю, а скорее - частями бесчисленного множества способов создания наших многочисленных историй. Теория Заговора не может объяснить все, но может объяснить кое-что. У нее нет онтологического статуса, но у нее есть эпистемологическое применение.

Вот гипотеза:

История (со строчной "и") является разновидностью хаоса. История в свою очередь носит в себе множество хаосов, если можно так выразиться. Поздний "демократический" капитализм является одним из таких хаосов, в

котором власть и контроль приобрели утонченный, почти "алхимический" характер, и не поддаются определению. В произведениях Дебора, Фуко и Бодрийара, объявляется о возможности пустоты "власти", ее "исчезновении" и ее замене простым насилием спектакля. Но если История является хаосом, то спектакль можно рассматривать лишь как "странную точку притяжения", а не как некоторую причинно обусловленную силу. Идея "силы" принадлежит классической физике и не играет значительной роли в теории хаоса. И если капитализм является хаосом, и спектакль является странной точкой притяжения, то метафору можно продолжить: мы можем сказать, что "заговоры республиканцев" подобны действенным моделям, которые генерирует странная точка притяжения. Заговоры не являются причинно обусловленными, но тогда ничто в действительности не является "причинно обусловленным" в старом, классическом смысле этого термина.

Одним из эффективных способов исследования исторического хаоса будет взгляд на него через призму заговоров. Мы можем верить или не верить, что заговоры являются лишь имитацией власти, простыми симптомами спектакля, но мы не можем отбросить их как лишние всякого значения.

Вместо разговора о Теории Заговора мы можем попытаться построить поэтику заговора. Заговор будет рассматриваться как эстетическая или языковая конструкция, которую можно анализировать подобно тексту. Роберт Антон Уилсон (Robert Anton Wilson) проделал это в своей обширной и игривой фантазии на тему "Иллюминатов". Мы тоже можем использовать Теорию Заговора как оружие агитпропа. Заговоры "власти" используют чистую дезинформацию; самое меньшее, что мы можем сделать в ответ - отследить ее источник. Действительно, нам следует избегать мистики Теории Заговора, той фантазии, что заговоры всемогущи. Заговоры могут лопаться. Их даже можно побеждать. Но я боюсь, что их нельзя просто игнорировать. Отказ признания действенности Теории Заговора сам по себе является обусловленной "обществом спектакля" формой иллюзорной, слепой веры в либеральный, рациональный, дневной мир, в котором все мы имеем "права", в котором "система работает", в котором "демократические ценности в конечном итоге восторжествуют" потому что так постановила Природа.

История является большой путаницей. Возможно, заговоры не работают, но нам стоит действовать так, как если бы они работали. Фактически неавторитарное движение не только нуждается в своей собственной Теории Заговора, оно нуждается в своих собственных заговорах, не зависимо от того, "срабатывают" они или нет. Либо все мы будем дышать вместе, либо задохнемся поодиночке. "Они", эти ужасные клоуны, плетут заговоры. Мы должны не только вооружиться Теорией Заговора, мы должны создать свои заговоры, свои Временно Автономные Зоны (TAZ's) - свои онтологические ударные отряды партизан-коммандос, своих Поэтических Террористов, свои клики хаоса, свои тайные общества. Так говорил Прудон, так говорил Бакунин, так говорил Малатеста (Malatesta). Такова анархистская традиция.

Перевод с английского: АБ

Редакция: ИП

Текст заимствован с сайта <http://resist.gothic.ru>